
евгений зубарев
990 000 евро
ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАШ ОЛИГАРХ

990 000 евро

Евгений Зубарев

Аннотация
Евгений Зубарев. 990 000 евро
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая

Аннотация

Сержант российской армии совершенно равнодушен к мировому финансовому кризису… но только до тех пор, пока нелепая случайность не заставит его целую неделю изображать олигарха перед светской публикой.

Разоблачение грозит серьезными проблемами, зато удачное завершение аферы позволит всем участникам отлично заработать. Олигарх из казармы ежеминутно рискует провалить задание, попадаясь на мелочах, но у него есть просвещенный наставник-женщина из высшего общества.

Пигмалион и Галатея поменялись ролями, но не изменили своих извечных желаний…

Евгений Зубарев
990 000 евро

©Евгений Зубарев, 2010
©ООО «Астрель-СПб», 2010
Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.
©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава первая

Я бежал быстрее, чем Ганс, потому что Ганс вообще никогда не бегал — этот стокилограммовый белобрысый уроженец поволжских степей умел только неспешно ходить, поплевывая шкурками от семечек и бдительно оглядывая окрестности из-под грозно насупленных бровей, как и полагается крутым парням в поволжских деревнях.

Но сейчас парни круче нас бежали за нами следом, и я уже слышал позади отрывистое дыхание их предводителя — майора Карасика по прозвищу Акула.

Сдвоенный патруль столичной комендатуры гонял нас по московским дворам так долго, что я совершенно потерял чувство времени и ориентацию.

Теоретически я давно уже был готов сдаться, но воспоминания о нравах московской «губы» заставляли мои ноги отрываться от асфальта чаще, чем обычно. Так что вместо цоканья каблуков тяжелых кирзачей я слышал под собой мерный гул, в какой, бывает, сливается стук колес, когда поезд едет слишком быстро. Впрочем, возможно,

это гудела моя голова — ей этим вечером уже досталось, и мне не хотелось снова подставлять ее под чугунные кулаки Акулы.

Впереди показался очередной проходной двор, и я повернул туда, успев скосить глаза назад, чтобы еще раз полюбоваться невиданным прежде зрелищем — бегущим Гансом.

Акула был уже совсем рядом с ним, но хитрый немец успел содрать с себя гимнастерку и бежал полуголым и мокрым от пота. Учитывая, что Ганс всегда стригся под ноль, хватать его можно было только за толстую, как у бегемота, задницу, но это та еще задача… Ганс же качается с утра до вечера, поэтому во всех жизненно важных местах вроде задницы у него развешаны совершенно каменные мышцы, которые не то что не ухватишь — не ущипнешь.

В подворотне оказалось слишком темно для раннего вечера, и, только пробежав там несколько метров, я понял, почему — это был глухой тупик, запертый с той стороны плотно пригнанными к стенам металлическими жалюзи.

Я повернулся лицом к преследователям, и голова моя загудела с утроенной силой (видимо, в предвкушении очередной экзекуции). Майор, оценив ситуацию, уже не бежал, а шел к нам

вразвалочку, демонстративно разминая пальцы рук, а Ганс забежал мне за спину и встал там, безнадежно сопя в мое правое ухо.

У меня поначалу мелькнула шальная мысль, что можно с разбегу завалить Акулу ударом головы в живот и снова вырваться на оперативный простор московских улочек. Но тут в светлом проеме подворотни показались еще пять армейских фуражек, и я в панике начал пятиться назад, пока не коснулся спиной холодной стали.

— Баста, карапузики, кончилися танцы! — бодро пропел майор, встав посреди подворотни в метре от моей унылой физиономии.

— Снимай очки, падла, — приказал он мне, и красные свинячьи глазки Акулы полыхнули адским пламенем, точь-в-точь как у ваххабитов из телевизора. Фанатик дисциплины, мля, дорвался до воспитательной работы.

— Не снимай, Михась! Убьет! Сначала тебя, потом меня, — проскулил Ганс у меня за спиной.

Я подумал, что это и впрямь неверное распределение призовых мест — по справедливости, конечно, сначала бы полагалось набить морду Гансу. Он же, падла, привел меня в этот кабак, «Ромашка» или «Рюмка», не помню точно. Дешево в этой «Ромашке», и студентки, любопытные

до нашего брата, водятся в неисчислимых количествах — такая была у Ганса насчет этого заведения легенда.

А правда оказалась горькой, как моя судьба: в заведении столовались любопытные до самовольщиков офицеры столичной комендатуры.

Неожиданно моя спина задрожала, и я было решил, что это Ганс завибрировал так, что принялись дрожать стены, но потом жалюзи сзади начали подниматься, и я, не раздумывая, упал на асфальт, вжимаясь своим худосочным телом в медленно растущую щель.

Туповатый майор не сразу понял, что происходит, так что я успел закатиться на ту сторону и встать возле огромного черного джипа, для которого, собственно, и поднимались ворота.

В джипе сидела чуть полноватая, довольно симпатичная блондинка, хотя и сильно небритая. Увидев меня, она сдвинула выщипанные брови домиком, а когда в воротах показалась перекошенная морда Ганса, быстро нажала какую-то кнопочку в машине. Я услышал, как щелкнули, закрываясь, замки у всех дверей и поднялось стекло водительской двери.

Ганс протянул ко мне руку, но больше, чем на половину грузного туловища, он пока пролезть

не мог.

— Тащи, братуха… — простонал он и вдруг начал дергаться и извиваться, как будто его щекотали с той стороны сразу в четыре руки.

— В самоволку бегали? — поинтересовался вдруг строгий металлический голос, раздавшийся откуда-то с самых небес.

Я поднял глаза к потолку и закричал в исступлении:

— Да, Господи! Прости нас в последний раз! Помоги, Господи, а то прибьют же, душегубы комендантские!

— Да ладно, сам такой был. Помогу, конечно, — ответил все тот же строгий голос, и в подворотне с той стороны что-то зашипело, а потом сразу несколько глоток заорали нечто матерное.

Жалюзи поднялись уже почти на половину, и стало видно, что Ганса держат за руку и ногу сразу трое комендантских холуев, а Акула стоит рядом и руководит процессом. Я обреченно потянул товарища за свободную руку, но было ясно, что силы не равны. Однако патрульные вдруг тяжело отвалились от Ганса, как насосавшиеся крови пиявки, и принялись отчаянно тереть глаза и орать друг на друга.

Ганс с необычайной проворностью вскочил на

четвереньки и с отчетливым топотом пронесся мимо меня в глубь закрытого дворика. Я почувствовал едкий, выворачивающий душу запах слезогонки, тоже начал тереть глаза и в результате сбил с себя очки.

Я недолго поискал их на асфальте, но потом мне показалось, что ко мне тянется сразу несколько волосатых щупальцев в армейской форме, и, плюнув на потерю, я побежал вслед за Гансом.

Сзади слышались отрывистые всхлипывания и крики, потом взревел двигателем джип, а строгий металлический голос приказал:

— Внимание! Всем очистить помещение! Не мешать проезду машин. Вы находитесь на территории частного домовладения. Немедленно покинуть гаражный выезд!

Я добежал до угла, встал там, осторожно высунул голову и успел увидеть, как Акула со своими холуями неуверенно отступает перед яростно сигналящим джипом.

Едва машина проехала, жалюзи заскользили вниз, и, когда раздался успокоительный щелчок фиксатора, над моим ухом снова раздалось знакомое сопение:

— Кажись, пронесло…

— Проносит только в туалете, — строго попра-

вил Ганса голос с небес, и до меня наконец-то дошло, что это развлекается местный охранник.

Я осмотрелся. Мы стояли в небольшом, но очень чистом и красивом дворике, окруженном с трех сторон зеркальными витринными стенами, через которые, как я догадывался, нас было отлично видно. Зато мы видели только свои отражения — две несоразмерные фигуры, затравленно жмущиеся к ближайшей стенке дома.

Ганс облизал пересохшие губы и просительно поднял глаза к видеокамере над моей головой:

— Нам бы водички попить, браток…

— …А то переспать не с кем? — закончил охранник и загоготал на весь двор: — Ладно, дуйте ко мне, дезертиры, мля, Восточного фронта.

Пару минут мы недоуменно озирались по сторонам, пока наконец не увидели, как в одной из зеркальных стен отъезжает панель.

Ганс подождал, пока я пройду вперед, и потом еще долго возился у меня за спиной, натягивая гимнастерку и подтягивая ремень.

— Да ладно прихорашиваться там, противные. Шагайте уже, — поторопил охранник, и я вошел внутрь небольшого темного холла, обставленного дорогой кожаной мебелью. При таком освещении, да еще и без очков, у меня начиналось что-то

вроде куриной слепоты — я видел только силуэты и тени, не больше.

— Направо по коридору, — подсказал охранник уже из внутренних динамиков, и я понял, что камер тут понатыкано больше, чем ползает клопов у нас в казарме.

Кстати, о казарме. Через час вечерняя поверка, и, если не дать знать Суслику, что мы опаздываем, поднимется совершенно ненужный перед дембелем скандал.

Я прошел по коридору, увидел в конце дверь, подошел поближе и прочитал: «Не стучать. Служебный вход».

Разумеется, я постучал.

Ответа не было, и я нажал на ручку.

За дверью оказалось неожиданно просторное помещение, занятое двумя барными стойками, маленькой и большой, и огромным танцевальным залом. Этот зал был полон странного вида мужчинами, в которых я с ужасом опознал неоднократно виданных мною по телевизору гомосексуалистов. Некоторые мужчины танцевали, разбившись на пары, но большая часть просто стояла, озираясь по сторонам с коктейлями в руках. Костюмы отдельных посетителей показались мне чересчур вычурными даже для

такого заведения.

— Вы куда ломанулись, придурки?! — услышал я яростный шепот сзади и, повернувшись, увидел искаженное злостью лицо охранника, немолодого мужика в черной форме, смахивающей на эсэсовскую.

Мы с Гансом замерли на входе, потом я начал осторожно пятиться назад, но мне мешал мускулистый живот Ганса, упиравшийся прямо в мою тощую задницу.

— Антон, представь нам поскорее наших новых гостей! — проворковал вдруг какой-то напомаженный хмырь в костюме Арлекино, и охранник, встав передо мной и чувствительно пнув меня в бок локтем, сообщил со сдержанной гримасой:

— Господа, Василий Теркин и сержант Чонкин прибыли на наш костюмированный бал! Встречайте!

— Бля, во попали… — услышал я всхлип сзади.

— Могу и на выход проводить, — шепотом отозвался на это охранник. — Правда, вас там еще дожидаются.

— Ах, проходите, дорогие гости, — жеманно защебетал Арлекин, хлопая пухлыми ладошками, и вокруг тоже все захлопали, на удивление приветливо улыбаясь нам.

Я сделал шаг вперед, потом еще один, а потом смог даже улыбнуться разодетой толпе.

— Ну, удачи вам, орлы, — услышал я прощальный смешок охранника и хлопок закрываемой служебной двери.

Я еще раз сделал «чи-из» всем сразу и обернулся посмотреть на Ганса.

Этот придурок встал у меня за спиной, расправив плечи, и, презрительно выставив челюсть вперед, по-пацански четко сплевывал на пол вокруг себя, словно отгоняя злых духов. Впрочем, у них там, в Саратове, педрилы, наверное, и впрямь приравнены к нечистой силе. А вот у нас в Питере они даже маршем как-то прошлись по Невскому проспекту, и им в бубен никто из пацанов настучать не успел. Потому что толерантный у нас город, не то что этот отсталый Саратов.

— Ах, как мило… Ах, как похоже вы пародируете наше российское быдло, — глядя на Ганса, захлопало в ладоши существо, похожее на Мальвину из фильма про Буратино.

Я быстро взял Ганса за вспотевшую ладонь и повел вперед, всерьез размышляя только об одном — что лучше: пересидеть пару часов в этом петушатнике-бедламе или получить прямой в челюсть от Акулы, зато в привычной обстановке.

— Вы позволите, я помогу вашему другу? — остановила меня Мальвина, приобняв Ганса за пузо и старательными, нарочито медленными движениями поправляя ему ремень.

Ганс весь покраснел, от бритой макушки до бычьей шеи, а Мальвина, глядя ему в глаза, сказала:

— Вам душно, дорогуша? Может быть, пройдем в Зимний сад? Ах, какие там сейчас расцвели орхидеи!

Ганс окаменел телом и лицом, и только широко распахнутые глаза приятеля, обращенные ко мне, выражали переполнявшие его чувства.

— Нет, дорогая, — твердо сказал я Мальвине. — Мой… э-э… друг пойдет со мной.

— Какая же я вам «дорогая», — надула губки Мальвина. — Вы что, не узнаете моего персонажа?

— Не-а, — честно ответил я, близоруко щурясь.

— Вы что, шутите? Я — Сергей Зверев! — гордо сказала Мальвина, и тогда Ганс, невнятно матерясь, попер от нас напролом, сдвигая мощным корпусом столы и стулья, в самый темный угол заведения.

— Какая тонкая, чувствительная натура, — сказала Мальвина Гансу вслед и с откровенной

завистью посмотрела на меня.

— Да, это очень тонкая натура, — согласился я, провожая взглядом жирные складки затылка Ганса, мелькающего уже почти у самой стенки зала.

— Через час в Зеленом зале начнется игра. Приходите, прошу вас, — попросила Мальвина жалобно, и я кивнул с легким сердцем, лишь бы отделаться от этого утомительного существа.

— Ах, как хорошо, что вы согласились! — захлопала Мальвина в ладоши и вдруг, резко наклонившись ко мне, чмокнула в щечку.

Потом она тут же бросилась от меня бежать, жеманно виляя бедрами, а я рванул в другую сторону, к Гансу в спасительный полумрак.

Мой друг сидел на краешке огромного кожаного дивана, спрятавшись за высокими спинками стульев, и отчаянно сопел в обе ноздри, как свинья перед казнью.

Я, было, сел рядом, но Ганс тут же демонстративно отодвинулся.

— Ты куда меня привел, падла? — спросил он звонким шепотом.

— Ты чего, дурак? — спросил я, тоже раздражаясь. — Откуда я знал?

— Хрена ты мне тут заливаешь, сука, — злобно

прошипел Ганс. — А то я не вижу, как ты тут со всеми балаболишь, как со старыми корешками.

Я оторопело посмотрел на Ганса, а он, распаляясь, заговорил в полный голос:

— И ведь в бане ты, падла, тоже не по-пацански себя ставишь. Как ни взгляну, ты там жопу мылишь! По полчаса мылишь, как будто шняга какая сзади присохла. Я еще полгода назад, помню, удивлялся, что за фраер такой чистоплотный к нашему взводу прибился. Теперь-то мне все понятно!..

К нам через весь зал прошла Мальвина, и я не стал ему отвечать. А Мальвина, пьяно качнувшись, спросила у Ганса:

— Я что забыл узнать, милые мои. А вы какими лубрикатами пользуетесь? В игре все свои приносят, но у меня на «Ив Роше» аллергия. Такие прыщи сразу вскакивают, жуть!

Я пожал плечами и, мстительно глядя на Ганса, громко сказал:

— Да он у нас по старинному рецепту любит, исключительно с вазелином.

— А-а, ну тогда ладно… — Мальвина тут же развернулась и торопливо направилась к барной стойке.

Ганс шумно выдохнул, встал и шагнул ко мне,

сжав кулаки:

— Все, нах! Урою, сука!

— Охранник сказал, снаружи Акула сторожит, — напомнил я товарищу наше грустное положение, но на всякий случай отодвинулся от него еще дальше, усевшись теперь на другой стороне дивана.

Ганс скорбно поводил небритым рылом по сторонам, но сочувствия нигде не увидел и сел на место, обхватив свою тупую башку и раскачиваясь, как начинающий артист, которому велели изображать глубокое горе.

— Пацаны в батальоне узнают — кранты нам обоим, — сказал он после минуты раскачиваний. — Не, нах, я пошел к Акуле, сдаваться, — добавил он решительно и встал, нервно оглядываясь в поисках выхода.

— Если сейчас попадешься, тогда пацаны точно узнают. Акула в рапорте обязательно укажет, где тебя взяли, — успел я бросить ему в спину, и он обернулся, недоверчиво смерив меня взглядом. — А так, через пару часов, им там стоять осточертеет, и мы отсюда свалим.

Ганс вернулся на диван и сел в метре от меня.

— Сотри с рыла помаду, сволочь, — сказал он, с ненавистью глядя мне в лицо, и я послушно на-

чал водить рукой по щеке там, где меня целовала Мальвина.

На середину танцевального зала вышел конферансье, одетый в строгий темный пиджак, белую рубашку с галстуком, но босиком и без штанов. Уж не знаю, кого он там из себя изображал — Ходорковского, что ли?

Манерно вжимая себе в рот микрофон, конферансье почти пропел на все заведение:

— Господа, мы начинаем наш традиционный ежегодный бал-маскарад! Напоминаем, что все сборы от этого мероприятия пойдут на пропаганду толерантности в российском обществе! Также напоминаем, что на маскараде все гости у нас инкогнито и за обнародование настоящих имен полагается штраф в тысячу евро. Помните об этом, господа, во избежание никому не нужных недоразумений!

Ганс вдруг завозился на диване, роясь в кармане галифе, а потом я увидел, что он вытащил телефон и тупо смотрит на экран.

— Сети нет, — сказал Ганс хмуро. — Глушат тут, что ли? А поверка через полчаса. Если Суслик не прикроет, нам кранты. До осени будем в нашем клоповнике париться.

Он взглянул на меня, а я на него. Широкое

веснушчатое лицо моего приятеля сейчас было искажено такой гримасой боли и отчаяния, что у меня самого защипало в глазах.

Последние два месяца Ганс все уши мне прожужжал про замечательные тактико-технические характеристики своей невесты, которая уже устала ждать его дембеля, обещанного еще в апреле.

В апреле не сложилось, потому что Ганс, я и еще пятеро человек из нашего взвода были изобличены в причастности к первоапрельской шутке, монтажу квадратных колес на «шестерку» комбата. Трезвым комбат за руль никогда не садился, а в тот памятный день влез в машину совсем неадекватным. Поэтому смог выехать за ворота части и проехать на своем получившемся новомодном тракторе два квартала столичных окраин, прежде чем его пропитый мозг растрясло настолько, что он догадался исследовать колеса.

Спалились мы из-за тупости и жадности Ганса — этот четкий пацан, вместо того чтобы припрятать в надежном месте снятые оригинальные колеса, а потом вернуть на место, в чем, собственно, и заключалась придуманная мною шутка, тупо продал их знакомому прапорщику из соседней части. Тот перепродал товар другому

прапорщику, из нашей части, а уже тот прапор, заслышав про беду у комбата, принес ему на продажу те самые колеса. Пройдя по цепочке прапорщиков, комбат вышел на Ганса и отметелил его так жестко, что тот без колебаний сдал всех затейников.

Впрочем, я на него не в обиде — две недели на гауптвахте под присмотром Акулы прошли, конечно, не очень весело, зато у Ганса кардинально улучшился характер. Он почти перестал быковать, а иногда даже производил впечатление разумного человека. Серьезно огорчило меня другое следствие нашей выходки — дембель нам был обещан не раньше июня, когда в батальон прибудет последний боец нового призыва.

Чтобы хлебнуть хмельного воздуха свободы, нам теперь приходилось бегать в самоволки чаще обычного, а значит, чаще нарываться на патрули. Но мы физически не могли уже торчать в казарме и удирали при первой возможности, возвращаясь только на вечернюю поверку. Офицеры давно махнули на нас рукой, не интересуясь нами в течение дня, но вечерняя поверка — это незыблемый, практически святой момент перед отбоем, когда солдат обязан откликнуться на свою фамилию звонким «я», иначе развернутся

небеса и запылает земля под ногами у ротного.

Так вот, судя по моим часам, земля под ногами у нашего капитана уже начинала дымиться.

— Вы позволите? — Возле нашего дивана остановился густо накрашенный мужик в белом халате, из-под которого кокетливо выглядывали бледные тощие ножки. Халат был застегнут лишь на пару пуговиц, потому что мешал живот, а в разрезе груди предупредительным семафором краснел кружевной лифчик.

Я коротко вздохнул и пожал плечами:

— Да садитесь, конечно.

— Нет-нет, я хотел пригласить вашего спутника, — мягко улыбнулся Доктор.

— Куда пригласить? — оторопел я.

— На танец, — в свою очередь удивился моей непонятливости Доктор.

Я взглянул на Ганса. Веснушек на его лице уже не было видно, зато стали хорошо видны желваки, гуляющие по его мятой щетинистой харе. Было ясно, что именно скажет или даже сделает сейчас Ганс, — он и так сидел здесь на последнем градусе терпения.

Я встал и протянул руку Доктору:

— Позвольте мне потанцевать с вами. Мой друг сейчас немного расстроен. У него вчера умерла

любимая собачка, и он до сих пор не может прийти в себя от горя.

— О боже!.. — отчетливо всхлипнул Доктор. — У меня ведь месяц назад тоже умер близкий друг, канадский енот Чарльз. Я кремировал его по православному обычаю. Как вы думаете, он ведь сейчас на небесах? Ведь у животных не может не быть души, не правда ли?

Этот православный енот щебетал еще что-то подобное, но мне удалось увести его от Ганса, и мы принялись вальсировать по танцплощадке, толкаясь среди довольно плотной толпы прочих пидарасов.

Доктор начал теснее прижиматься ко мне, а потом вдруг повел носом и удивленно спросил:

— Не могу понять, какой парфюм вы используете?

Я мысленно охнул, но потом меня осенило, и я снисходительно усмехнулся ему в глаза:

— Вы что, не в курсе последнего парфюмерного тренда? Галактическая фишка от Юдашкина — дезодорант с запахом пота афроамериканцев. Шестьсот евро за миллилитр. Сильная вещь, чувствуете?

— Чувствую, — задумчиво произнес Доктор и снова принялся тискать мои костлявые ляжки.

Потом он вдруг ссутулился, чуть отстранился от меня и грустно произнес:

— Я вам не нравлюсь. Это точно. Вы сторонитесь меня. Ну почему, почему меня постоянно преследуют неудачи в любви?

Я деликатно помолчал, чтобы не выдать себя окончательно, и Доктор продолжил перечисление своих жалоб на жизнь:

— И в бизнесе, знаете ли, тоже не все ладно. Представляете, угораздило вложить почти полмиллиона в акции «Колеса фортуны».

— Сочувствую, — кивнул я и сделал понимающее лицо.

— «Сочувствую», — передразнил меня Доктор. — Не знаю, конечно, у вас парфюм по шестьсот евро за миллилитр… Может быть, для вас полмиллиона вообще не деньги. А вот для меня это был чувствительный удар. Я подумал, что найду утешение здесь, в клубе, — но, увы, и в любви меня ждут одни удары… — Он совсем сложился передо мной в одном низком поклоне и вдруг припал к моей ширинке, лихорадочными движениями начиная ее расстегивать и путаясь в пуговицах армейского гульфика.

Я встрепенулся всем телом, одной рукой прикрыл срамное место, как футболисты перед

пробитием штрафного, а второй уперся Доктору в лысину, отодвигая его на безопасное расстояние.

Доктор выпрямился и упал мне на грудь, заходясь в натуральных рыданиях:

— Меня никто не любит. Меня никто не хочет. Я старый лысый педрила, который никому не нужен!

Услышав последнюю фразу, я изумился самокритичности этой формулировки и с почти искренним одобрением похлопал Доктора по плечу:

— Не переживайте, мой друг. У вас все еще будет — и любовь, и страсть, и бессонные ночи под луной…

— Нет, не будет!.. — капризно возразил Доктор, продолжая мокнуть на моей впалой груди.

Невидимый в полумраке зала оркестр прекратил игру, и причитания Доктора стали слышны всем присутствующим.

— Зануда новенького нашел, смотри, — донеслось до меня.

— А кто это с Занудой? На Прохорова как похож — одно лицо просто! — раздался еще один свистящий шепот.

— Ты что, Прохоров не «тематический»! Он натурал конкретный! — осадили последнего

комментатора сразу несколько голосов, но шепот продолжился, перерастая в отчетливый гул.

Я мягко отстранил Доктора и сказал ему громко и внятно:

— Полмиллиона евро за любовь — это не потеря, а подарок судьбы. Я, бывало, платил и побольше, — что меня вдруг так понесло, я сам не понял, но, сказав эту чудовищную чушь, я красиво повел плечами, стряхивая Доктора с груди, и пошел на диван к Гансу.

На секунду в зале повисла настороженная тишина, а потом она взорвалась гулом возбужденных голосов, долдонивших одно и то же:

— Да Прохоров это, точно тебе говорю!..

— Да не Прохоров это!

Ганс сидел уже в самом углу дивана, тщетно пытаясь спрятать сто килограммов своей роскошной плоти от вожделенных взглядов быстро опьяневших участников карнавала.

Я сел рядом с ним, но не успел сказать ни слова, как рядом показался метрдотель в сопровождении сразу двух официантов. Официанты встали навытяжку, а метр склонился надо мной в угодливом поклоне, шепнув на ухо:

— Рады приветствовать вас в нашем заведении, Михаил Дмитриевич! Это такая честь для нас.

Я отвернулся от него в зал и процедил сквозь зубы:

— С вас тысяча евро за разоблачение, уважаемый!

Метр подобострастно захихикал шутке:

— Да, конечно, теперь я ваш должник до гроба. Но мы никому не скажем! Позвольте спросить, что вы и ваш спутник изволите пить? Или, возможно, вы еще будете кушать? Могу порекомендовать фрикасе из андоррских кроликов, голубцы из верблюжатины, акульи плавники в мексиканском соусе, омара в восточном стиле с имбирем и зеленью в соусе из черных бобов…

Терять нам было уже нечего, и я прервал утомительное бормотание метрдотеля, хлопнув ладонью по дивану:

— Ты что, не видишь — мы нынче солдаты! Водку неси и закусь соответствующую. Не ломай нам игру, скотина!

— Простите великодушно, Михаил Дмитриевич, — забормотал метр, мелко кланяясь и шепотом раздавая распоряжения приникнувшим к самому его лицу официантам.

Потом все они ушли гуськом, как и приходили, а гомон голосов вокруг нашего дивана стал еще гуще. Впрочем, никто теперь не решался подойти

к нам ближе негласной границы, обозначенной светящимися плитками пола примерно в метре от дивана.

Я наклонился к Гансу:

— Ну что ты харю морщишь, как пьяный бультерьер? Сейчас пожрем от пуза, на халяву! А потом свалим.

Тут Ганс затравленно взглянул на меня из своего угла и, горько скривив губы, прошептал:

— Пока ты, сука, там вытанцовывал с этим Айболитом, у меня здесь два раза чуть не отсосали. Тебе, фраеру питерскому, не привыкать, конечно, а вот у нас, в Саратове, так не принято. Не по понятиям у нас такая тема, понял?! Пацаны узнают, хана мне придет! А я, между прочим, две улицы в Саратове держал, на одном авторитете, мля!

Потом он закрыл лицо руками и снова принялся раскачиваться взад-вперед.

Честно говоря, мне его было совсем не жалко — пошли бы сегодня, как я советовал, в «Пьяную Годзиллу», уже бы с реальными бабами терлись. Там напротив женская общага МГУ, так что обстановка в «Годзилле» теплая — туда даже менты ходить не брезгуют, не то что солдаты…

Толпа вокруг стала угрожающе плотной, и когда, наконец, появились официанты, на этот

раз сразу четверо, им пришлось протискиваться через множество тел, обступивших наш диван и столик.

Официанты смогли донести до нас графин водки и целый набор посуды, а вот обещанную закусь, какое-то огромное блюдо, заваленное разноцветными салатами и еще чем-то, наверное, очень вкусным, со сдавленными визгами и оглушительным звоном уронили в образовавшейся толчее прямо на пол.

На шум выбежал метр и стал действовать жестко, как ОМОН на «Марше несогласных», — держа перед собой в руках кожаную папку меню и орудуя ею, словно щитом, он уверенными, мощными движениями рассек толпу на фрагменты и тут же закрепил успех, расставив по углам дивана официантов.

— Никого не подпускать к нашим дорогим гостям, — приказал он, бросив на меня короткий вопрошающий взгляд.

Я благодарно кивнул и устало откинулся на спинку дивана. Мне очень хотелось жрать, но еще больше хотелось выпить. Но я знал, что случится, если я протяну руку к этому запотевшему графинчику, призывно бликующему отражениями светомузыки прямо передо мной, и налью

себе водки в стоящую рядом огромную и какую-то кружевную, неземную, нечеловеческую рюмку.

Мой подельник поймет, что все можно, и начнет лакать водку прямо из графина.

— Ганс, — сказал я негромко, бдительно глядя по сторонам, не подслушивает ли какой-нибудь пидарас наш интимный разговор.

Ганс поднял голову и недобро взглянул на меня.

— Ганс, мы уйдем отсюда через час. Никто ничего не узнает. Поужинаем, как люди, и уйдем. Понял?

— Мне отлить надо, — горько скривив губы, тоже шепотом отозвался этот долбаный поволжский крестьянин, волею судеб родившийся в семье немецких поселенцев, но не набравшийся от своих родичей ни порядку, ни уму.

Я представил, как Ганс сейчас пойдет в местный туалет и что там с ним сделают все эти люди, и сейчас-то еле сдерживающие себя под бдительными взорами официантов, и мне стало тревожно за боевого товарища, с которым мы плечо к плечу отвоевали в нашем военно-строительном батальоне целый год. Одних дагестанцев, помню, за этот год накосили не меньше десятка — а они ведь, суки, дерзкие такие, парой ударов в челюсть

не отделаешься…

— Сиди здесь, не дойдешь! Затрахают в момент, — пробормотал я, и Ганс понуро кивнул, глядя себе под ноги.

Я налил себе водки, и Ганс тут же схватил себе рюмку и начал возмущенно размахивать ею у меня перед носом.

Надо же, что цивилизованная обстановка делает с правильными пацанами, подумалось мне — черта с два раньше Ганс стал бы просить, чтоб ему в посуду плеснули водки. Ага, как же! В лучшем случае забрал бы мою, уже наполненную рюмку, а скорее всего, просто вылакал бы весь графин и шваркнул потом его оземь — где-то в каком-то тупом боевике подсмотрел он этот дурацкий жест, посчитал его чисто пацанским и последние полгода практиковал на каждой пьянке, даже если пил чачу из алюминиевой канистры. А подмосковные бутлегеры, между прочим, сильно обижаются, если потом сдаешь им мятые канистры на обмен.

Выпитая водка приятной теплой волной разошлась по моему усталому телу. Я посмотрел на Ганса, налил ему и себе еще по две порции, а потом, откинувшись на спинку дивана, принялся снисходительно оглядывать стоящую вокруг

публику. Я видел только те лица, что находились совсем рядом с нами, — все они одинаково подобострастно улыбались, едва я поворачивался к ним, и продолжали ловить мой взгляд, даже если я смотрел совсем в другую сторону.

А вот дальше, у самого входа, публика смотрела вовсе не на меня, а на охранника, который, отпихнув несколько рук, с видимым усилием прикрыв за собой дверь, повернул щеколду и пошел к нашему столу уверенной и пружинистой походкой.

Остановившись в шаге от меня, охранник наклонился и, едва шевеля губами, тихо прошептал:

— Там, у парадного входа, уже целый комендантский взвод собрался. И майор один очень активный, реально беснуется, как Жирик на ток-шоу. Не верит, короче, что нет здесь никаких беглых солдат. Что делать будем? Я меняюсь через двадцать минут, так что дальше прикрывать вас здесь некому будет.

— Попили пидоры сиропа, — бодро отозвался на это сообщение Ганс, посмотрев на меня с каким-то странным выражением. Мне даже показалось, что такая развязка его радует, а не огорчает.

Я торопливо налил себе еще водки, и Ганс снова подставил свою рюмку.

Мы залпом выпили свои последние сто грамм-мов, и я сказал озабоченному охраннику:

— Ну, и ладно! Хрен с тобой. Веди нас сдавать-ся.

Ганс радостно кивнул, шваркнув пустую рюмку об пол:

— Ну а чё, нормально погуляли! Жаль, орхидеи, бля, еще не расцвели!

Вокруг подобострастно захлопали, и знакомый тонкий голосок пропел:

— Ах, как похоже! Вы просто талант! Браво! Еще, пожалуйста!.. Еще!..

Мы встали, и Ганс уже с нескрываемым презре-нием оглядел собравшуюся вокруг публику:

— Еще?! Михась, они хотят еще!

Впрочем, Ганс не успел сделать им еще — из толпы к нам вдруг бросилась стройная блондин-ка в гусарском мундире, но в пушистых трусиках вместо рейтуз.

Блондинка цапнула меня и Ганса под локотки и жарко зашептала нам обоим:

— Друзья! Меня зовут Николь. Я московский представитель американского журнала «Шок!». Мне очень нужно сделать с вами интервью… Пожалуйста!

Охранник открыл было рот, но я, пьяно качнувшись, наступил ему на ногу, и он, бросив на меня долгий насмешливый взгляд, все-таки сделал морду кирпичом.

Блондинка мягко повернула нас с Гансом лицом к служебной двери и показала, куда надо идти. Почти сразу из-за ее спины вынырнул немолодой мужчина в костюме телепузика. Ему явно было жарко в глухом меховом комбинезоне — он судорожно вытирал носовым платком багровое лицо. Впрочем, лицо у него еще и дергалось както очень нервно, так что, возможно, он просто волновался.

— А это мой хороший знакомый, Марк Быковский. У него тоже есть в России металлургический бизнес, хотя, конечно, не такой большой, как у вас, Михаил Дмитриевич. Марк Быковский — глава холдинга «МаркСусал», — торопливо защебетала блондинка, и я послушно кивнул красножорежему телепузику, изо всех сил изображая из себя надравшегося олигарха.

Мужик кивком не ограничился — он протис-

нулся между охранником и блондинкой поближе ко мне, раскрыл ладонь правой руки, торопливо переложив в левую руку носовой платок, и робко произнес:

— ОАО «МаркСусал». Мне очень приятно. Очень. Очень-очень.

Он очень-очень грустно посмотрел на свою висящую в пространстве руку, так что мне ничего не осталось, кроме как пожать ее. В качестве бонуса и премиальной скидки я еще хлопнул его по плечу, и он благодарно улыбнулся мне.

Тут же сработала серия фотовспышек, толпа вокруг взревела, а потом стало слышно, как надрывается знакомый козлиный тенорок метрдотеля:

— Господа, у нас запрещено фотографировать гостей. Господа, прошу вас прекратить это!

Но никто снимать не прекращал — напротив, все вдруг повытаскивали свои телефоны и прочие гаджеты, после чего фотовспышки слились в одну сплошную ослепительную иллюминацию.

Блондинка прижалась ко мне всем телом и, двигая упругой грудью, как рулевым колесом, направила меня к служебному выходу — как раз туда, откуда мы нырнули в этот вертеп.

— Мы сейчас едем в «Хошимин», там тоже сего-

дня карнавал. Поедемте с нами, друзья? — прощебетала она на ходу, а ее спутник, подобострастно подхихикивая, тут же развил это предложение: — У меня там, в заднем дворе, машина припаркована, вас никто из прессы не увидит. Ну, пожалуйста, присоединяйтесь, Михаил Дмитриевич! — загундосил он, предупредительно забегая передо мной, чтобы распахнуть служебную дверь.

Я обернулся посмотреть, как там поживает Ганс, но его не менее интенсивно подталкивал в нужном направлении охранник, так что все было в порядке.

Мы быстро прошли во двор, знакомо сияющий в вечернем полумраке зеркальными стенами, и остановились перед огромным черным лимузином с затонированными до бархатной черноты стеклами.

Рядом с машиной уже стоял шофер в расшитой золотом ливрее.

— Прошу вас, прошу вас вот сюда, — засуетился, снова забегая вперед, телепузик.

Я кивнул Гансу, указывая на машину, и увидел, как округлились его глаза.

— Ганс, мы поедем с этими людьми, — сказал я ему строго, и тот осторожно пожал широкими

плечами, глядя на меня совершенно несчастными, как у больного котенка, глазами.

Я посмотрел на охранника — он не скрывал ухмылки, но стоял ровно и молча, дожидаясь конца представления и, заодно, конца смены. Похоже, у него и не такие истории случаются, не в первый раз.

Я ткнул в него пальцем:

— Э-э, как вас там, Антон, да?

Антон слегка наклонил голову, прислушиваясь, и я продолжил:

— Мою машину перегоните на Рублевку. Ну, знаете, куда. И помойте ее заодно. Только как следует помойте, а не как в прошлый раз! Уволю, нах!

— Слушаюсь, сэр, — тут же услужливо поклонился мне охранник, пряча улыбку, а блондинка с откровенным восхищением посмотрела на меня. Потом она как-то цепко ощупала меня взглядом, и я осознал, что это было не восхищение, а изумление. Что-то было сделано не так.

Я первым полез в машину, но, оказавшись внутри, не сразу понял, куда примостить свое измученное тело — в этом роскошном лимузине все сиденья и даже стол посреди салона оказались завалены букетами живых цветов.

Пока я, пригнувшись, озирался в поисках свободного места, в салон влез Ганс и сразу решил проблему, одним движением руки смахнув груду букетов с задних сидений.

Он уселся там, блаженно вдыхая охлажденный кондиционером воздух, и тогда я пошел к товарищу, осторожно перешагивая через букеты.

— Одну минуточку! Сейчас все уберем, — забормотал телепузик, безжалостно вышвыривая букеты из салона прямо на асфальт.

— Хоронили, что ль, кого? От ментов, аль в пацанской разборке братуха сгинул? — вяло поинтересовался Ганс в пространство, но в общей суете этот бред никто не услышал, и Ганс обиженно затих.

В лимузин забралась блондинка, на секунду замерла в интересной позе, выбирая себе местечко, а потом направилась к задним сиденьям, явно собираясь сесть между мной и Гансом.

Уж не знаю, почему мне это не понравилось, но я тут же подвинулся ближе к приятелю. Впрочем, блондинку это не смутило — она просто уселась на мои колени, глядя мне прямо в глаза, и еще поерзала своими меховыми трусами прямо по гульфику застиранных армейских галифе.

Я попытался осторожно спихнуть девицу, но

это оказалось невозможно — она намертво обхватила руками мою шею и расставила ноги так широко, что я оказался в самом настоящем капкане, выбраться из которого можно было бы, только расчленив блондинку бензопилой «Дружба». Я сдался, прекратив сопротивление, и откинулся на спинку кресла, с демонстративным интересом глядя в окно, где блестели витрины ночного клуба и помаргивали отголоски цветомузыки из танцевального зала. На самом деле я просто не знал, как следует вести себя в такой щекотливой ситуации — дать бабище в ухо или, напротив, отдаться инстинктам, настоятельно требующим от меня совсем других действий.

Телепузик уселся последним, спереди, мельком бросив взгляд на задние сиденья и тут же испуганно отвернув свою ушастую голову к водителю.

Лимузин едва заметно дрогнул и поехал к неспешно поднимающимся жалюзи.

За воротами нас ждал сюрприз: не меньше двух десятков солдат, хоть и без автоматов, зато с саперными лопатками на ремнях, тесной цепью стояли по периметру дорожного «кармана» и с читаемой ненавистью в глазах рассматривали нашу роскошную машину.

— Начинаем интервью, Михаил Дмитрие-

вич? — спросила вдруг блондинка, прижавшись ко мне грудью и совершенно закрыв этой своей грудью мне весь обзор по сторонам.

— Э-э-э, — только и смог вымолвить я, после чего блондинка стала вести себя совершенно разнузданно.

Впрочем, утешало одно — для этого ей пришлось слезть с меня и угнездиться внизу, в ногах, так что потную морду Акулы в окошке лимузина я увидеть успел и даже сделал ему ручкой, одновременно сладко постанывая в особо чувствительных моментах.

Ганс тоже увидел Акулу и радостно пихнул меня локтем в бок — дескать, смотри, какие люди нас дожидаются.

Потом Ганс разглядел, чем заняты мы с блондинкой, и, возмущенно кряхтя, начал ерзать рядом. Потом он тронул меня за плечо и посмотрел мне в глаза, то ли укоряя, то ли спрашивая.

Я поднял очи к небу и бодро произнес:

— Ганс, будешь вести себя хорошо, у тебя тоже возьмут интервью. Верно, э-э, мадам?

Блондинка, не прерываясь, внятно ответила:

— Меня зовут Николь. Николь! И я еще мадемуазель, — потом она все-таки остановилась, подняла свое лицо и улыбнулась: — Кстати, вы

ведь тоже не женаты. Не правда ли, Михаил Дмитриевич?

Я на всякий случай кивнул, и она тут же убрала свое холеное загорелое лицо на место.

Ганс хмуро покосился на эту мизансцену, но потом демонстративно отвернулся к окну:

— Братуха, хочу предупредить тебя насчет подставы. Не факт, что это баба. Ты чё, не помнишь, где мы ее подцепили? — сказал он негромко, но внятно, и у меня тут же упало настроение. Ловко Ганс обломал мне кайф, ничего не скажешь.

Николь тоже все поняла, поднялась с колен и взяла Ганса за квадратную челюсть обеими руками:

— Что ты сказал, сука? Это кто, я — не женщина?!

Она сорвала с себя гусарский мундир, под которым не обнаружилось даже намека на лифчик, и потом в два приема сняла с себя свои вздорные меховые трусики.

— Сюда смотри, гондон! — закричала она, раздвинув свои ноги и обхватив сильными, мускулистыми руками голову Ганса так, что тот только мычал в ответ.

Потом она развернулась, уже совершенно голая, наклонившись к нему в крайне убедитель-

ной позе, и Ганс пронзительно заверещал:

— Да женщина ты, женщина! Все, молчу. Женщина, бля, отвали уже от меня, или я за себя не ручаюсь!

Николь торжествующе повернулась ко мне и, трагически сдвинув несуществующие брови, спросила:

— Ну почему у приличных людей охранники всегда такие идиоты?

Я только пожал плечами в ответ:

— Сам не знаю. Может, других охранников просто не бывает?

Глава вторая

Я с усилием открыл глаза и посмотрел туда, куда получилось посмотреть.

Получилось посмотреть на ослепительно белый, но неровный потолок, с какими-то вензелями и странными пазами вдоль стен. По таким пазам должен ездить маленький метрдотель и делать то, что велено, — например, закрывать все окна на фиг, чтобы яркий ослепительный свет не давил мне так на психику, как давит сейчас.

Я отвернулся от этих ярких, назойливых окон и посмотрел на свои руки. Руки мои были пугающе розовы и вдобавок отчетливо тряслись.

— Чё ты там высматриваешь, дятел среднерусский! Ты же пустой, как карман у наркоши, — раздался голос от подушки, и я подвинулся на кровати, чтобы получше рассмотреть эту наглую женщину, укоряющую меня неизвестно за что.

Чуть оплывшее, но еще пронзительно молодое и красивое лицо кривилось на меня из-под подушки.

— Ты кто? — спросил я на всякий случай, но тут же зарылся в свою подушку поглубже, потому

что слышать любые громкие звуки сейчас было просто мучением.

— А тебе не по хрену, пацан? — ответил мне все тот же наглый голос, и я согласился.

Какая, в самом деле, разница, как ее зовут.

Лишь бы не Вася, подумалось вдруг мне, потому что я вспомнил, где именно мы познакомились.

— Ты… баба? — выдавил я сквозь онемевшие губы и тут же получил подушкой по башке.

— Вы чего, уроды солдафонские, оба инвалиды по зрению? Как ночью пялить меня во все дырки, так баба, а наутро, значит, член искать начнем? — раздалось у меня в ушах, и я отчаянно замотал головой, чтобы поскорее остановить этот противный визгливый голос.

Но голос не умолкал:

— Ты хоть знаешь, как попал, дурилка картонная? Мы ведь в люксе с тобой лежим. Штуку двести евро в сутки стоит, расчет в двенадцать нуль-нуль. Я в твоих штанах вонючих уже позырила — там вошь повесилась. Как платить будешь, родной?

Я вылез из-под подушки и посмотрел на нее внимательно.

— Ну чё ты вылупился, чувак? Губки бантиком в педрильном клубе складывай, а на меня эти

фисгармонии не действуют. Через час демиурги явятся, с завтраком и счетом. Вычислят, что ты лох, все, кранты, меня сюда тоже уже не пустят. А мне это надо?..

Я вдруг вспомнил, что являюсь олигархом по имени Миша, и резко прервал ее:

— Женщина, заткни свой фонтан. У меня бабла хватит, чтоб весь этот отель вонючий купить и продать…

Девушка выпрыгнула из-под своего одеяла и села передо мной на корточки, укоризненно подмигивая мне всеми неприличными местами сразу.

— Тормози, чувак! Я тебя еще ночью раскусила. И дружка твоего тупоголового тоже… Не катишь ты на Прохорова — от тебя солдатчиной несет за километр, — закончила она с видимым сожалением, а потом вдруг быстро поднялась с кровати и ушла в ванную.

— Это пот афроамериканских индейцев, галактический парфюм… — упрямо пробормотал я ей вслед, но она в ответ только сильнее шваркнула дверью.

Я тоже встал с кровати и осмотрелся.

Кроме привычной уже утренней головной боли, в моей голове возникло неприятное чувство

тревоги — я не помнил всех наших ночных приключений, но запомнил круговорот загорелых лиц с внимательными, оценивающими глазами. Это были серьезные люди, и они вряд ли простят мне эту выходку — если, конечно, узнают о ней.

А еще эта шмара говорила про штуку с гаком, за которой скоро придут демиурги. Кто такие, и когда мы им успели задолжать?

Я нашел свою форму на ковровом покрытии пола — галифе были сравнительно чистыми, а вот гимнастерка вся была заляпана какой-то коричневой дрянью. Я, заранее морщась, понюхал эти пятна, но запах оказался неожиданно приятным. Несколько минут я вспоминал его и, только отчаявшись сделать это и уже натягивая на себя гимнастерку, вспомнил — это был запах дорогого коньяка, позабытый на срочной службе, но хорошо знакомый мне в незабвенном студенчестве.

Кирзачей в спальне не нашлось, и я пошел искать их в гостиную. Там я нашел Ганса — этот колхозник лежал одетый, мордой вниз на велюровом диване, и безмятежно храпел, как бомж на бесплатном пляже.

Мне пришла в голову очередная шутка, и я вернулся в спальню. Презервативы грудой лежали на прикроватной тумбе, и я взял один, распеча-

тывая его на ходу.

Ганс даже не хрюкнул, пока я приспускал штаны у него на заднице и заталкивал под трусы скользкую резинку. Конечно, по уму надо было совать глубже, но я вообще-то брезгливый, даже смотреть на волосатый зад противно, тем более трогать.

— Надо было туда еще кефира немного плеснуть, для натуральности, — раздался голос у меня за спиной, и, обернувшись, я увидел свой утренний кошмар, уже в прозрачном розовом халатике. Впрочем, отмокнув в ванной, блондинка вышла оттуда если не безмятежной, то хотя бы не такой злобной мегерой, что разбудила меня утром.

— Давай, пока он не очухался, — согласился я, и она, метнувшись к столу, вложила мне в руку бутылочку айрана. Я снова оттянул штаны с трусами у нашего колхозника и аккуратно плеснул туда белой жидкости.

Ганс промычал что-то грозное, даже плечами повел, будто перед ударом, но глаз так и не открыл.

Потом я сел на кресло у окна и стал смотреть, как блондинка наносит на себя боевую раскраску.

В дверь постучали. Я встал, но блондинка выскочила в коридор первой, что-то там буркнула, потом хлопнула дверью, повозилась в коридоре и, наконец, появилась в гостиной с тележкой, полной графинчиков с соком и тарелок с какой-то снедью.

— Ну, чего уставился? Садись жрать, олигарх хренов! — сказала она, установив тележку ровно между нашими с ней креслами.

Я налил себе стакан сока и выпил его под бдительным взглядом изумрудно-зеленых глаз. Интересно, настоящие или это цветные линзы — на гражданке мне доводилось читать о поразительных достижениях гламурной медицины.

— Ты тоже не Ксюша Собчак, подруга, — сказал я в ответ на явный упрек. — Кстати, тебя как зовут-то?

Зеленые глаза напротив зажглись знакомым огнем, и я заранее виновато вскинул руки, заодно прикрывая лицо от возможного нападения.

— Николь меня зовут! Ты что, олигофрен? Не можешь запомнить одно слово? Николь, мля!

Потом она схватила со стола лак для ногтей и таки кинулась на меня, остервенело выкрикивая:

— Ща я тебе, уроду, на морде твоей костлявой

все подробно нарисую. Надолго запомнишь, козлина!

Я успел поймать ее за руку, но кресло сильно накренилось, и мы оба упали на пол, причем она, зараза, оказалась сверху. Халатик призывно распахнулся, и я совершенно рефлекторно притянул ее за талию поближе к себе и поцеловал в грудь.

Николь опешила, и я, воспользовавшись замешательством вероятного противника, поцеловал ее в грудь еще несколько раз.

— Но-но, боец! Такой команды не было, — сказала она с притворной строгостью, однако совсем не сопротивляясь моим домогательствам.

В дверь постучали, потом еще раз, и Николь скривила лицо.

— Твою мать!.. Уходить отсюда надо, — сказала она с совершенно пацанскими интонациями, и я вдруг подумал, как приятно с ней было бы грабить банк.

Дверь в коридоре отворилась, потом к нам в гостиную сунулась любопытная мордашка горничной, тут же пискнула, убравшись назад, и мы услышали, как хлопнула дверь номера.

— Убирать приходили. Может, ты продлишь номер на вторые сутки? — ехидно поинтересовалась Николь, слезая с меня.

Тревога опять подняла меня на ноги — сейчас и впрямь накроют, суки. Денег нет, значит, в комендатуру сдадут, как пить дать.

Я поставил на место кресло и подошел к окну. С нашего второго этажа было видно широкий проспект, забитый машинами от края до края.

— Да что тут уходить — один раз прыгнуть! — объявил я, примериваясь, как ловчее встать на узком подоконнике.

Николь услышала это из спальни, где одевалась, но ее возмущение было так велико, что она полуголой вбежала в гостиную и принялась орать:

— Тебе, козлу, сливаться не привыкать! А мне, после такого прощания, прямая дорога на панель. В клубы дорожку закроют точно.

Ее красивое лицо сморщилось, и она стала похожа на мартышку из мультика про удава.

— Да будет тебе на жалость давить! Ты же корреспондент чего-то буржуйского? — вспомнил я.

Николь обреченно махнула рукой и ушла обратно в спальню.

— Я такой же корреспондент, как ты олигарх, — донеслось до меня оттуда горестное.

Окно я все-таки открыл, и на меня тут же дыхнуло перегретым дымным воздухом и напрочь

оглушило уличным шумом. Май нынче выдался какой-то нереально жаркий.

— Ты что, всерьез решил сдристнуть, дрянь?! Закрой немедленно! — Она вернулась, добежала до окна, сама захлопнула его и стала передо мной, тяжело дыша.

Ее небрежно уложенные волосы совсем растрепались, тушь вокруг глаз смазалась, но зеленые глаза смотрели по-прежнему дерзко и вызывающе.

Я поправил на ней гусарский мундир, заметив, что позолота галунов и всяких прочих причиндалов там здорово пооблезла — одноразовый он, что ли? — и потянулся было поправить меховые трусики, но тут же получил по рукам.

— Не лапай, не купил, — сквозь зубы бросила Николь и с тоской посмотрела мимо меня куда-то в гостиную.

До меня донеслось смачное хрюканье, и я, даже не оборачиваясь, понял, что это Ганс проснулся, нашел тележку с завтраком и наворачивает там за обе свои небритые щеки.

— Михась, чего там встал, давай, дуй сюда. Здесь такая жратва нереальная! — пригласил он меня и снова начал хрюкать и причмокивать.

Николь повернула лицо ко мне и недоверчиво

сощурилась:

— Тебя что, и вправду Михаилом зовут? Смешно. А фамилия у тебя какая?

Я ухмыльнулся и снова протянул к ней руку, поправляя ей трусики:

— Прохоров моя фамилия. И зовут Михаил. Отчество только подкачало — Олегович.

— Круто! А тебе что, никогда не говорили, как ты похож на него? — не поверила она, но на этот раз не стала бить меня по рукам.

Я призадумался, вспоминая свою незатейливую гражданскую жизнь.

— Кто бы мне это мог сказать, интересно? В Политехе, на металлургическом, гламурных тусовщиков не водится, а больше я нигде по жизни отметиться еще не успел.

Николь шагнула ко мне поближе, совсем вплотную, взяла за отворот гимнастерки, будто придерживая, чтобы не сбежал:

— Я тебе не верю. Паспорт покажи.

Я мягко улыбнулся ей в лицо.

— Откуда у солдата паспорт? Его же в военкомате хранят, пока служба не кончится. А военный билет в канцелярии штаба хранится. Эх, женщина…

Николь нахмурилась:

— У тебя что, вообще никаких документов нет?

Из глубины гостиной послышался голос Ганса:

— Михась, чё там за разборки?! На деньги ставит, лахудра? Так пошли ее нах! В «Годзилле» скоро обед начнется, там пучок таких бесплатно возьмем, с пивом и креветками.

Николь повернулась к гостиной, шагнула туда, не выпуская из рук моей гимнастерки:

— Эй ты, жлоб белобрысый. Скажи-ка мне быстро, как его фамилия.

Ганс встал, с грохотом отодвигая от себя тележку.

— Ты чё, овца, «белочку» словила? Мне, правильному пацану, приказы зачитывать?

Николь повела меня поближе к Гансу, и я пошел за ней, жадно вдыхая ее запах — нечто тревожное и одновременно сладкое. Этот запах хотелось намазывать на себя, чтобы он подольше оставался рядом.

Мы добрались до гостиной, и там Николь ухватила за гимнастерку и Ганса тоже:

— Слушайте сюда, вы, два тупых горбатых троглодита!.. Если у этого смазливого хорька есть документы на Михаила Прохорова, мы за неделю в местных клубах столько бабла нарубим, сколько вам, кретинам, за десять жизней не накорячить!

Я промолчал, потому что тупой, а Ганс, заинтересованно глядя Николь под срез мундира, вымолвил:

— У него в казарме права лежат. В тумбочке. Там все чин чинарем написано — Михаил Прохоров, Российская Федерация. А как ты с этой его малявы денег выкрутишь? — спросил он, как бы невзначай приобнимая Николь за талию.

Она не стала отстраняться, позволяя обнять себя, но потом, когда Ганс уже начал пристраиваться к ней с серьезными намерениями, вкатила ему смачный щелбан в лоб и сказала:

— Ты сейчас пойдешь в эту вашу казарму и принесешь его права. Только быстро.

Ганс озадаченно потер лоб, потом обошел Николь, походя шлепнув ее по заднице, и встал передо мной:

— Чего затих, пес кудлатый? Будем с этой падшей женщиной темные дела крутить или как?

Я взглянул на падшую женщину.

Николь отпустила мой воротник и тоже терпеливо ждала моего вердикта, закусив губу от напряжения.

— До дембеля два месяца. Один хрен делать нечего, — сказал я Гансу. — Иди, короче. Заодно легенду там слепи для Суслика, типа нажрался я

в дрезину, но завтра точно приползу.

— Это уже двое суток будет, — возразил Ганс. — Тогда надо пузырь ставить. А если я потом еще раз свалю, то два пузыря нужно.

Мы оба посмотрели на Николь, и она чуть не задохнулась от возмущения:

— Ну вы даете, чмошники! Вас тут кормят-поят, да еще и трахают на халяву, а вам еще с собой подавай! Оборзели вы, служивые!

— А где я сейчас пузырь возьму, женщина? — показал свои пустые карманы Ганс.

— Без пузыря его легко в холодную закрыть могут, — поддакнул я, хотя, конечно, Суслик, наверное, отмазал бы и так. Старшина уже раз двадцать нам докладывал, как мы ему осточертели и какой бы он нам отвесил пендаль в направлении исторической родины, была б на то его воля. Но ведь приказ о демобилизации подписывает комбат, по представлению ротного, а старшина свое мнение может засунуть поглубже и держать там в холоде, чтоб не испортилось.

Николь тряхнула мелированными кудряшками, смерив презрительным взглядом каждого из нас:

— Да уж, пока такие гамадрилы служат в нашей армии, американские матери могут спать

спокойно…

Она порылась в сумочке, достала оттуда целую котлету тысячных купюр и отмусолила одну купюру Гансу.

— На, гусар, бери.

Ганс цапнул деньги, не моргнув глазом, хотя я бы, наверное, постеснялся — и анекдот на этот счет есть соответствующий.

— Ну, я пошел? — спросил Ганс, пошло мне подмигивая.

— Иди, — скомандовала Николь. — Только сразу сюда возвращайся, нам же еще до вечера надо будет карту на его права зарегистрировать.

— Да ты прям хакер в трусах, — похвалил ее Ганс на прощание, задержался взглядом на тележке с деликатесами и, тяжело вздохнув, вышел в коридор.

Я подумал, что пожрать и в самом деле не мешает, но только я уселся в кресло рядом с тележкой и начал орудовать вилкой, высматривая себе жратву попонятее, как дверь номера снова распахнулась, и в гостиную вбежал запыхавшийся Ганс.

— Михась, спалили нас здесь! Акула, вепрь краснорожий, у выхода засаду устроил, я еле ноги унес.

Николь холодно посмотрела на Ганса.

— Ты что, еще и в розыске, парниша? Кота снасильничал или у бабки пенсию отнял?

Ганс, демонстративно игнорируя девицу, прошел к окну.

— Здесь ведь задний двор, братуха? Ну да, так и есть, задний.

Он одним движением распахнул окно и неожиданно ловко перебросил свое грузное тело через подоконник. До нас донесся смачный шлепок, вроде как кальмар упал с пятнадцатого этажа.

Мы с Николь одновременно подбежали посмотреть, как он там плюхнулся, но Ганс уже стоял на ногах и делал нам ручкой с газона.

— Ждите к обеду! — крикнул он на прощание и пошел пружинистой походкой от плеча, точно зная, что мы смотрим ему вслед.

Однако, реабилитировался пацан перед подругой.

Николь так на него смотрела, что мне даже стало немного завидно, и я вернулся к тележке со жратвой, чтобы не видеть этого восхищенного взгляда.

На меня так смотрели только раз в жизни — вчера, когда моя фамилия разнеслась по столикам ночного клуба. Но ведь это совсем не то — там

ведь не мною восхищались, а моим прототипом.

А ведь хочется, чтобы на тебя смотрели и таяли.

Глава третья

Николь погнала меня в ванную, но вовсе не затем, о чем я немедленно подумал. Хотя она тоже явилась туда и внимательно смотрела, как я моюсь, указывая, где я схалтурил, и требуя от меня старательности так, как в прекрасном детстве не требовала от меня родная мать.

— Вот здесь отмой как следует, животное. И здесь не лажай, скотина! А уши! А шея! Мля, ты чего, детсадовский? Тебя что, в детстве шею мыть не научили?

Я терпел ее там минут пять, не больше — пока не понял, что давать мне в ванной она не будет. А как понял, так сразу встал, как есть мокрый и в пене, вытолкал ее из ванной и захлопнул дверь.

«Шея», «уши»… Когда солдату прикажете красоту наводить, если он с утра до вечера пьяный ходит, в думах о родине и оставленной на гражданке беззаботной жизни?

Хотя, конечно, разных чушков я сам не любил — бывало, увидишь такого нечистого лося, что канает в грязном ватнике в столовую, где люди, между прочим, здоровую пищу принимают, так

сразу без лишних разговоров в хохотальник ему заряжаешь. И никто не обижается, кроме самых тупых, потому что про гигиену все наслышаны — по телевизору мозги так промыли, как комбат на плацу не промоет. Кому охота потом керосином или, прости господи, собственной мочой здоровье выправлять, изгоняя из тела дьяволов, как советуют в ток-шоу.

Я вышел из ванной, вытираясь полотенцем на ходу. Николь ждала меня в спальне, выложив на застеленную кровать подозрительный пыточный набор.

— В дантиста играть будем? — На всякий случай я притормозил за пару метров до кровати.

— Ага. И в гинеколога, — ухмыльнулась она, яростно пощелкав маникюрными ножницами.

Я уже говорил, что бываю очень тупым? Так вот, я ничего не понял, пока она не объяснила, что с такими клешнями, как у меня, олигархов не бывает даже среди чернобыльских мутантов. И принялась ловко исправлять положение, щелкая всякими блестящими штучками с удивительной для юной шлюхи сноровкой.

Не скажу, что это было противно, но некая тревога меня не отпускала — я, к примеру, представил, как сейчас в номер вломится Ганс и

увидит, что я себе позволяю. Неудобно получится — и так пацан переживает за компанию, а если еще при нем без всякого стыда боевому товарищу тюнинг наводят, как какому-нибудь содомиту гламурному, может и в крайность впасть. Или драться полезет, а я сейчас что-то не в форме, боюсь, не удеру. Хорош я буду, олигарх пехотный, с полированными ногтями и фингалом под каждым глазом.

Я едва не задремал под мерное жужжание и тихое пощелкивание, так что, когда Николь громко сказала мне: «Все! Ну-ка, встань и пройдись», я вздрогнул и непонимающе смотрел на нее, пока она не столкнула меня с кровати.

Я встал, прошел возле нее пару раз носом вперед, как ходят дорогие тетки по подиумам, потом отбросил полотенце и решительно взял ее за плечи — расшевелила она меня с утра, зараза, а случая расслабиться все не представлялось.

Николь с довольной гримасой осмотрела меня всюду, особо придирчиво глазея на мои ноги и почему-то на спину, а потом вздохнула:

— Подожди, животное, еще не все. Сейчас будем под мышками брить.

У меня, разумеется, опять все упало.

— Ты что несешь, женщина? Какие подмышки?

А как я потом в баню с пацанами явлюсь?

Николь поморщилась:

— В баню, кретин, надо не с пацанами, а с бабами ходить. А бабам твои бритые подмышки будут даже в тему — за человека примут, глядишь, лишний раз отсосут. Уж поверь мне — я знаю.

Мы начали спорить, но она опять меня переспорила, предложив натуральный обмен — я соглашаюсь на надругательство с подмышками и визит в парикмахерскую, а она потом разрешает мне надругаться над ней без презерватива.

Она сделала это с моими подмышками, снова загнав меня в ванную, и именно тогда к нам в номер снова постучали.

Николь нахмурилась и строго сказала:

— Сиди здесь, не дергайся. Можешь пока еще раз помыться — хуже не будет.

Потом она вышла, и я услышал несколько приглушенных голосов из гостиной. Голоса звучали тихо и вежливо, но упрямо и настойчиво — с такими интонациями обычно просят денег уличные попрошайки, и я сразу догадался, что к нам явились клерки со счетами за номер.

Впрочем, Николь их довольно быстро отбрила — когда я второй раз за это утро вылез из ванны, с отвращением обтираясь мокрым с прошлого раза

полотенцем, Николь сидела в кресле с телефоном в руках и напряженно смотрела в потолок.

— Демиурги приходили? — вспомнил я ее комментарии.

— Ага, — рассеянно кивнула она. — Демиурги, копрофаги, некрофилы, адвокаты…

Я подивился этому странному перечислению, возвращающему меня в полузабытую гражданскую жизнь, но комментировать ничего не стал, усевшись в кресло рядом с ней.

Николь повернулась, и ее миловидное лицо вдруг исказили жесткие, резкие черты:

— Значит, так, пацан ты мой нереальный. Я сейчас звоню одному знакомому барыге, ты его, кстати, видел уже. И если он вписывается в эту тему, ты уже никуда не спрыгиваешь, понял? Работаем вместе, и никаких виляний жопой!

Я пожал плечами — мне действительно было все равно. Если Ганс договорится с Сусликом, мы можем до самого приказа бродить по столичным кабакам — главное, больше Акуле на глаза не попадаться.

Я открыл было рот, чтобы рассказать Николь об этом, но она властно подняла руку, приказывая мне молчать, и заговорила в телефон каким-то незнакомым, твердым и уверенным до дерзости

голосом:

— Здравствуй, дорогой! Проснулся? Уже на совещании? Трудолюбивый ты мой, у меня есть тема. Вот именно с этими рейнджерами тема. Да, еще в «Хошимине», в апартаментах. Да, вторые сутки тоже надо оплатить и третьи, как минимум. Ну не зуди, любимый — если тема выгорит, ты получишь в сто раз больше! Бля, я говорю, в тысячу раз больше получишь, ты же меня знаешь! Да, с этим самым. Давай по телефону без фамилий. Похож — не то слово. Один в один просто, я его тут подчистила в разных местах — теперь приодеть осталось и все, город наш. Нет, гардероб я уж, так и быть, сама оплачу, не печалься. С тебя апартаменты и еще надо будет подсветить нас вечером, в тусне. Кстати, а где наш прототип сейчас обретается? Где? Ха-ха, а мужики-то не знают! Значит, у нас месяц есть, как минимум. Что? Пигмалион? Смешно, да, сейчас понимаю. Ну ладно, целую. Там тоже целую. Хорошо, завтра точно поцелую везде. Все, бывай!

Она отключила трубу, но по-прежнему смотрела в потолок, игнорируя мое напряженное молчание.

Я скромно кашлянул, чтобы напомнить о своем существовании, и Николь повернулась ко мне:

— Слушай, а ты вроде не совсем полный идиот, как твой приятель? Словарный запас у тебя побогаче. Учился, что ли, или так, по подворотням нахватался?

Я остолбенел от возмущения — клубная шлюха критикует мой словарный запас!

Николь заметила мою реакцию и взяла тоном пониже:

— Да ладно, не трепыхайте так крылами, корнет. Ты скажи лучше, писателя такого, Шоу, читал когда-нибудь?

Я расправил плечи и, гордый от распирающих меня познаний, торжественно переспросил:

— Которого — Бернарда или Ирвина?

Николь похлопала маленькими ладошками у меня перед носом и удовлетворенно кивнула:

— Слава богу, нашего Пигмалиона хотя бы языку учить не придется.

До меня наконец дошло, что именно она хотела спросить, и я неуклюже сострил:

— В первоисточнике все свадьбой закончилось. Ты меня в финале тоже замуж выдашь?

Николь вздохнула:

— За такие деньги ты у меня дважды в день будешь замуж выходить.

Я не стал ей возражать, потому что уже заме-

тил, что мне не хочется ей возражать. Я даже испугался, что она может передумать и просто уйдет сейчас из номера — где я потом ее найду? Поэтому я только кивнул и молча смотрел на нее, незаметно вдыхая ее волнующий запах.

— Если все пойдет как надо, получим по лимону, а то и больше, — сказала она, тронув меня за плечо и обведя другой рукой пейзаж за окном — дескать, весь мир у наших ног.

Я опять кивнул, даже не вникая в смысл сказанного, но потом вдруг осознал, что за сумму она озвучила.

— По миллиону? Рублей? — глупо переспросил я, уже зная, что точно не рублей и даже не монгольских тугриков.

— По миллиону евро, пацан, — насупившись, сказала она. — Это как минимум. Так что, если ты, падла, не будешь работать как следует, я ночью выстригу все волосы у тебя в паху!

Я поднял руки бритыми подмышками вверх и умоляюще сказал:

— Только не это, сестренка!

Она одобрительно покачала кудряшками, пристально разглядывая меня, а потом с неожиданной теплотой улыбнулась:

— А что ты там все время принюхиваешься,

солдат? Хочешь?

Я радостно замычал, онемев от счастья, тут же спрыгнул с кресла и принялся выплясывать вокруг нее в радостном нетерпении. Николь бережно сняла свои меховые трусики и, удобно расположившись на диване, строго сказала:

— Прическу не помни, Пигмалион хренов. Не для тебя сделана.

Глава четвертая

Второй раз в жизни я забирался в лимузин, но уже помнил, что самые удобные места там расположены в конце салона — можно не просто вытянуть ноги, но даже лечь, если приспичит.

Приспичило не мне, а Гансу, но Николь рявкнула на него, чтобы не мял костюм, и Ганс послушно поднялся с кожаных сидений, сев возле дверей и хмуро глядя оттуда на разъяренную блондинку.

Последние два часа Николь была не в духе, и виноват был в этом Ганс. Он вернулся в «Хошимин», как и обещал, к трем часам дня, но в такой видимой невооруженным глазом безумной истерике, что даже охранники на входе расступились перед ним, не желая связываться с очевидно ненормальным, свихнувшимся типом.

Комендантские жабы, караулившие нас, к тому времени смылись, то ли на обед, то ли окончательно, но в таком состоянии Ганс смял бы их, не задерживаясь.

Я как раз примерял шелковые брюки от готового костюма, который принесла запыхавшаяся Николь, когда в номер ввалился Ганс и замер

посреди гостиной, бешено вращая красными с перепоя свинячьими глазками.

Я решил, что он подрался с комендантскими, и повернулся к нему, чтобы спросить о деталях, но Ганс вдруг задрожал всем телом и закрыл веснушчатое лицо своими огромными руками.

— Пиздец, — весомо и гулко сказал он сквозь натуральные всхлипы, и я поверил ему.

Я просто не представлял, что должно было случиться, чтобы Ганс заплакал. Однажды, минувшей зимой, в каптерке второй роты я едва не заплакал сам, когда нас там зажали с десяток обкуренных кубанских дембелей, но даже тогда этого позора со мной не случилось — Ганс с ходу свернул пару челюстей, и остальные деды расступились перед нами, позволив уйти обнаглевшим салабонам безо всякой сатисфакции.

Николь среагировала первой, подойдя к нашему немцу вплотную и мягко тронув его плечо ладошкой:

— Эй, приятель! Ты чего?

Ганс трагически уронил руки по швам и повернул к ней багровеющее на глазах лицо.

— Этой ночью меня кто-то трахнул в жопу! — всхлипывая, сказал он, с какой-то растерянной, безадресной ненавистью оглядываясь по сто-

ронам.

Николь деликатно хмыкнула, обняла его сзади и, успокаивающе поглаживая волосатую ручищу, сказала:

— Поверь, это была не я.

Ганс тут же обернулся, кривя толстые губы, и я подумал, что он ударит ее. Но Ганс вдруг доверчиво прижался к ней и сказал:

— Тебе я верю.

Потом он снова огляделся по сторонам, злобно сощурившись и напрягая бугристые плечи.

Теперь я старался не смотреть на него, потому что чувствовал, как пульсирует в стокилограммовом теле Ганса темная, злая энергия, требующая немедленного выхода.

Как всегда в минуту смертельной опасности, я сначала пошел прямо на нее, демонстрируя непоколебимость и природный пофигизм.

— Я тут тоже не при делах, противный, — сказал я Гансу в лицо и быстро прошмыгнул мимо него в прихожую, а потом сразу в коридор.

Дверь хлопнула, но вслед никто не побежал, и я прошел по инерции весь коридор, до зеркального холла, прислушиваясь к окружающим меня звукам.

Внизу, на первом этаже, мужики говорили о

пиве — грубый, басовитый голос заявлял, что пиво должно быть темным и сладким, а шепелявый тенор перебивал его, захлебываясь в собственной слюне, и утверждал, что лучше светлого, но при этом горького пива на свете ничего не бывает.

Я осторожно перегнулся через перила и сощурился, глядя на спорщиков. Один из них был облачен в бордовую ливрею и сразу стал мне неинтересен, но вот второй мужик был одет в нечто цвета хаки, и мне это очень не понравилось. Но потом я увидел огромную надпись на его спине, «ЧОП „Корнет“», и понял, что это всего лишь частный охранник, а не человек Акулы.

Я вернулся в номер, беззаботно напевая на всю прихожую: «Ты беременна, это временно», но Ганс уже немного успокоился, сидя на диване рядом с Николь и нервно ее ощупывая, будто искал наркотики или оружие. При этом он непрерывно говорил, изливая свою горестную историю на спокойно сидящую девушку:

— …присел в толчке казарменном, в компании, как водится, ничего такого ведь не думал! Газетку развернул, читаю спокойно, как НЛО в Москве до местных баб докапываются, а тут пацаны рядом вдруг как заголосят! Спрашиваю, что за базар, а они встают все, так и не срамши, и от меня шара-

хаются, как от инопланетного чудовища. Кричат: Ганс, ты очко свое видел? А как его увидишь, в натуре? Рукой провел, чувствую, прилипло что-то сзади. Ну, прилипло и прилипло, мало ли… Оторвал, к глазам подтаскиваю — а это презик! Весь изгвазданный уже, пользованный. Ну и что, думаю, ночь веселая была. А потом меня как током дернуло — я ведь не всю ночь помню, пара часов из башки реально выскочила. И пацаны по лицу моему тоже поняли, что я в себе не уверен. Конечно, такой сразу шабаш поднялся, вилы… Мне теперь вообще неясно, как я в казарме жить буду, без прежнего уважения.

Ганс начал подробно рассказывать Николь, как он жил в казарме с уважением, но ее это быстро утомило, и она убрала наконец маску вежливого сочувствия, резко вскочив с дивана и заорав что есть силы:

— Заткнись уже, придурок! Мне насрать, драли тебя в жопу, в уши или ноздри, ты мне вообще на хрен не нужен, кретин деревенский! Ты принес права другого кретина?! Принес?! Где они, бля?! Давай их сюда и закрой пасть!

Ганс, набычившись, пару минут молча смотрел на девушку, а потом повернулся ко мне:

— Михась, как думаешь, за нее реальный срок

намотают или так, отбояримся, вроде как за кошку?

Я понял, что он не шутит, по особой тряске его кабаньих ушей — перед крепким махачем на него всегда нападала такая странная трясучка, начинавшаяся где-то в районе жирной шеи и заканчивающаяся как раз ушами. Поэтому я быстро подскочил к Николь и успел одним движением зашвырнуть ее в спальню — только она и пискнула.

Потом я встал у дверей, и, когда Ганс, наконец, поднял свою тушу с дивана, я уже был готов встретить его, как полагается.

Ганс попер молча, а я, напротив, орал на него, надрывая глотку, потому что знал, что на немца такие вещи действуют лучше, чем удар рессорой. Хотя хорошая рессора мне там тоже бы не помешала…

Когда Ганс подобрался ко мне на расстояние замаха и понес свой волосатый кулачище прямо мне в морду, я со всей дури треснул его каблуком модного ботинка по коленке и еще добавил туда же для верности стулом, удачно подвернувшимся под руку.

Ганс рухнул сразу, как режим Чаушеску, а я прыгнул на него сверху, молотя кулаками по его

тупой веснушчатой морде.

От этих моих потешных ударов Ганс только отдувался, неуклюже пытаясь встать, но, похоже, колено я ему пробил по-настоящему — немец крутился вокруг здоровой ноги и сквозь зубы грозил мне ужасными карами, но подняться во весь рост так и не смог. Я еще успел поднять стул и треснуть Ганса уже по башке, впрочем, без особого результата, когда дверь спальни распахнулась и на нас выскочила остервеневшая от злости и обиды Николь. В руках она держала прикроватную тумбочку, и я едва успел отскочить в сторону, когда эта тумбочка полетела в нас обоих. Ганс, вращаясь на месте, как подбитый танк, отскочить не успел и принял весь удар на себя — голова у него заметно погрузилась в плечи, а тумбочка с сочным хрустом разломилась пополам.

Тут же наступила тишина, потому что я перестал орать, а Николь и Ганс посмотрели друг на друга молча, но с каким-то пристальным, взаимно проснувшимся интересом.

— Ладно, охолони, лахудра, — примирительно буркнул ей Ганс и, стоя на одном колене, начал рыться в кармане галифе.

— Вот его права.

Николь сделала пару шагов из спальни, забрала

права, внимательно их изучила, бросив взгляд на фото, а потом на меня, удовлетворенно выдохнула и наконец ответила Гансу:

— Еще одна такая выходка, и я скормлю тебя ребятам Марка.

Ганс опять недовольно буркнул что-то, на этот раз неразборчивое, но по его тону я понял, что он успокоился. Я подошел и протянул руку. Ганс мрачно сверкнул очами, но руку принял.

Я с трудом дотащил его кабанью тушу до дивана — он мог только прыгать на левой ноге, а на правую даже ступить боялся, так у него болело колено.

Николь пришлось еще дважды отлучаться из апартаментов: один раз запланировано — сделать мне кредитку у каких-то своих знакомых банковских клерков, а второй раз — менять костюм для Ганса. Тот, что она арендовала поначалу, оказался мал — недооценила наша девушка гансовской мускулатуры.

Во второй заход Николь привела длинного очкастого мужика в белом халате — мужик, не говоря ни слова, подошел к дивану, где недвижимо лежал Ганс, ощупал обе его коленки, определил по нервному дерганью, какая из коленок пострадала, и все так же молча всадил в нее укол, прямо

через армейские штаны. Ганс пошел красными пятнами, но орать передумал — видно, решил показать Николь свою пацанскую крутость.

Потом врач достал из кармана небольшой флакончик с распылителем, показал его Николь и поставил на стол.

— Заморозка? — догадался я, и доктор кивнул, по-прежнему не раскрывая рта.

Николь ушла в спальню, тут же вернулась с котлетой денег и отсчитала доктору несколько купюр. Тот поклонился, бросил на прощание насмешливый взгляд на Ганса и вышел из номера.

— Он чего, немой? — хором спросили мы с Гансом, не сговариваясь.

Николь растянула тонкие губы в снисходительной гримасе:

— Это клубный докторишка. У него стандартный гонорар — три штуки рублей. А я ему сдуру сказала, что если он не будет задавать вопросов, гонорар удвоится. Вот он и прикалывался тут, Айболит хренов.

— Шесть тысяч за один укол? — возмутился Ганс. — Да я бы лучше пол-литру водки выпил, за стошку!

— Не переживай так за меня, я вычту эти деньги из твоей доли, — успокоила его Николь и снова

ушла в спальню.

Ганс повернул ко мне непонимающее лицо:

— А что у меня будет за доля?

Я застегнул наконец все пуговицы на новой рубашке, поправил ремень на брюках и подошел к дивану, демонстрируя ему свой новый наряд.

— У тебя будет доля тяжелая, пацанская, — объяснил я. — А вот у нас, у финансовых магнатов, все будет хорошо.

Ганс даже не улыбнулся. Он наморщил веснушчатый лоб, несколько раз моргнул белесыми ресницами и очень серьезно сказал:

— Михась, мне теперь никак нельзя в казарму. Ты меня знаешь: я без уважения жить не могу.

— Да ладно, подумаешь, презик к жопе прилип. Может, это твой презик был, — начал неискренне возмущаться я, подстегиваемый чувством вины, но Ганс прервал меня мучительным выкриком:

— Суслик сказал, что Акула, падла, на весь округ растрезвонил, куда мы с тобой от него сдриснули! В батальоне только эту новость и обсуждают. При мне, конечно, пока шугаются, но чуть я выйду — сразу начинают про нас с тобой тереть. А как вхожу в казарму — сразу все затыкаются. И смотрят так, будто я у каждого по ведру самогона стырил!

— Это называется гомофобия, — раздался голос из спальни. — Увы, нет еще должной толерантности в нашем нецивилизованном обществе. Не любят вашего брата простые гетеросексуальные россияне.

Ганс зарычал в бессильной злобе и отвернулся к стене.

Николь вышла из спальни изрядно похорошевшая — видно, красилась там, не покладая рук. Потертый гусарский мундир сменило облегающее платье с крупным вырезом, на загорелой шее красовалось нечто вычурно-блестящее, а на руке неземным светом сияло кольцо с большим прозрачным камнем.

Мелкие кудряшки Николь теперь были расчесаны в пышные локоны, красиво обрамлявшие гладкую розовую кожу лица, губы перестали быть тонкими и жесткими, превратившись в призывные и нежные, а зеленые дерзкие глаза чуть затуманились — ровно настолько, чтобы пообещать покорность тому, кто окажется достаточно смелым.

И опять от нее пахло чем-то тревожно-сладким — я дурел от этого запаха, совершенно теряя себя, и мог только шагать на источник, расставив руки пошире, чтобы ухватить его наверняка.

Бац-бум-бах! — я получил по рукам и по лбу одновременно и отпрянул назад, приходя в сознание.

— Даже не думай сейчас об этом, кретин! — рявкнула на меня Николь. — Помоги лучше одеться нашему гопнику, — уже спокойнее продолжила она и показала на второй пакет с костюмом.

Так мы оказались с Гансом в лимузине, уже одетые, как подобает странствующим педрилам. То есть это Ганс так поэтично выразился — видимо, хорошая одежда плюс парфюм положительно воздействуют на то, что у Ганса заменяет мозг.

Николь по-прежнему немного сердилась на него, так что беспечно лежать пузом кверху на задних сиденьях она ему не позволила — из пустой вредности, как я понял, потому что арендованные для нас костюмы были из тех, что не мнутся, даже если ты неделю в них будешь трахать целый публичный дом.

— Мы сейчас немного по Москве покатаемся, я вам покажу, кто где тусуется, чтоб вы совсем детьми в кабаках не смотрелись, — крайне сухим, учительским тоном сообщила она, усаживаясь в одиночное кресло напротив столика.

На столике Николь разложила целую стопку

буклетов, и, едва она устроилась, лимузин мягко тронулся с места, набирая ход.

— Что ты знаешь о гламуре? — строго спросила меня Николь, и Ганс, явно почуяв то же, что и я, немедленно откликнулся:

— Садись, Михась, двойка тебе!

Я принял вызов.

— Гламур — это популярный московский культ, основанный на радикальной потребительской идеологии и обожествлении денег, — поразмыслив пару секунд, твердо отчеканил я, и они оба в крайнем изумлении вытаращили на меня свои озадаченные глаза.

Николь растерянно поправила свои бриллианты на груди, потом пригладила волосы и только тогда сказала:

— Не умничай, солдат. Не в казарме.

Я развел руками и ухмыльнулся ей:

— Вообще-то, я младший сержант. Это намного круче. Вроде как муниципальный депутат супротив директора овощного рынка.

Николь отвернулась от меня, вперив ошалелые глаза в Ганса:

— Эй, ты, фриц! Ты такой же умник? Тоже просто косил под дубину?

Ганс нервно почесал затылок и, неуверенно

хмуря на меня белобрысые брови, ответил:

— Я в Саратове две улицы на одном авторитете держал! А клавы за мною табунами бегали. Так что мы без вашего гламура жили нормально… и еще проживем.

Облегчение явственной волной пробежало по напряженному лицу Николь, расслабляя ее черты до обычного снисходительного спокойствия. Она повернулась ко мне:

— Ну и ладно. Он, в конце концов, всего лишь охранник. Будет молчать и принимать красивые позы. Эй, браток, ты умеешь принимать красивые позы?

Ганс, обидевшись, отвернулся к окну, но, затылком чувствуя заинтересованный женский взгляд, невольно расправил плечи и напряженным поворотом головы обозрел дорожно-транспортную ситуацию за бортом лимузина.

Николь засмеялась:

— Годится!

Лимузин притормозил возле залитых рекламным огнем витрин и теперь двигался медленно и значительно, как океанский лайнер во время швартовки.

— Посмотрите направо, — с откровенно лекторскими интонациями сказала Николь. — Перед

вами самый блядский притон столицы, называется «Стильные штучки». Мы туда не пойдем — олигархи в таких местах не светятся, разве только с биоаксессуарами.

— С кем? — не понял я. Ганс тоже не понял, но молчал, потому что не хотел снова слышать про свою тупость.

— Bioaccessory — человек, которого берут в общество в качестве выгодного фона, — все тем же лекторским тоном сообщила нам Николь. — При этом в разных тусовках нужны разные виды bioaccessory.

Наша машина продолжала неспешно плыть в неоновом безумии, и я понял, что экскурсия по этой улице будет обстоятельной.

— Посмотрите налево — это клуб…

Что там за клуб, я не услышал, потому что в наше раскрытое рядом окно засунулась волосатая нечесаная харя и заорала страшным голосом:

— Граждане, подайте на развитие русского алкоголизма!

Ганс совершенно рефлекторно, скорее от испуга, чем по необходимости, треснул харю кулаком в лоб, и попрошайка шумно упал на тротуар, по пути еще что-то роняя.

— Молодчина, отличная реакция! Ты прирож-

денный охранник! — оживилась Николь и даже похлопала в ладошки. Ганс бросил на нее торжествующий взгляд, но потом снова с напускным равнодушием отвернулся к окну.

У Николь зазвонил телефон.

— Да, любимый. Да вот, выходим в свет. Думаю, начнем с «Метелицы», но ты нам там не нужен. Приезжай в «Дятел» к десяти — подсветишь нас на полчасика. Ну, хорошо, давай к двенадцати.

Николь выключила телефон и теперь тихонько постукивала им по бликующим губам, задумавшись о чем-то важном. Я незаметно подвинулся к ней поближе, желая снова почувствовать ее запах, но в этом чертовом лимузине слишком сильно воняло освежителем воздуха и кожей.

— Эй, ты, красавчик! А тебя как зовут? — спросила вдруг Николь, хлопнув Ганса по плечу.

— Братва Гансом кличет, — буркнул он, не оборачиваясь.

— Да мне не кличка твоя нужна, а нормальное имя, — поморщилась Николь.

— Ганс — мое имя, — сообщил он, теперь уже повернувшись всем корпусом, чтобы смерить взглядом наглую тетку.

— А фамилия?

— Миллеры мы, — ответил Ганс с достоин-

ством.

— Что? — не поверила Николь. — Прохоров и Миллер?! А Абрамовича у вас там, в казарме, случайно, нету?

— Да он и правда Миллер, — успокоил ее я. — У них, в Поволжье, целая деревня этих Миллеров. Немецкие переселенцы, еще с матушки Екатерины Великой.

— Охренеть можно, — призналась Николь, переводя обалдевшие глаза с меня на Ганса и обратно.

Мы проехали развеселую, сияющую огнями улицу и встали на перекрестке, пропуская кавалькаду дорогих авто. Закатное солнце пустило последние на сегодня лучи, бликуя ими по лакировке автомобилей, а вокруг, перебивая солнечный свет, бесновалась реклама.

Я сидел в двенадцатидверном лимузине, в машине, которую раньше даже по телевизору не часто видел, в обществе женщины, которая казалась мне воплощением неземной красоты и роскоши, и которую я, простой питерский студент-недоучка, мог, пусть иногда, любить так, как мне хочется, и мы ехали на экскурсию по самым роскошным заведениям Москвы. Ну за что мне такое счастье, хотел бы я знать?

— Ну что, счастье мое, слушай диспозицию на сегодня, — опять сухим, строгим тоном сказала мне Николь.

Я улыбнулся и кавалерийским броском придвинулся к ней сразу на полметра.

— Но-но! — встрепенулась она, испуганно оглаживая платье, будто я уже сорвал его. — Сиди на попе ровно и слушай сюда.

Я сел ровно.

— Тебя зовут Ганс Миллер. Понял? Ганс Миллер. Ты — саратовский бизнесмен. Эй, ты меня слышишь? Повтори, что я сказала!

— Меня зовут Ганс Миллер. Я — саратовский бизнесмен, — послушно повторил я, совершенно не вникая в смысл сказанного.

Ганс опять повернулся к нам и с искренним негодованием закричал:

— Какой же это Ганс Миллер? Где вы таких Миллеров видали? Да с таким чертом ни один Миллер рядом срать не сядет! Да из него Миллер, как из лося велосипед!

— Молчать!! — вдруг рявкнула Николь так, что мы оба вздрогнули.

Да-а, глотка у нее луженая, прям как у нашего комбата. Тот тоже, как нажрется, давай орать на плацу про то, какие мы все дебилы и как отчаян-

но позорим российскую армию.

— Тебе не пох, кого твой кореш эту неделю изображать будет? — тоном ниже спросила Николь.

Ганс ревниво покосился на меня и тоже тоном ниже ответил:

— Не пох. Фамилию позорить не позволю. Если он у тебя в программе пидором или клоуном каким заявлен, то я возражаю. Никогда Миллеры до этого дела не опускались!

— Бля-я-я, — устало протянула Николь. — Ладно, будешь Гиммлером из Челябинска, сука, — сказала она мне и полезла за сигаретами.

Пока она курила, я примерил на себя эту гнусную фамилию и решил, что такое погоняло мне тоже не нравится.

— Слушай, может, не надо Гиммлера? Гнилая какая-то фамилия… — осторожно начал я, и тогда она взорвалась, как целая бочка с плутонием.

— Охреневшие тупорылые суки! — орала она, надсаживаясь. — Вас ублажают, как фараонов египетских, а вы, твари неблагодарные, морды воротите! А ну быстро сняли костюмы и пошли отсюда нах!..

Я взглянул на ситуацию с этой точки зрения и похолодел. Конечно, костюмы мы бы не сняли, еще чего, но выйти бы из лимузина в итоге при-

шлось, и куда бы мы пошли, такие красивые?

Да в батальоне не то что комбат, даже Суслик убил бы за такое явление народу — направляясь в казарму, два пидора в шелковых костюмах да в чистых рубашках с запонками топают по плацу, стуча моднючими ботинками.

А там, в казарме, ребята второй бидон чачи приговаривают, и скучно им, сил нет. И вот им развлечение явилось, все в чистом и дорогом. А форма в «Хошимине» осталась, и хрен нас туда пустят без Николь. Да если и пустят, ключ от номера все равно у нее, а если дверь ломать — менты нарисуются…

— Ладно, пусть Миллер.

— Ладно, пусть Гиммлер.

Мы отозвались хором, и Николь ухмыльнулась, победно оглядывая поверженных спорщиков.

— Значит, будешь Ганс Миллер. Так нам всем будет удобнее, — сказала она, и я быстро кивнул, стараясь не глядеть на насупившегося Ганса.

Потом я немного подумал и спросил:

— Подожди, а разве я не олигарх Прохоров?

Николь вмяла сигарету в узкую золоченую пепельницу подлокотника и выразительно постучала ладошкой по своей кудрявой головке:

— Дубина. Кто ж так в лоб людей разводит!

Ты у нас, конечно, как бы Прохоров, но делаешь вид, что ты вовсе не Прохоров, а какой-то там Миллер.

Я тяжело вздохнул, и Николь соизволила объяснить подробнее:

— У нашего олигарха роман, который он скрывает от прессы. Поэтому он представляется саратовским коммерсантом и носит вот это… — Она выудила из пакета парик и бросила мне.

Париков я не носил никогда в жизни. Взвесив на руке неожиданно тяжелую волосатую гадость, я несмело начал примерять ее у себя на голове.

Ганс смотрел на меня с сочувствием, но края его толстых губ насмешливо подрагивали.

Николь помогла мне нацепить парик правильно и достала пудреницу — показать, на кого я стал похож.

Из круглого окошка зеркальца на меня смотрел неприятный волосатый пижон, которому сразу захотелось дать в морду.

Ганс теперь тоже смотрел на меня с плохо скрываемым омерзением. Даже Николь поморщилась, покачивая пергидрольными кудряшками:

— Да-а, какого-то мудака ты мне в этом парике точно напоминаешь, — задумчиво сказала она, не отводя от меня глаз.

— Надеюсь, Гиммлера, — буркнул я, отворачиваясь от них обоих.

Лимузин выехал на Калининский проспект и через пару минут въезжал на парковку перед «Метелицей». От входа к нам уже бежал пожилой швейцар в расшитой золотом ливрее, но я смотрел не на него, а на джип военной комендатуры, вставший почти у самых дверей соседнего кабака. Рядом с армейским джипом стоял милицейский «бумер» с синими номерами, а вокруг него стояли люди в камуфляже, с автоматами в руках и бдительно зыркали по сторонам.

Ганс тоже увидел комендантских жаб и кивком показал Николь на них:

— Смотри, как нас обложили. По всей Москве, похоже, ищут.

Николь насторожилась:

— А что вы такого сделали?

Мы одновременно пожали плечами, и она уверенно сказала:

— Значит, это не вас ищут. На хрен вы кому сдались, хомяки блудливые. Пошли…

Ганс чуть помедлил выходить, еще раз бросив острый взгляд в окно, и тогда она достала из сумочки солнцезащитные очки:

— Держи, охранничек. Тебе в тему будет.

В очках Ганс смотрелся натуральным Крепким Орешком — мне даже завидно стало.

Швейцар не успел распахнуть нам двери автомобиля, поэтому теперь виновато семенил впереди, показывая дорогу. Николь взяла меня под руку и сунула в руку бумажку.

— Отдашь ему, когда пройдем через холл, — шепнула она мне в ухо, и я тут же воспользовался оказией, прижав девушку к себе поближе.

— Да успеешь ты трахнуть меня еще сто раз, — раздраженно прошипела она, и я радостно заорал на весь холл:

— Ты это сказала! Трахнуть сто раз! Теперь не отвертишься!

Несколько случайных посетителей вокруг вежливо улыбнулись нам, с благожелательным интересом разглядывая всю нашу троицу.

Швейцар целенаправленно проводил нас до лифта, и там я вручил ему бумажку.

Это оказалась купюра в сто долларов, и мы оба, я и швейцар, с одинаковым изумлением вылупили на нее глаза.

Потом я почувствовал тычок в печень и взял себя в руки:

— Выпьешь за мое здоровье, — неискренне сказал я швейцару, пожирая купюру глазами, но все-таки пошел в лифт, увлекаемый туда Николь.

— Как прикажете, барин, — откликнулся швейцар, и я увидел в отражениях зеркал, как он усмехается в свои пышные седые усы.

Ганс зашел последним, перекрыв вход широкими плечами и грозно обозревая вестибюль, пока не закрылись двери лифта.

— На троечку зашли, — недовольно сказала нам Николь, и я понял, что в своей первой жизни она точно была учительницей.

Надеюсь, хотя бы старших классов.

Глава пятая

Вогромном ресторанном зале на втором этаже было полно свободных столиков, но Николь уверенно провела нас мимо, к лесенке, ведущей еще выше — в небольшой, закрытый от любопытных глаз кабинет с балкончиком.

В кабинете было душновато, и Николь по-хозяйски распахнула окно, заодно внимательно обозрев обстановку в ресторане внизу.

Мы едва успели сесть за сервированный одними столовыми приборами стол, как к нам вбежал запыхавшийся метрдотель в сопровождении официанта.

Николь взглянула на меня, и я ее понял. Здесь полагалось командовать мужчинам. Нам раздали меню в бордовых кожаных папках, но мне достался какой-то странный вариант — даже не на английском языке. Возможно, это был французский.

Я напряг мозги, пытаясь вспомнить хоть одно название ресторанного блюда, но из гражданских познаний вылезли только банальные шашлыки да «икра заморская, баклажанная». Когда пауза

стала неприлично долгой, я вдруг вспомнил слова нагловатого метра из голубого клуба.

— Подайте-ка нам сюда, любезный, омара в восточном стиле с имбирем и зеленью в соусе из черных бобов. И выпивку соответствующую.

Метр равнодушно кивнул, не поднимая глаз, потом закончил чиркать в своем блокнотике и совершенно по-киношному, задом, пошел к дверям, исчезая за тяжелыми створками.

Официант немного полетал вокруг стола, поправляя скатерть и приборы, а потом тоже исчез.

Николь тут же зашипела на меня:

— Из тебя олигарх, как из меня Валентина Терешкова. Какие омары, кретин — ты их есть-то умеешь?

— Могла бы предупредить, что здесь меню неуставные. — Я повернул кожаную папку и вдруг обнаружил на обратной стороне русский текст.

Николь укоризненно хмыкнула, а я вдруг поразился ее неведению:

— А ты что, не обедала тут ни разу?

— В кабинете? Никогда, — отозвалась Николь с какой-то горечью. — Просто я знаю, что здесь всегда обедают важные шишки. Пока мы тусу-

емся внизу. Здесь же ценник завышен втрое, как минимум — за понты.

Я наконец осознал, что это наше приключение будет познавательным для всех, и сказал об этом вслух, но тут к нам впорхнул официант с подносом, полным бутылок, и я вышел на балкон, чтобы случайно не выдать себя каким-нибудь неловким словом или движением.

Зал внизу потихоньку наполнялся, но мне, с моей близорукостью, были видны только фигуры и позы, но не лица.

Разные фигуры принимали разные позы, но в целом картина была узнаваемой — я такое уже видел на канале «Дискавери», в передаче про стадных животных. В любом стаде, уверял тогда диктор, существует иерархия, основанная на силе и власти, и все животные одинаково воспроизводят символы своей силы и своей власти, принимая соответствующие позы. Так, в стаде морских котиков доминирующий самец любит опереться ластами на самца, лежащего рядом, и более слабый самец даже не вякает.

Внизу самцы опирались друга на друга не только ластами, но и взглядами, и никто из них, что интересно, тоже не вякал.

Одновременно самки показывали всем ин-

тересующимся вдумчивым исследователям первичные половые признаки — фирменные сумочки, дорогую бижутерию или, на худой конец, своего спутника.

Я поглазел на сумочки и спутников, но ничто из этого набора меня не удивило, пока я не заметил совсем рядом, на столике нашего балкона, сложенную вдвое газету. Я пригляделся, близоруко щурясь, и решительно шагнул к столу.

Заголовок газеты угрожал мне по меньшей мере тюремной камерой: «Солдаты изнасиловали уже четырех человек и покалечили двух петербуржцев!»

Дрожащие ноги сами усадили меня на стул, и я тут же развернул газету.

...

На фотороботах, подверстанных к заметке, красовались невнятные унылые морды, под которые подходил кто угодно, хоть Бен Ладен, хоть Папа Римский, хоть я с Гансом. Впрочем, ничего иного я от местных ментов и не ожидал. Разве кто из них будет разбираться, какие и где бегают солдаты по нашей необъятной родине.

Судорожным движением я поправил парик на голове и принялся читать дальше. На полосе светская хроника нашлось искомое: « *По неофициальной информации, полученной из достоверных источников, в столицу прибыл глава интернациональной металлургической корпорации Михаил Прохоров. Олигарх неплохо провел время в одном из самых скандальных клубов столицы, а затем исчез. Говорят, что его видели в апартаментах „Хошимина“, но эта информация еще нуждается в уточнении. По нашим сведениям, в столице Михаил Прохоров также встречался с Марком Быковским, владельцем небольшой, но, похоже, весьма перспективной компании, ОАО „МаркСусал“, специализирующейся на производстве алюминия, никеля и титановых сплавов. Заметим, что одновременно некоторые СМИ*

утверждают: олигарх пятый день находится под арестом в тюрьме одной из европейских стран. Эти вздорные газетки утверждают, что уважаемый коммерсант, находясь во Франции, избил трех служащих ресторана, пятерых посетителей и два наряда полиции, за что был арестован. Бекки Корзинкина, наш светский репортер ».

В качестве иллюстрации к материалу красовалось вчерашнее фото из ночного клуба — там я с кривой гримасой пожимал руку Марку, а на заднем плане Николь в гусарском мундире и Ганс в обычном солдатском обмундировании создавали странный, будоражащий фантазию фон.

Я ревниво покосился на снимок, отметив, что Николь на фото выглядит настоящей принцессой, или, как минимум, супругой президента Франции.

Ганс, как обычно, выглядел полным убожеством, но где-то в самой глубине своей нечистой души я понимал несправедливость и субъективность этой оценки — на самом деле, конечно, солдатская форма удивительно шла к лицу этому поволжскому гопнику. Канцлер Бисмарк остался бы доволен, увидев это чудо, марширующее к столовой.

Я вернулся в кабинет, оставив газету на столе

— мне не хотелось создавать у Николь впечатление, что с нами опасно иметь дело.

Николь ровно и недвижимо сидела за столом, рядом устроился вальяжный Ганс, сжимая в грязных руках одновременно вилку, нож и ложку, и все это было ожидаемо, но потом раздался стук в дверь, и я как-то сразу заранее насторожился — ведь официанты здесь входили без стука.

Ганс, охранничек, только лениво повернул на шум голову, занятый какими-то своими простыми мыслями.

Дверь распахнулась, и в проеме показались трое представительных мужчин в костюмах, с лацканами, увешанными разноцветными орденами и неизвестными мне, зато очень яркими знаками отличия.

Один из гостей, седой полный мужчина с дорогим кожаным портфелем в руке, встал возле нашего стола и негромко, но очень проникновенно сказал:

— Господа, от имени правительства Российской Федерации я уполномочен сделать важное заявление.

У меня захолонуло сердце, но потом я пригляделся и понял, что это, конечно, были не менты. Больше всего эти люди напоминали гаишников

— на их лицах была такая же смесь превосходства, презрения и тщательно скрываемого страха разоблачения, как и у наших уличных торговцев полосатыми палками.

Я сделал строгое лицо, подошел к первому, пожилому визитеру, на расстояние шага и мысленно схватил его за воротник. В казарме, к примеру, подобный психотренинг заставлял салабонов без возражений мыть полы от заката до подъема.

Мужик, однако, стоял недвижимо, и я сосредоточился, теперь уже в подробностях представляя, как бью его в пах левой ногой и добавляю правой. Когда делаешь это правильно, человек действительно пугается, а потому отшатывается, прикрываясь руками.

Но этот мужик опять не дрогнул, и я с любопытством взглянул ему в лицо.

Он поймал мой взгляд и с готовностью отрапортовал:

— Василий Захерящер, председатель Всероссийского национального общества садоводов-любителей, почетный академик МАХАОН, советник президента по национальным вопросам, член партии «Единая Россия» с 1999 года…

Тут я совершенно рефлекторно дернулся и пра-

вая рука, описав короткую дугу, пошла сжатой кистью в челюсть партийного садовода. Я успел отвести ее в последний момент, сам не ожидая от себя такой реакции.

Садовод пружинисто отскочил назад, зацепился было за стул, но устоял на ногах. Его соседи, моложавые мужчины в темных костюмах, тоже отпрыгнули к дверям кабинета, суетливо прикрываясь руками, но их предводитель быстро вытер ладонью вспотевшее лицо и без тени укоризны продолжил как ни в чем не бывало:

— Господа, позвольте сказать пару слов. Ваш бизнес в опасности! Но мы можем помочь — у нас отличные связи. Правительство Российской Федерации доверило всем нам великую честь принять эстафету экономического процветания и солидарности иерархически высшего по отношению к нему управления, в ходе которого структуры заблаговременно развертываются в среде, проводящей информацию, но не видны с того иерархического уровня, в котором развернуты сверху. Наши специалисты помогут вам сопоставить личные экономические интересы с государственными, ко всеобщему удовлетворению всех заинтересованных сторон, включая ФСБ, МВД и Совет Безопасности…

Он указал морщинистой, но еще крепкой рукой на обоих соратников, и те снова замерли по стойке смирно, напряженно кося в мою сторону красными с недосыпа или перепоя глазками, такие одинаковые в своей невзрачности, что, доведись мне увидеть их снова, я бы точно ни одного не признал.

Впрочем, в словах главного садовода и даже в его жестах сквозила такая непоколебимая уверенность в своей правоте, что я едва не поверил в нее и едва не устыдился своего агрессивного ее неприятия.

Но потом в кабинете снова распахнулись двери, вокруг начали суетиться официанты, послышались негромкие команды метра, и тут же порвалась тонкая паутина лжи, которую плел этот придворный садовод со своими партийными прихвостнями.

Все же, по-хорошему, для подобных разводок требуется особый антураж и хотя бы минут двадцать чистого времени, а когда у тебя три раза подряд спрашивают, пьешь ты кофе с сахаром или водку без содовой, достучаться до клиента чисто вербальными штучками вроде НЛП невозможно — потому что клиент элементарно отвлекается на более важные вещи.

Треск лопнувшей паутины лжи услышал даже метр — он вдруг оторвался от руководства официантами и повернул ко мне свое круглое румяное лицо:

— Простите, на сколько персон будем готовить стол?

Николь ответила за меня, подняв голую руку к потолку и показав метру три ярко накрашенных ногтя. Метр подчеркнуто внимательно смотрел только на меня, и я так же акцентировано кивнул ему, показав три пальца.

Тут же вокруг незваных гостей началось сложное движение официантов, в ходе которого все посторонние оказались вдруг выдавлены за пределы кабинета. Дверь захлопнулась, но даже после этого из холла еще доносилось какое-то негромкое, но удивительно отчетливое бормотание про социальную ответственность бизнеса и перспективы нанотехнологических проектов в свете поляризации общественного мнения страны.

Точку поставила Николь, необычайно злобно выкрикнувшая со своего места:

— Заткните его уже кто-нибудь! — и звук послушно уплыл куда-то в сторону.

Так искренне кричат только на прямого конку-

рента, и я внимательно взглянул на нее.

— Ты чего орешь?

Николь пожала голыми плечами:

— Раздражают!

Ганс наконец вспомнил, что он у нас охранник, и вскочил, отбросив столовые приборы:

— Ща разберусь. Сидите тихо, я все сделаю.

Ганс помедлил у дверей, но Николь не стала его удерживать, и я, любопытства ради, тоже. Ганс вышел в холл и пропал на пару минут.

Вернулся он подавленным и сразу обратился ко мне, как к родному:

— Михась, у них в охране батальон братвы, не меньше. Внизу, в зале, по лавкам сидят, на всех щурятся. Мне одному такую толпу не расколбасить. Может, на пару попробуем? Вдвоем шансы есть! — Ганс показал, размахивая руками, как мы всех победим, и я почти поверил.

Но Николь, недолго посмотрев, как Ганс месит воздух кулаками, с неожиданным сочувствием заметила:

— Дурачок, это не братва. Это ФСО. Федеральная служба охраны.

— Да ну? — выдохнули мы с Гансом одновременно, и Николь снизошла до подробного ответа:

— К нам клеились разводилы из общественной академии. Впаривают ордена, звания всякие, хитоны с шапочками. Квадратные такие шапочки, с кисточками, забыла, как называются…

— Шапочки с кисточками? — ошарашенно переспросил Ганс, и его веснушки потемнели от горечи непонимания.

Николь подождала, пока вбежавший в кабинет официант нальет ей вина и обслужит нас с Гансом — мы показали на водку, — а потом тревожным полушепотом закончила:

— У них в клиентах Патриарх всея Руси, мэр Москвы со всеми штатными прихвостнями, а уж ментов с чекистами вообще как собак нерезаных.

— А зачем ментам и чекистам шапочки с кисточками? — осторожно подбирая слова, спросил я.

— Да хрен с ними, с чекистами. Попу-то заглавному эти бесовские шапки зачем? У него же круче прикид имеется, я по ящику сколько раз видел, — в свою очередь удивился Ганс, усаживаясь на свое место.

Николь раскрыла было рот, но потом безнадежно махнула рукой, встала, прошлась по кабинету, то ли разминая ноги, то ли отгоняя злых духов от

стола, а мы с Гансом неотрывно смотрели на ее удивительно подвижную задницу, бьющуюся в яростных конвульсиях под обтягивающим платьем, словно в поисках выхода.

Принесли горячее, и Николь, по-прежнему молча, вернулась за стол. Потом, после небольшой паузы, она вдруг вынула из сумочки мои потертые водительские права и новенькую кредитную карточку:

— Держи, олигарх.

Я с интересом разглядывал пластмассовый прямоугольник со своей фамилией, но спрашивать, когда она успела, не стал — лицо у нее было очень уж недовольное. Я убрал документы во внутренний карман пиджака и налил себе водки.

Ганс принялся ковырять вилкой своего омара раньше, чем принесли мою порцию, а потом, ломая животному панцирь, еще смахнул половину гарнира с тарелки на пол, Николь только покосилась, но не стала делать неуклюжему немцу замечаний насчет этикета.

Но через пару минут она наморщила лоб, задумчиво постучала перстнем по столу, чтоб мы с Гансом отвлеклись от жратвы, а потом, наконец, соизволила раскрыть рот:

— Кстати, господа. Думаю, нам все-таки стоит

задействовать этих академиков. Звону от них много получается, нам это пригодится. Короче, ты на этой неделе получишь научное звание, академика или профессора какого-нибудь, — повернулась она к Гансу.

Ганс поднял на лоб темные очки и, недоверчиво моргая, вытаращил прямой наводкой на Николь свои белесые глазки, но Николь уже встала и пошла к дверям.

Когда дверь закрылась, Ганс демонстративно громко рыгнул в потолок с очень независимым видом. Я это понял так, что он начал побаиваться Николь, — раньше присутствие женщины не помешало бы ему даже отлить, не то что рыгнуть.

— Ганс, дружище, тебе твой костюм нигде не жмет? — тепло улыбаясь, спросил его я, но этот дуралей ничего не понял.

Он только внимательно оглядел себя под мышками и отрицательно покачал головой.

— Даже не морщит нигде, — успокоил он меня, гордо поведя огромными плечами.

Глава шестая

Сомарами мы расправились практически без потерь с нашей стороны — разве что я пролил Гансу немного соуса на новенькие туфли, а Ганс, дернувшись от внезапного ожога, уронил на колени Николь ведро со льдом.

Потом они немного поорали на меня, а затем мы вышли на балкон — Николь показалось, что публика внизу плохо нас разглядела, пока мы ужинали, так что, похоже, теперь нам предстояло отработать съеденную жратву каким-то вызывающим кривлянием.

Мы сели за маленький кофейный столик, и нам действительно принесли кофе. Потом появился невысокий мужик в смокинге и принес целый набор для курения — сигары, какие-то подставки, странного вида щипцы и прочий антураж местных завсегдатаев.

Ганс бросил на меня осторожный взгляд, и я его понял.

— Курить — здоровью вредить, — сказал я вслух, и мужик в смокинге услужливо хихикнул, подсовывая мне раскрытый ящик.

Николь заметила наше замешательство и прогнала лакея прочь, заявив, что его помощь нам не понадобится, а потом устроила мастер-класс, профессионально обрезав нам сразу по две сигары.

Гансу так понравилась серебряная гильотина, что он решил ее спереть, но Николь отсоветовала:

— Не надо, не бери. Карманы будут топорщиться, несолидно это…

Но курить мы так и не стали, даже ради понтов — Ганс, как спортсмен, в принципе не курил, а я бросил на службе, и начинать эту бодягу заново мне совсем не хотелось. Зато нам принесли коньяк — отказываться от него никто не стал.

Потом Николь еще раз вышла в холл и вернулась с кипой разноцветных проспектов. Она села рядом со мной, и мне было хорошо видно, что она там разглядывает — фотографии каких-то значительных людей, выстроенных в шеренги на огромных сценах, разноцветные бумажки с надписями вязью «диплом» или «почетная грамота», неожиданной расцветки и формы ордена…

— Академика, пожалуй, не потянем, — буркнула она себе под нос, уставившись на вложенный в проспекты лист белой бумаги с криво отпечатанным прайсом. — Вот член-корреспондент

— нормально будет!

Ганс насторожил уши, отвернул разрумянившуюся морду от народа внизу и с явной угрозой в голосе заявил:

— Никаким «членом» я вам не буду. Михась, скажи ей, чтоб не выделывалась.

Николь ухмыльнулась и тихим, вкрадчивым голосом произнесла:

— А хочешь получить орден «Во славу Отечества» первой степени? По телевизору покажут. Пацаны в Саратове удавятся от зависти… Герой Отечества третьей степени. О, тут и первой степени герои есть!

Ганс даже привстал на своем стуле. Он недоверчиво сощурился на проспекты, потом перегнулся через стол, потеребил бумаги, но бумаг было много, а разбираться в них ему явно было неохота.

— А чё за орден такой? Кому дают? — снизошел он до прямого вопроса к Николь.

Николь быстро достала нужный проспект, развернула и вслух, с выражением, зачитала целый абзац текста:

...

Ганс слушал так внимательно, что мне стало его немного жаль.

— Это ж про тебя все, в точку, — пошутил я, но Ганс неожиданно строго заглянул мне в глаза и серьезным до хрипоты голосом ответил:

— Да, Михась, тут ты прав. Это про меня. Про спорт все верно сказано и про оборону тоже. Мы же, братуха, Родине служим, не то что эти штатские поцики внизу.

Он недобро уставился на «поциков» внизу, а я внимательно посмотрел на него. Ганс не шутил и явно не желал выслушивать шутки насчет своих будущих наград.

Николь полистала проспект, нашла, что искала, и добила Ганса последним абзацем:

...

Ганс обалдело потряс головой, потом потянулся, расправляя плечи, и наконец мечтательно улыбнулся:

— Это что же, «Любэ» там, что ли, будет? Еще хорошо бы «Виагру» за сиськи подергать. А вот еще «Лесоповал» — это «лучшие представители культурной общественности»?

Мы с Николь, не сговариваясь, утвердительно кивнули:

— Лучшие!

Потом Николь увидела кого-то нужного внизу, в общем зале, и быстро ушла с балкона, а Ганс, дохлебав свой коньяк, неожиданно сочным баритоном затянул «Когда мой бумер подо мной». В общем гомоне его сначала не услышали, но потом он встал во весь рост, пританцовывая, и тогда я стал ловить недоуменные взгляды снизу.

По счастью, танцевать у него не получилось — заныло разбитое колено. Ганс поскучнел, сел на место, кривя физиономию, а потом еще опустил со лба темные очки, поставив, таким образом, жирную точку на всем этом враждебном мире, который окружал его со всех сторон.

Я тоже немного захмелел, но мир вокруг не

перестал быть мне интересен. Больше того, я как-то неожиданно остро почувствовал отсутствие рядом Николь и начал высматривать ее внизу, среди темной толпы беспорядочно суетящихся посетителей этого огромного кабака.

Чуткий Ганс уловил мой интерес и, едва повернув стриженую голову, лениво процедил сквозь зубы:

— Вон там твоя лахудра стоит, лясы точит с какой-то бабой… Да левее смотри, за фонтаном, черт слепой…

Я действительно увидел за фонтаном Николь — она была хорошо видна в своем светлом платьице, к тому же фосфоресцирующем в ресторанной подсветке. А вот девушку рядом с ней видно было плохо — в полумраке зала я разглядел лишь осиную талию, темную, короткостриженную головку да сверкающую стразами сумочку на остром голом плече.

Обе девушки оживленно жестикулировали, а потом, крепко взявшись за руки, быстро пошли прочь.

Мне это совсем не понравилось: во-первых, скоро принесут счет, а я не знаю, как правильно обращаться с картой, а во-вторых, Николь не следовало так плотно ручкаться с посторонними

бабами — не лесбиянка же она, в самом деле.

Нервничал я недолго: Николь с подругой ввалились к нам на балкон минут через двадцать, похоже, сразу после ритуального напудривания носов в местном туалете.

— Знакомьтесь, мальчики. Это Мила Кузина, светский репортер «Гламурного обозревателя» и телеканала «Модница».

Николь смотрела на нас с Гансом с некоторым напряжением, но мы послушно оба встали — я и сам удивился, как гладко прошло представление сторон.

Впрочем, на Ганса Мила бросила лишь мимолетный взгляд, зато я удостоился длинного рукопожатия и даже какой-то фривольной щекотки ладони шаловливыми женскими пальчиками.

— Михаил, — сказал я и только потом вспомнил, что мне велела говорить Николь.

— Ганс, — сообщил Ганс.

Николь с преувеличенной экспрессией всплеснула голыми руками:

— Ах, мальчики, вы же совсем забыли, что вы тут инкогнито. Ну да ладно, Милу я предупредила — она никому не скажет. Верно, Милочка?

Милочка в ответ растянула губы в дьявольской улыбке, и я поразился, какой у нее огромный

рот — ей-богу, до ушей, не меньше. Еще очень поразила ее худоба — какая-то нездоровая, на мой взгляд.

Фигура Милы Ганса интересовала мало — он неотрывно смотрел на ее рот, и я легко догадался, о чем он теперь думал.

Мила скромно присела на самый краешек стула, ближайший, что стоял возле меня, и Николь пришлось обходить стол, чтобы все-таки сесть со мной рядом, правда, с другой стороны.

Ганс неожиданно для всех проявил галантность. Он сам, без понуканий, сходил в кабинет за водкой и стаканами, и мы успели выпить по разу, когда в дверях показался официант с маленькой папкой в руках и тут же удалился, оставив папочку на столе.

Николь наступила мне на ногу и для верности еще двинула локтем в бок, после чего я послушно пошел за ней в кабинет.

— Сорок тысяч пятьсот, — прочитала Николь счет с нескрываемым возмущением. — Они вообще тут охренели, что ли? Ну, положим, двадцатник мы еще могли нажрать, но чтоб сорок?! Фраер питерский, это все твои омары, чтоб тебя ими неделю пучило!

Я пожал плечами:

— Когда еще я в этой жизни омаров бы пожрал?

Потом я подумал и, строго нахмурившись, спросил:

— Ну ладно, хочешь, мы завалим халдея, когда он вернется за деньгами?

— Пошел ты, — вяло ругнулась Николь, ковыряясь в сумочке.

Потом она подняла кудрявую голову и уставилась на меня:

— Хотя, это идея… Вот что, дружок. А давай-ка разыграем с тобой сейчас сценку. Сценка называется «олигарха душит жаба». Ну-ка, покажи, как тебя душит жаба.

Я ухмыльнулся и показал ей средний палец.

— Нет, не так, — поправила она. — Лицо должно быть серьезным и озабоченным. Типа, опять кризис на Лондонской фондовой бирже, а вы тут со своими вздорными счетами.

Я задумался, примеряя на своей физиономии разные маски, но Николь, заинтересованно поглазев на меня с минуту, потом разочарованно отмахнулась:

— Неубедительно. Вот поэтому ты и не олигарх… Ладно, проехали, платим наличными.

Она достала уже изрядно потрепанную «кот-

лету» тысячных купюр и начала быстро отсчитывать их из пачки, бросая вокруг себя короткие тревожные взгляды.

Я догадался, что ее нервирует, и как можно более небрежно заметил:

— Можешь отдать мне те деньги, что у тебя приготовлены для халдеев. Я картинки не испорчу, не переживай. Зато все будет по-взрослому — типа, мужик платит за своих баб и прочий приблудный люд.

Николь криво усмехнулась:

— Ага-ага. А ты с этими денежками сдриснешь через ближайший туалет, так? Тьфу, ну вот, со счета сбилась с тобой, жуликом.

Меня вдруг страшно возмутило это недоверие. Я поглубже вдохнул ее сладко-тревожный запах и возмутился еще больше:

— Ты что несешь, глупая женщина! Куда это я «сдрисну»? Зачем?!

Я сам не заметил, как схватил ее за талию, прижал к своей груди что есть силы, и, только когда она забилась в моих руках, как мышь в капкане, я осознал, что делаю, и отпустил ее.

Николь первым делом поправила прическу, потом собрала разбросанные вокруг нас деньги и только потом сложила их все в кучу на столе

передо мной:

— Хорошо, держи. Попробуем сыграть в честность. Ну-ка, покажи мне, какой ты честный.

Я ухмыльнулся и снова показал ей средний палец.

Глава седьмая

Вэтом кабаке мы не задержались больше двух часов — Николь заявила, что нас ждут не дождутся в каком-то «Дятле», где, собственно, и состоится наш первый выход в свет.

Николь откровенно волновалась, и ее волнение неожиданно стало передаваться Гансу — тот теперь сопел чаще обычного, а уж бдительно обозревал окрестности, играя в охранника, и вовсе каждую минуту.

Милу мы оставили в кабинете: когда я расплатился, Николь сама предложила ей «досидеть с друзьями за нас этот стол», и, не успели мы спуститься по лестнице на один пролет, как наверх с дробным топотом пронеслась ватага стройных девушек с голодными глазами. Некоторые, пробегая рядом со мной, успевали томно улыбнуться и даже слегка задеть меня своими бедрами или грудью, но потом все равно вприпрыжку неслись наверх, несмотря на каблуки и тесные платья.

В холле все еще дежурил тот самый седой швейцар, но на этот раз он отработал свою сотню баксов по полной программе — просеменил ря-

дом, распахнул наружные двери, прикрыл меня зонтиком от несуществующего дождя и довел до уже раскрытых дверей нашего лимузина.

Я с легким сердцем дал ему тысячную купюру, про себя заметив, что стал привыкать к подобным тратам, хотя еще пару дней назад искренне назвал бы подобную выходку идиотской.

Швейцар благодарно кивнул и, прикрывая за мной дверь, шепнул себе в усы, но так, чтоб я услышал:

— Столичный УБОП ищет беглых солдатиков. А работают менты вместе с военной комендатурой.

Я вытаращил глаза на швейцара, а он уже через опущенное окно спокойно показал взглядом на черный «бумер», припаркованный неподалеку.

Я открыл рот, чтобы задать очевидный вопрос, но швейцар тут же молодцевато отдал мне честь и пошел назад, к парадному входу.

Мы медленно тронулись с места, и я повернулся назад, посмотреть, что там делает «бумер».

— Миш, ты чего дергаешься? — спросила Николь, тоже бросая тревожный взгляд назад.

Я очень не хотел ее разочаровывать и потому просто отмахнулся, но она пересела из середины салона ко мне на заднее сиденье и потребовала:

— Говори. Я видела, швейцар тебе что-то сказал.

Я потянул время, поправляя парик, но потом понуро признал:

— Швейцар сказал, что менты нас ищут. И комендатура.

— Он тебя раскусил?! — взвилась Николь и схватила меня за грудки. — Ты что-то сказал ему, кретин? Как он тебя раскусил?

Я пожал плечами и снова повернулся назад.

Черный «бумер» уже вырулил со стоянки и ехал за нами.

Ганс наконец снял свои идиотские темные очки и тоже посмотрел в заднее стекло:

— «Хвост», что ли? — спросил он так легко и непринужденно, словно всю жизнь только и делал, что уходил от «наружки». Заигрался человек в охранника, уже не унять — только пристрелить.

Николь устала смотреть назад и отвернулась, спрятав лицо в ладонях.

— Бля, столько денег впустую, столько времени! И все из-за вашей тупости! — донеслось до меня.

— А чего случилось-то? — снова обозрел окрестности Ганс.

— Твой приятель прокололся. Менты за нами

едут, — сообщила сквозь всхлипы Николь.

— А зачем ментам за нами ездить? — удивился Ганс. — Если б мы им нужны были, они бы нас на выходе повязали.

— Им, наверное, третий нужен, — предположил я, но, увидев непонимающие физиономии, начал объяснять все с начала, с заметки в газете про солдат-насильников.

Николь слушала меня с нарастающим вниманием, даже слезы не вытерла, а потом вдруг спросила:

— А это не вы? По повадкам так точно подпадаете.

— Ты что, женщина, — возмутился Ганс. — Михась же русским языком тебе сказал — то ж танкисты были, из-под Кубинки. А мы стройбат! С Балашихи. Разницу надо понимать!

— Танкисты, стройбат… Члены у всех одинаковые, — огрызнулась Николь, доставая пудреницу.

— Э, не скажи! Вот, к примеру, у нас в Саратове мужики на членах ведра носили, на спор, — с воодушевлением начал было рассказывать Ганс.

— Ага, саратовские мужики настолько суровые, что вытирают задницу наждачной бумагой, — ухмыльнулась сквозь слезы Николь, припудривая

носик.

— А саратовская порнуха настолько суровая, что ее запретили в Германии, — добавил я.

— А саратовские влагалища такие суровые, что откусывают гинекологам пальцы, — подхватила Николь.

— А саратовские студенты настолько суровы, что военком сам от них бегает, — рассказал я.

— А саратовские бабки… — начала было Николь, но Ганс привстал с сиденья, показал нам кулачище и рявкнул:

— А я вам сейчас челюсти сломаю! — и мы с Николь заткнулись.

Наш лимузин совершил плавный поворот, выруливая на неожиданно свободный проспект, и Ганс вдруг удивленно заметил:

— А «бумера»-то за нами нету. Отвалился ваш «хвост».

Мы все принялись всматриваться во всполохи огней за бортом, но лично я ничего обнадеживающего там не увидел. Впрочем, с моим зрением это наблюдение ни о чем не говорило, и я с надеждой уставился на Николь — она девчонка глазастая.

— Ну да, — спустя минуту-другую признала Николь. — Нет за нами никакого черного «бумера». «Хонда» едет, зеленая, «мерс» катит, серебристый,

еще какая-то хня невнятная пилит, а «бумера» не видно. Гнал твой швейцар, цену себе набивал.

— Ага, ложная тревога, — обрадовался я, но Николь испытующе взглянула мне в глаза:

— А как же он все-таки тебя раскусил, ты объяснить не хочешь? На лбу у тебя вроде никакого стройбатовского клейма не видно.

Я в который раз за эти дни пожал плечами, и тут наш лимузин встал.

— Приехали, — крикнул нам из кабины водитель, и мы все повернули голову на голос.

Ганс показал толстым пальцем на кабину и негромко, но убедительно сказал:

— Вот кто нас сдал. Водилы и швейцары всегда заодно. И тусуются они вместе, пока господа гуляют.

Николь закусила губу и покачала головой:

— Этого водилу я больше года знаю. Это же Семен, человек Марка.

Ганс скривился:

— А мне и босс твой краснорожий тоже сразу не понравился. Липкий такой гнус, обходительный, тьфу.

Николь подняла голову и громко сказала:

— Вы, главное, не забывайте, на чьи деньги сейчас развлекаетесь. Пошли! Шоу маст го он!

— Шо? — удивился Ганс, но тут с обеих сторон распахнулись дверцы лимузина, а за ними показались озабоченные лица.

Мы с Гансом посмотрели друг на друга, одинаково тяжело вздохнули и полезли на выход.

Глава восьмая

«Дятел» оказался каким-то непростым заведением — сияющий неоном главный вход, облепленный возбужденной толпой, мы оставили в стороне, а прошли внутрь через скромный тихий дворик, оборудованный, однако, постом вооруженной охраны. В пути от машины до поста нас сопровождали двое мужчин в темных костюмах, явно знакомые с Николь — один из них, пока шел, даже пытался рассказать ей какую-то историю про общего знакомого, но она заткнула болтуна одним взглядом, с деланным испугом стрельнув глазами в меня.

Я подыграл ей, по-хозяйски приобняв ее за талию, а потом в ситуацию хорошо вписался Ганс, случайно или намеренно толкнувший плечом разговорчивого сопровождающего. Тот хоть и устоял на ногах, но с Николь больше не фамильярничал.

Во дворе нас приняла другая пара мужиков, но эти биороботы вообще не раскрывали ртов и даже, по-моему, не дышали — они просто шли впереди, показывая дорогу, притормаживая,

если мы отставали, и резко набирая ход, если мы догоняли их широкие спины.

Мы не задержались внизу и прошли в какой-то футуристического вида лифт, больше похожий на стартовую площадку после падения на него очередного «Челленджера». В лифте мы наконец остались втроем, и тогда мы с Гансом, не сговариваясь, обратились к Николь с вопросом:

— Что дальше?

Николь, закусив губу, смотрела на дисплей телефона.

— Нет сети. Приплыли. Похоже, дальше нас ждет маленький пушной зверек. Здесь только пять вип-лож, и платить за них надо сразу.

Двери футуристического лифта распахнулись и на площадке нас встретила невысокая девушка в костюме зайца.

— Добрый день, дорогие гости, — сказала она, изобразив на лице сложную мимическую конструкцию из вежливой улыбки и настороженной гримасы. — Вы действительно заказали столик на третьем ярусе? Тогда, пожалуйста, назовите его номер.

Я посмотрел на заметно побледневшую Николь и понял, что пора брать ситуацию в свои руки.

Я прошел из лифта вперед, потом, не глядя,

нащупал в кармане пиджака свою банковскую карту и показал ее девушке-зайцу:

— Я Михаил Прохоров. Мне и моим друзьям нужна здесь вип-ложа. Будьте любезны, проводите нас туда.

У девушки вдруг задрожали губы — было видно, что она поняла, кто я такой.

Еще хорошо было видно, как она годами мечтала о такой встрече, представляя себя и меня в интересной обстановке элитного клуба.

— Да, конечно, — осипшим голосом ответила она, улыбаясь уже по-настоящему приветливо. — У нас как раз еще есть свободная вип-ложа. Однако по правилам нашего заведения должна предупредить вас, Михаил Дмитриевич, что мы сразу спишем с вашей карты восемьдесят тысяч рублей за бронирование. Пойдемте, пожалуйста, вон туда, дорогой Михаил Дмитриевич… — Она бормотала еще какие-то учтивые слова, но никто из нас их не слушал, мы просто шли за ней по темным коридорам и незаметно толкали друг друга локтями, торжествуя победу.

Возле отделанной золотом двери с надписью «пять» девушка-заяц нас покинула, пообещав прислать метрдотеля, а мы вошли в треугольную ложу, где уже был сервирован стол на шесть

персон, выставленный вдоль балконного ограждения. Еще два кожаных дивана стояло возле каждой из стен.

— Фу, как же я тут с вами задолбался, — сообщил нам Ганс, плюхнувшись в кресло у самого барьера и вытерев вспотевшее лицо.

Потом он, брезгливо поморщившись, взглянул вниз, на колыхающуюся толпу завсегдатаев, шумных и потных посетителей, в очередной раз прорвавшихся в самый дорогой столичный клуб, и едва не плюнул туда — удержали его лишь тяжелый взгляд Николь и мой тычок в печень.

— Сиди уже тут ровно, дуболом, — сказала ему Николь и встала посреди ложи, цепко оглядываясь по сторонам.

— Три камеры вижу. Две точно работают, вон, как лампочками моргают, заразы, — тревожным шепотом сообщила она мне, тыча красным ногтем по углам, и я действительно увидел все три камеры, закрепленные на стандартных кронштейнах и даже не слишком тщательно замаскированные от случайных взглядов.

Потом она вдруг шагнула к стене и отворила невидимую доселе дверь:

— О, да тут персональный туалет. Мальчики, я скоро, — сообщила она нам и исчезла за дубовы-

ми панелями.

Я сел рядом с Гансом и, посмотрев вниз, уже не смог оторваться от завораживающего зрелища — сотни людей сновали внизу, танцуя парами, собирая группы или тусуясь поодиночке, а вокруг них, прямо по стенам, кружило цветное облако удивительных в своей четкости оптических иллюзий, среди которых я успел один раз увидеть шпиль родного Адмиралтейства и дважды — перекошенную от злобы морду комбата.

Я с трудом оторвался от удивительного зрелища и, потрясенный, спросил у Ганса:

— А ты чего видишь, дружище?

Ганс вздрогнул, мотнул головой, отгоняя жуткие видения, и повернулся ко мне, прикрыв лицо ладонью:

— Ну нах, охренеть можно, что они тут показывают. Разве можно такое на публике всем показывать? Это же содомия какая-то, хоть бы и с бабами…

Я снова бросил взгляд на стены, но там опять закружился шпиль Адмиралтейства, правда, изрядно поросший мхом и какими-то ядовито-желтыми грибами.

— Черт его знает, я в законах не силен, — признался я, а потом до меня дошло, что мы с Гансом

видим в этом феерическом световом шоу разные вещи.

Ганс теперь не сводил с меня тяжелого взгляда, повернувшись к залу спиной. Потом, заметив на столе бутылку водки, он открыл ее и приглашающе махнул мне горлышком.

Я протянул первый попавшийся под руку бокал.

Мы выпили, не чокаясь, по полстакана водки, а потом Ганс совершенно серьезным голосом сказал:

— Михась, если что, ты ведь меня отсюда вытащишь? Я ведь тебя вытащил тогда, на полигоне, хотя там деды реально затоптать могли. И зимой, от узбеков, тоже вместе ушли. Давай уже клятву дадим, что друг друга в беде не бросаем!

Я отобрал у него бутылку, плеснул нам еще водки, свою тут же выпил, но мои глаза продолжали слезиться, и я прямо так, сквозь непрошеные слезы, сказал ему:

— Ганс, дорогой ты мой фриц саратовский, клянусь, я тебя не брошу!

Ганс тоже выпил, и мы, обнявшись, как молочные братья, затянули нашу любимую песню: «Батяня комбат», хотя музыка вокруг звучала совершенно бесовская, абсолютно не в тему.

Мы вдруг здорово надрались, и я даже успел осознать, почему — незачем было пить натощак. Обед, которым накануне нас потчевали в «Метелице», для простого российского солдата выглядел сущим издевательством — ну омар, ну креветки, ну еще какая-то нездоровая и бессмысленная дрянь. Ума понять не хватает у тамошних ресторатороров, что нормальному мужику не омаров надо щипчиками по тарелке гонять, а куриных бедрышек навернуть или там двойную шаверму в брюхо затолкать прямо с салатом. У нас, напротив КПП части, в Балашихе, круглосуточно работали сразу два киоска шавермы и к ним всегда стояла очередь из солдат, а то и офицеров. Вот где реальный бизнес люди крутили, не то что эти московские деляги…

Николь вышла из туалета с мокрой головой, и Ганс тут же сострил про ветер, но она не успела огрызнуться — в кабинет заглянул метр и замер на пороге, радостно жмурясь всем сразу и каждому в отдельности.

Николь одним взглядом оценила ситуацию и прогнала метра за горячим: «Голубчик, мы очень-очень устали и очень-очень проголодались».

Потом она села рядом со мной и расстроенно тряхнула кудряшками:

— Когда вы успели? Впереди ночь работы, а вы уже в хламину ужратые!

— …огонь батарея, огонь батальон, комбат ё командует он, — с удивительным добродушием откликнулся Ганс и потянул волосатую рыжую лапу к бутылке.

Николь не успела перехватить эту руку и теперь, с отчаяния закусив губу, смотрела, как Ганс разливает остатки водки по трем бокалам.

Ганс поднял свой стакан и ухмыльнулся Николь сквозь прозрачную жидкость.

— А ты у нас красавица! Просто эта, из кино, как там ее звали? Я же тебя в кино видел, женщина! Монро! Мэрилин, мля, Монро! — вспомнил он и немедленно выпил.

Я подумал, что за такой комплимент тоже стоит выпить, но Николь вдруг рухнула мне на грудь, как боксер после трех нокдаунов подряд. Она повисла на мне, прижав мои руки к телу, и я не стал брыкаться, напротив, затих на своем стуле, с наслаждением вдыхая ее чудесный запах.

Ее кудряшки щекотали мне нос, и я чуть повернул голову, чтобы случайно не чихнуть. В этой позиции мне стало хорошо видно все, что колыхалось в глубоком декольте ее платья, и я, разумеется, уставился туда, будто впервые видел.

Впрочем, кое-что я действительно увидел впервые. Чуть правее ее левой груди я увидел ровный белесый шрам, какой бывает от неглубокого скользящего пореза, словно били ножом по ребрам, но в последний момент промахнулись, только скользнув лезвием.

У меня тоже был похожий шрам, на левой руке, и еще один, подлиннее, красовался под той же лопаткой — привет из уличной «стрелки» еще школьных времен.

— Миледи, можно, ваш мушкетер уже задаст вам тот самый финальный вопрос?

Она не поняла шутки, но часто задышала.

— Детка, тебе что, фашисты грудь резали? — почему-то шепотом спросил я, чуть касаясь губами ее розового ушка.

Николь вздрогнула, как от удара, и подняла голову:

— С чего ты взял? — начала заводиться она, но потом бросила взгляд вниз и устало прилегла на меня обратно.

— Миш, можно, я тебя попрошу. Очень сильно попрошу?

Я чмокнул ее в ухо в знак согласия, и она продолжила, буквально вгрызаясь губами мне в рубашку где-то в районе груди:

— Мы должны закончить это дело! Мы должны сделать это! Другого шанса уже не будет. Ни у меня, ни, тем более, у тебя, кретин!

Я еще раз чмокнул ее в ухо, но ей, похоже, надоели эти телячьи нежности. Николь снова подняла голову, так, что ресницы коснулись моей щеки, и прошептала:

— Миш, соберись, пожалуйста! Я ведь не москвичка. И я уже старая. По местным меркам, — тут же испуганно поправилась она. — И я не хочу возвращаться туда побитой собакой. — Она показала на колыхающуюся под нами толпу потных граждан, и я понимающе кивнул ей.

— Да, там тесно, — согласился я, просто для того, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Она сухо улыбнулась и погладила меня по щеке.

— Ты умный. А там действительно очень тесно. Так тесно, что в женском туалете могут бритвой полоснуть, чтоб не отсвечивала.

— О, как! — посочувствовал я.

— Угу. Это они мне за Марка сделали. Год назад. За него пол-Москвы насмерть билось, когда он, дурак, с женой развелся.

— Дык ты ж, вроде, победила? — удивился я.

— Угу, — зажмурилась она, чтобы не видеть ме-

ня или свои тогдашние воспоминания. — Только вот он теперь стал принципиальным противником супружеской жизни. Говорит, что чувства должны быть свободными и искренними, без бюрократических оков.

— Ага-ага. И сколько времени тебе осталось при нем тусоваться?

— Да хрен его знает, Миша! — вдруг закричала она мне в лицо, и я понял, что этот вопрос изводит ее уже не первый месяц.

У меня не было к ней жалости. Какое-то другое, темное, возможно, опасное и сильное чувство колыхалось во мне, и я прислушался к своим ощущениям.

Разумеется, мне хотелось ее трахнуть, но это было как раз неудивительно.

Еще мне хотелось держать ее возле себя подольше, но и тут я не сомневался, для чего именно.

Было и еще что-то неуловимое, клубок каких-то невнятных, неоформленных желаний, копошащихся во мне где-то в глубоком подсознании, так что и не ухватить. Мне даже показалось, что я хочу написать ее портрет, запечатлеть эти тонкие, нечеткие, почти невидимые линии ее лица, и я изумился своим извращенным мыслям — таких желаний у меня не возникало с пятого класса, с

тех пор, как любящие родители запихали меня, буквально насильно, в художественную школу, где всего за два года я возненавидел графику в частности и рисование в целом.

— Эй, парень! Михась! Проснись! — Она хлопнула меня теплой ладошкой по лицу, и я вернулся в Москву, в напыщенный и душный, но тем не менее переполненный гламурной фауной кабак.

Стол, за которым мы сидели, преобразился — теперь он был заставлен посудой разных форм и размеров. В каждой посудине что-то парило, блестело или, на худой конец, пахло, так что мне даже как-то вдруг стало нехорошо. Вокруг бесшумно сновали официанты, и, судя по сервировке, я понял, что они хозяйничают тут достаточно давно.

— Иди, умойся, — приказала мне Николь, увидев мое побледневшее лицо, и я послушно отправился в туалет.

Вернувшись, я обнаружил за столом двух неизвестных мне мужиков, напряженную, но улыбающуюся Николь и подозрительно знакомую, очень худую, короткостриженную черноволосую бабу с огромным, раскрывающимся буквально до ушей ртом. Чистый крокодил, только в юбке.

Ганса за столом не было, потому что он спал

на одном из диванов кабинета. Рядом с этим диваном был поставлен стул, на нем, аккуратно расправленный, висел пиджак Ганса, а под стулом ждали пробуждения хозяина свежевычищенные туфли. На туфлях сверху лежали черные очки.

— Ганс! — предупредительно щурясь, крикнула мне Николь, и я собрался с мыслями, поправляя парик.

— Друзья, знакомьтесь, это Ганс! — снова крикнула она так звонко, что у меня в голове зазвучало эхо.

— Марк Быковский, — чуть привстал мне навстречу краснорожий коренастый мужик в свободной белой футболке и джинсах, и я с трудом узнал в этом нагловатом субъекте того самого пугливого терпилу, на лимузине которого мы удирали из гей-клуба пару дней назад.

— Андрей Вертер, строительный бизнес, — встал в полный рост другой мужик, рослый широкоплечий красавец в странной, какой-то чудной вязаной кофте с цветной вышивкой и пронзительно желтых вельветовых брюках.

Я пожал руки обоим и легко понял, кто из них приветствовал меня искренне, а кто притворялся. Притворялся, разумеется, Марк — на его

красной морде легко читалось неодобрение, густо замешанное на раздражении и даже, по-моему, презрении. Впрочем, может быть, я сам себя накручивал.

Брюнетка тоже что-то пискнула со своего места, и я тут же вспомнил ее — Мила, та самая бабища, с которой Николь давеча тискалась, как заправская лесбиянка.

Милу я удостоил небрежным кивком и заметил, что это пренебрежение ее здорово огорчило — она сгорбилась, как провинившаяся на уроке школьница, опустила глаза в тарелку и принялась ловить там вилкой непослушные маслины.

Самка в засаде.

На Милу с изумлением смотрел строительный магнат, и сразу стало ясно, кто в этом кабинете дурак и для кого играется сценка под названием «Олигарх Прохоров с приятелем и бабой изволил потусоваться в „Дятле“».

Я легко сел во главе стола, напротив балконного барьера, и строитель тут же услужливо приподнял бутылку, показав, что готов обслужить.

Я разрешил ему налить мне немного водки и поднял бокал. Все замолчали, кто с напряжением, кто с видимым почтением глядя на меня.

— Друзья! Позвольте мне вас так называть,

дорогие империалисты, магнаты капиталистического труда, мартышки денежных джунглей, жабы финансового болота…

Я посмотрел на Николь, но она даже не улыбнулась. Ее глаза горели тревожным желтым огнем, и я тут же сбавил обороты, не желая ее пугать:

— За то, чтоб прибыль всегда превышала расходы!

Все молча прильнули к своим бокалам, и только Марк, метнув в меня мрачный взгляд, выразительно крякнул.

Я вспомнил, за чей счет мы тут гуляем, и ободряюще подмигнул ему. Он не отвел глаза, а, напротив, принялся сверлить мне взглядом переносицу и тяжело сопеть.

— Андрей, как долго, по-вашему, будет дорожать недвижимость? — начала светскую беседу Николь.

Строительный красавец отложил вилку в сторону, промокнул жирные губы салфеткой и принялся отвечать, обращаясь, правда, исключительно ко мне:

— Недвижимость будет дорожать до тех пор, пока ее будут покупать. Так что скоро в Москве быдла вообще не останется. Дешевые дома мы снесем, а в дорогих нищебродам житье будет не

по карману.

— И куда вы их всех подеваете? — вроде бы искренне изумился Марк.

— Кого? — не понял строитель.

— Простых горожан, — подсказала Николь.

— Быдло-то? — весело переспросил Вертер. — Все быдло мы выселим за сто первый километр. В Москве ему не место. Здесь должны жить только те, кто в состоянии платить по десять кусков за квадратный метр и потом еще не жалеть денег на содержание домов.

Мне эта мысль показалась спорной, и я осторожно покачал головой:

— А работать-то кто будет? Вот нам сейчас рыбу принесли, водки налили… Если все за сто первым километром окажутся, кто ж вам водки нальет в Москве? Или сами?

Строитель отмахнулся от меня одной рукой, одновременно другой подцепив себе на вилку кусок рыбы:

— Для обслуги мы построим метро. Утром тихо, под землей, приехали, отработали, где положено, и назад, в стойло. И чтоб по дорогам на своих кредитных «ведрах» не ездили, не путались под колесами приличных машин, — строго добавил он.

Заметив мой интерес, Вертер начал многословно излагать свою нехитрую философию, за которую, как я понимаю, в семнадцатом году и досталось российским буржуям по полной программе. Среди множества терминов иногда мелькали странные неологизмы, на которые я не знал, как реагировать.

— …Дошираки не должны иметь права митинговать. Недовольны? Пошли вон. В Сибирь, лес валить, — кипятился строитель.

— «Дошираки»? — рискнул переспросить я.

— Те, кто употребляет еду быстрого приготовления, — быстро пояснила Николь.

Марк хмуро взглянул на меня, но еще сердитее он смотрел на Вертера. Похоже, людоедская философия строительного магната не понравилась даже такому прожженному цинику, как Марк.

— У вас же дочки растут, — спросил он Вертера. — Вдруг влюбится в кого из народа, что делать будете?

— Ха, — бодро отозвался строитель. — Проходили уже. Старшая тут повадилась тусить с каким-то прощелыгой из аспирантуры Политехнической академии. Я ему один раз позвонил, говорю, отвали от моей дочки. Он не понял. Ну не понял и ладно. Я решил вопрос за неделю.

Все непонимающе уставились на строителя, а Марк даже изумленно провел рукой по горлу — дескать, вот так решил вопрос?

— Да нет, все цивильно было сделано, — засмеялся Вертер. — Позвонил менту знакомому, отслюнявил денег нищеброду. Мент закрыл аспирантишку на три дня по подозрению в торговле наркотой и телегу в академию направил соответствующую. Из аспирантуры его, разумеется, сразу выперли, не дожидаясь расследования. Тут подключился военком мой районный, он у меня вообще на окладе сидит. И поехал тот хахаль солдатом в Забайкальский военный округ. Сейчас, наверное, дневальным на тумбочке стоит, потеет.

— А дочка? — хрипло спросила Николь в неожиданно наступившей тишине.

— А что дочка? К дочке технично подвели человека из нашего круга. Сын одного цементного деляги, свои карьеры в разработке, уважаемая семья. Все сейчас нормально, тусуются молодые, думаю, скоро свадьбу сыграем.

Снова наступила тишина, и появившиеся официанты с очередной сменой блюд оказались очень кстати.

Вертер, похоже, заметил замешательство сосе-

дей по столу и насупился.

— Плебс должен знать свое место. Люди нашего круга должны держаться своих. А то знаем мы этих прощелыг — на тепленькое место шмыг и сидит, как ни в чем не бывало, — начал опять оправдываться строитель, и до меня вдруг дошло, что он просто очень жадный. Настолько жадный, что собственную дочку готов продать, лишь бы не отдавать ее по любви, то есть даром.

Принесли кофе, но тут у Вертера зазвонил телефон, и он вышел из-за стола. Через минуту он вернулся и сделал знак Миле. Она немедленно поднялась.

— Было приятно познакомиться. Мне, к сожалению, надо ехать, — пожал мне руку Вертер, и я тоже послушно пожал ее, хотя хотелось мне совсем другого. Но Николь так смотрела на меня, что я не сделал того, что следовало.

Мила порывалась чмокнуть меня в щечку, но строительный магнат ловко придержал ее за плечи и аккуратно направил к выходу, махнув на прощание свободной рукой Марку и Николь.

Мы остались втроем, если, конечно, не считать спящего Ганса, и Марк, недовольно глядя то на меня, то на немца, пробормотал:

— Ох, не знаю, что из этого выйдет.

— Не зуди, милый, — одернула его Николь. — Все идет по плану.

Впрочем, судя по ее встревоженному лицу, сама она так не считала.

Глава девятая

Марк ушел через час, на прощание вручив Николь очередную пачку денег. Он уже не вздыхал и даже не хмурился — видно, распрощался с этими деньгами навсегда.

Я с удовольствием пожал ему руку, и он ухмыльнулся в ответ:

— Ладно, повеселитесь пару деньков за мой счет. Будет что вспоминать в своем Урюпинске на старости лет.

Я не стал ему грубить и тоже улыбнулся на прощание.

Николь вышла вместе с ним, но предупредила, что скоро вернется, причем не одна. Мне было приказано «оживить эту тушу», и я минут двадцать честно поливал Ганса водой из графина, а потом, в остервенении, стучал кожаной папкой меню по рыжей башке.

Все это было бессмысленно, и я вернулся за стол. Внизу по-прежнему танцевали сотни потных юношей и девушек, неестественными визгами и даже стонами привлекая к себе внимание почтеннейшей публики.

Почтенная публика располагалась в ложах на трех уровнях, причем мой уровень был самым высоким. Мне было не видно соседей по этажу, зато хорошо было видно всех, кто ниже. Там, в ложах, тоже сидели откровенно скучающие лощенные мужчины, иногда в обществе женщин в вечерних нарядах. Все они, без исключения, таращились вниз — видно, говорить между собой им было не о чем.

Николь неслышно подошла сзади и замерла возле меня. Я почувствовал ее присутствие только по запаху, словно изголодавшийся зверь, но вида не подал.

— Нам надо спуститься вон к тому столику, — показала голой рукой Николь.

Я равнодушно пожал плечами: надо, так надо.

Мы вышли из ложи и направились к лифтам. Девушка-заяц, уже не такая свеженькая, с видимыми кругами под глазами, робко улыбалась нам, пока сопровождала в лифте на первый этаж.

Николь пошла впереди, расталкивая грудью неподатливую, вязкую толпу. Мы пробились к самой сцене, большое и полупустое пространство перед которой сторожили двое охранников. Они только раз взглянули на нас и тут же беспрекословно раздвинулись, освобождая проход.

Здесь тоже танцевали, но без фальшивой экспрессии и истеричных криков — солидные дамы и господа отплясывали для себя, для своего удовольствия, а не для оценки публики.

— Ну, чего встал. Танцуй, пока олигарх! — приказала мне Николь и вдруг взорвалась в бешеном брейк-дансе, показав серию таких движений, которые не в каждой акробатической студии увидишь.

Я поддержал ее, пританцовывая рядом, как умел, но когда Николь натуральным образом встала на голову и принялась вертеться на ней прямо на лакированном полу, я понял, как мне до нее далеко.

Тогда я сгреб ее к себе в охапку и принялся швырять бешено сопротивляющееся тело вверх — мне показалось это забавным. На танцплощадке прибавили уровень музыки, и очень скоро я опьянел от наших танцев больше, чем от выпитой водки.

Когда я в очередной раз поймал это неожиданно сильное и гибкое тело, Николь не стала взбрыкивать, а показала мне на столик, откуда нам давно уже призывно махала руками немолодая пара хорошо одетых людей.

— Пошли, передохнем. Заодно поработаем, — пробормотала она невнятно, устало опираясь на

мое плечо.

Седой мужчина в классическом черном костюме вскочил при нашем появлении и предупредительно подвинул свободные стулья — сначала Николь, потом мне.

Николь плюхнулась напротив миловидной светловолосой дамы, одетой в полупрозрачное шелковое платье с богатой отделкой — набивные цветочки, кружева, рюшечки. Еще на даме было ожерелье из крупных разноцветных камней, названия которых я не знал.

— Анжела, — улыбнулась дама, и слишком натянутая косметическими операциями кожа подсказала мне, что этой женщине давно уже стукнул полтинник.

— Юрий Осипов, концерн «Фито», — пожал мне руку седой господин.

Я немного замешкался, и Николь с нескрываемой насмешкой подсказала:

— Ганс. Ганс Миллер, оптовые поставки пива и сопутствующих товаров.

Я согласно кивнул и наконец уселся на свой стул, с любопытством оглядываясь по сторонам.

На нас тоже смотрели с соседних столиков, но если замечали мой ответный взгляд, тут же отводили глаза.

Анжела с какой-то нежной, материнской улыбкой взглянула на Николь, потом, построже, на меня и сказала с еле заметной усмешкой:

— У вас с моим мужем очень схожий бизнес. Он торгует чаем, вы — пивом. Наверное, по сути, здесь нет никакой разницы. Верно?

Я не успел открыть рта — за меня ответил Юрий. Побагровев от возмущения, он твердо заявил:

— Как можно сравнивать чай и пиво? Дорогая, я просто не понимаю тебя! Чай — это подарок богов, изумительный и полезный напиток. А пиво, — он скривился, как от зубной боли, — это всего лишь пойло для плебеев.

Я в некотором изумлении вытаращил на него глаза, и Юрий спохватился:

— Простите, я вовсе не хотел вас обидеть. Просто это немыслимо — сравнивать чай и пиво! Я сейчас объясню. — Он с неожиданной прытью вскочил со стула и понесся куда-то в сторону кухни.

Николь наклонилась через стол к своей соседке:

— Я смотрю, Юрий не потерял ни капли своего чайного энтузиазма.

Анжела кивнула.

— Я бы назвала это точнее: он спятил. Дошло

до того, что в доме нет кранов с обыкновенной водой, представляешь? Всюду течет чай, разных сортов. А в туалете… — Она наклонилась к самому уху Николь и начала что-то возмущенно шептать.

Николь спокойно слушала пару минут, а потом погладила собеседницу по руке:

— Бедная. Как же ты все это переносишь?

Анжела перевела глаза на меня и ответила, получается, мне:

— Привыкла. Но вот если бы в кранах текло пиво, я бы, наверное, не стерпела. От него такой запах…

Я с улыбкой поднял руки вверх:

— У меня в доме в кранах течет только шампанское.

— Как это? Оно же газированное, — не поняла шутки Анжела. — Краны не срывает?

Николь коротко хихикнула, и тут у стола появился Юрий в сопровождении толпы официантов. Официанты сменили приборы на столе, установив в центре около десятка разнокалиберных фарфоровых чайников, а перед каждым из посетителей было выставлено по три пустых, но горячих чашки.

— Сейчас мы будем пить чай, — объяснил

диспозицию Юрий, потирая жилистые руки в предвкушении праздника.

Я прислушался к своим ощущениям и решил, что чай будет кстати — после того количества водки, что мы сегодня употребили, любая безалкогольная жидкость была уместна. Хотя бы для того, чтобы снять симптомы похмелья.

Юрий в видимом нетерпении прогнал официантов и принялся собственноручно разливать чай по чашкам. При этом он непрерывно говорил:

— Мало кто сейчас знает, как правильно пить чай. Куда ни придешь, везде пьют его неправильно. Люди совершенно потеряли культурные ориентиры, даже очень приличные люди, — тут он с укоризной взглянул на меня.

Я послушно отхлебнул из налитой мне чашки, и Юрий внимательно проследил за моими движениями.

— А вы поели? — спросил он участливо. — Когда пьешь чай на пустой желудок, холодная природа чая, проникая вовнутрь, может охладить селезенку и желудок, что подобно проникновению волка в дом! В Китае издревле советовали «не пить чай на пустое сердце».

— Да ели мы, ели, — отозвалась Николь, кривя

лицо в недовольной гримасе.

— А что ели? — задал бестактный вопрос Юрий. — Если жирное, то чай вам нужен погорячее, а если соленое, то чуть теплый. Но тут важно знать, что слишком горячий чай сильно раздражает горло, пищевод и желудок. Длительное употребление очень горячего чая может привести к болезненным изменениям этих органов. По данным зарубежных исследований, частое употребление чая температурой выше шестидесяти двух градусов ведет к повышенной ранимости стенок желудка и дает симптомы различных болезней желудка. Температура чая не должна превышать пятидесяти шести градусов.

— Омаров мы ели, — буркнула Николь, сердито нахмурив брови. Я удивился тому обстоятельству, как легко она показывает свое неприятие и даже неуважение чайному торговцу. Впрочем, тому было не до нее — он всерьез вознамерился научить нас употреблять чай.

— Омаров?! Стоп-стоп-стоп, — всполошился Юрий, отбирая у меня и Николь наши чашки. — Тогда вам нужен совсем другой чай, вот этот. Тот слишком долго заваривался. Если чай заваривать долго, чайные полифенолы и эфирные масла начинают самопроизвольно окисляться, что

не только лишает чай прозрачности, вкусовых качеств и аромата, но и значительно снижает питательную ценность чая за счет окисления содержащихся в чайных листьях витаминов С и Р, аминокислот и других ценных веществ. Кроме того, настаиваясь, чай подвергается воздействию окружающей среды — если чай долго томится в тепле, в нем значительно увеличивается содержание вредных микроорганизмов.

Мне было все равно, и я послушно выпил из другой чашки. Но Николь явно начала раздражаться — она с тоской оглядывалась на соседние столики и почти не слушала, что ей говорит Анжела.

А послушать стоило.

— ...по ночным ресторанам Москвы банда ходит. Помнишь Ушастика из финансовой компании? Он тоже здоровый образ жизни очень уважал, и супруга его, Настя, тоже. А вот попили они как-то чайку «У Дуремара», а на выходе на них солдаты кинулись. Представляете? Солдаты! Быдло! Прямо возле приличного ресторана!

— Ограбили, что ли? — поинтересовался я за Николь.

— Нет, там же охрана! — откликнулась Анжела и неожиданно шмыгнула носом. — Но расстроили людей сильно, — прогнусавила она и полезла

в сумочку за платком.

— Чем расстроили? — не понял я.

— Как это чем? — изумилась Анжела, аккуратно промокая покрасневшие глаза. — Представляете, вы выходите из ресторана, кушали там здоровую пищу, пили чай, потом идете к машине в хорошем настроении, а у вас на пути стоят трое молодцов, от которых, простите, воняет…

Я так ничего и не понял, но тут откуда-то сверху, перекрывая музыку, раздался зычный крик:

— Михась! Миха! Нашу водку тырят! Я их тормознул пока, но ты подходи! Их тут туча! Михась! Михась!!

Я вскочил со стула, махнул на прощание всем рукой и быстро зашагал к лифтам. Сверху донесся шум падающей мебели, предостерегающие крики и снова зычный рык Ганса:

— Михась, быстрее! Гоблины поперли! На тебе, сука!.. На еще!.. На!!

Я плюнул на приличия и побежал к лифтам со всех ног.

В ложу я пробрался с большим трудом — в дверном проеме и вокруг него стояло не меньше десятка официантов, и все они смотрели вперед, туда, где в полумраке шла невидимая мне битва темных и светлых сил.

Мне пришлось отпихнуть в сторону одного из окаменевших официантов, и тогда я смог добраться до стола, вокруг которого держал оборону Ганс. На него наскакивали сразу двое охранников, а еще один охранник лежал возле барьера и надсадным, высоким до визга голосом вызывал по рации милицию, свободной рукой прижимая кровоточащую рану на лбу.

Первым делом я забрал у пострадавшего рацию и отменил вызов, нажав на красную кнопку.

— Не слышу, «Дятел», что у вас там. Высылаем наряд или что? — раздраженно прохрипел в рации абонент.

Я нажал на кнопку «ответ»:

— У нас все нормально. Сами разобрались. Вызов отменяем, — авторитетно заявил я и, услышав облегченное «Понял», снова нажал на красную кнопку.

Ганс наконец заметил меня и встал возле стола, выставив вперед кулаки с зажатыми там вилками — по две вилки на кулак.

Охранники тоже остановились, встав ко мне вполоборота. Потом один из них, нервно поглядывая в сторону Ганса, быстро повернулся ко мне и сказал:

— Это ваш человек? Он что, сумасшедший?!

Прикажите ему остановиться.

Я подошел к Гансу поближе и взглянул на его уши. Уши тряслись мелким бесом, а не крупными неровными скачками, и я с облегчением понял, что он просто серьезно расстроен. Было бы хуже, если бы это была «белая горячка» — нечто подобное в исполнении Ганса я уже однажды видел на полигоне. Но спятивший Ганс ведет себя по-другому — он не останавливается, пока не разгромит все, что видит, и не уложит наземь всех, кто стоит.

— Ганс, все нормально! — Я шагнул к нему еще ближе и осторожно потянул одну из вилок к себе.

Ганс покачал головой.

— Михась, они уперли нашу водку! Прикинь, я просыпаюсь, а эти чмошники наш стол дербанят!

Крупные капли пота покрыли всю физиономию Ганса, он начал вытираться салфетками со стола, с некоторым недоумением глядя по сторонам, и наконец позволил мне забрать у него вилки.

Я отвел Ганса к дивану и усадил там. Охранники все еще стояли в ложе, потирая кисти рук, и я сказал им:

— Все в порядке. Принесите счет.

От пола отлепился третий охранник, тяжело встал и, хромая, подошел ко мне, кривя толстые губы в злобной гримасе:

— Счет? Просто счет? Типа, три водки, два кофе и один дебош, да? Он мне голову пробил! Вы думаете, всех купили, так все можно? Да?! — Со лба снова закапала кровь, но он не стал вытирать ее, чтобы всем было видно, как сильно он пострадал.

Один из охранников взял его за плечо:

— Андрей, успокойся. Все уладим. Пошли, тебя перевязать надо. Все уладим.

Пострадавший успокоился на удивление быстро, и они, все трое, вышли, ничего не сказав нам на прощание.

В ложе тут же с деловым жужжанием запорхали официанты, восстанавливая поруганный интерьер и сервировку стола.

Потом появился неожиданно веселый метр все с той же застенчивой девушкой-зайцем за спиной.

— Михаил Дмитриевич, — обратился он ко мне. — Все ли в порядке? Может быть, врача для вашего друга?

Я подумал, что пара санитаров тут бы точно не помешала, но вслух попросил лишь счет.

— Уже уходите? — с искренним огорчением спросил улыбчивый метр.

Я кивнул.

— Еще что-нибудь? — спросил метр на прощание.

— Да, — вспомнил я. — Найдите мне Николь. Девушка. Я с ней пришел. Куда-то задевалась, понимаете?

— Будет исполнено, — понимающе улыбнулся метр и ушел, обнимая за талию не сопротивляющуюся даже для вида девушку-зайца. Устали они все к концу смены, похоже.

Ганс окончательно пришел в себя и даже кое-что вспомнил.

— Михась, — спросил он, разглядывая свои поцарапанные кулаки, — мы чего, буцкались тут серьезно?

— Угу, — промычал я и вдруг почувствовал, как завибрировала рация в моих руках.

— «Двадцаточка», ответим «третьему». На Ленина, 37, грабеж. Посмотрите там вокруг, двое в темном, среднего роста, вещи унесли в руках.

Ответа «двадцаточки» я не услышал — видимо, отвечали на другой частоте.

— Менты! — всполошился Ганс, подскочив на диване. — Уходим, Михась! — заголосил он.

Я выключил рацию и тоже встал:

— Подожди. Сейчас пойдем.

В ложу вошла Николь с белым от ярости лицом. Не останавливаясь, она пересекла ложу, подошла к нам с Гансом и злобно процедила сквозь зубы:

— Эй вы, два недоумка. Особенно ты. — Она ткнула пальцем Гансу в живот, и его качнуло от неожиданности. — Наш счет составил сто пятьдесят тысяч, из которых сто — твой дебош.

Она показала нам какую-то бумажку с печатями и снова яростно ткнула Ганса в живот:

— Ты, урод, понимаешь, что так нельзя? Мы тратим зараз столько, сколько планировали потратить за неделю.

Ганс расправил плечи.

— Я один на сто тысяч дебош учинил? Охренеть! Супер!! — восхищенно оскалился он.

Николь молча развернулась и пошла на выход.

Мы остались стоять, задумчиво глядя друг на друга.

— Сто тысяч! Жаль, пацаны не поверят, — поделился со мной сокровенным Ганс.

Я взял со стола чистую салфетку и вытер лицо. Если Николь сейчас не вернется, у нас один путь — в казарму. Еще два месяца смертельной тоски и тупых приколов. Причем, чем ближе дембель,

тем тоскливее последние денечки — начинаешь считать буквально часы, а то и минуты.

Кудряшки Николь, уже тщательно уложенные и приправленные лаком, показались в дверном проеме минут через двадцать:

— Ну что встали, имбецилы? Пошли отсюда!

Глава десятая

Яналил Николь кофе и подвинул чашку.

— А знаешь, ты здорово изменился, — задумчиво сказала она, делая глоток. — Два дня всего прошло, а ты уже на человека стал похож. Ты точно ему не родственник? Может, у тебя это в генах сидит? Ну, твой дедушка фабрикантом не был до революции, нет?

Из распахнутого окна номера обдало жарким воздухом, и я ухмыльнулся:

— Сударыня, позвольте мне снять пиджак?

Николь задумчиво кивнула, наблюдая, как я вешаю шелковый пиджак на спинку стула.

— А мне вот всему этому на ходу пришлось учиться, — все так же задумчиво сообщила она. — У нас в Саратове галантными считались пацаны, которые семечки в кулек сплевывали, а не на туфли подруги.

— Так ты из Саратова?! — не удержавшись, прыснул я.

— Только приятелю своему не говори.

Она вздохнула.

— Знаешь, в Москве очень легко разоблачают

подделки. Есть с чем сравнивать. Ты стараешься, учишь слова, копируешь манеры, думаешь, все получилось. А потом какой-нибудь краснорожий Марк говорит тебе прямо за столом, где еще человек тридцать собралось: не тянешь ты на леди, дорогая. Как была саратовской шлюхой, так ею и осталась. А все вокруг только мило улыбаются, будто ничего не слышали, зато потом полгода будут это обсасывать. И обязательно какая-нибудь сволочь сольет в «Столичный сплетник», где тебя исследуют послойно и вынесут вердикт: саратовской шлюхой была, шлюхой и осталась.

Я попробовал ее приободрить:

— Да ладно, сами-то они кто такие? Откуда вынырнули?

Николь покачала кудряшками:

— Нет-нет, ты не понимаешь. У настоящей леди должно быть три диплома — ее собственный, ее мамы и ее бабушки. А у меня что?

— А что у тебя? — заинтересовался я.

Она обреченно махнула рукой и взялась за свой кофе. Она сидела очень прямо, под стать воротничку на своей блузке, изящно подложив левую руку под невесомый подбородок и отпивая кофе мелкими, беззвучными глотками. Мне показалось, что она преувеличивает свое классовое

несоответствие столичной тусовке. Да и было бы чему соответствовать…

В гостиную вошел Ганс, как спал, в трусах и майке. Рыжая щетина у него на голове сливалась с заросшими той же рыжей порослью щеками, и еще рыжие кусты топорщились из-под лямок мятой майки.

Ганс демонстративно сунул веснушчатый нос в наши чашки, поднял крышку кофейника и с недоумением и даже обидой спросил:

— Только кофе? А пожрать не заказывали?

— Доброе утро, молодой человек, — строго сказала ему Николь.

Ганс почесал мятое пузо и подошел к распахнутому окну:

— Какое же оно доброе? — не согласился он, перегибаясь вниз.

Впрочем, внизу ничего интересного не обнаружилось, и Ганс, плюнув, вернулся к столу.

Я налил ему кофе, и Ганс с любопытством заглянул в свою чашку.

— Ты мне, типа, кофе, что ли, с утра пить предлагаешь? — то ли возмутился, то ли изумился он.

— А что еще, по-твоему, пьют по утрам финансовые магнаты? — мягко упрекнул я его.

Ганс недоверчиво сощурился на меня, потом

медленно отхлебнул свой кофе и прислушался к ощущениям.

— Душа пива просит, — резюмировал он, отставляя чашку.

Потом он опять подошел к окну — чем-то манило оно его невероятно.

— Михась, сто рублей есть?

Я порылся в карманах пиджака — там нашлось несколько тысячных купюр и больше ничего, если не считать чего-то тяжелого во внутреннем кармане.

— Возьми штуку, — предложил я.

Ганс забрал деньги и вернулся в спальню, одеться. Он уже выходил в коридор в своем немнущемся шелковом костюме и припорошенных какой-то белесой дрянью лакированных туфлях, когда Николь вдруг встрепенулась:

— Ты куда собрался? Вместе на завтрак пойдем, я скажу, куда.

Ганс покачал головой:

— Опять ваших омаров жрать? Не хочу. Задолбали! Хочу шавермы с пивом. Вон там, через дорогу, ларек стоит. Я быстро. — Он показал на окно и шагнул в коридор, но Николь подскочила к дверям и закрыла проем собой.

— Стой, тебе говорят!

Ганс не стал с ней спорить, а метнулся к окну и проделал свой старый трюк — перевалил свою тушу через подоконник и плюхнулся на газон под нами.

— Скоро буду, братва! — обнадежил снизу он, тяжело шлепая по мягкой земле.

Мы с Николь встали рядом у окна и смотрели, как Ганс пересек газон, а потом топает через проспект к вожделенному ларьку.

У ларька стояла небольшая очередь, и Ганс принялся о чем-то оживленно болтать с постоянными клиентами — наверное, о преимуществах двойной шавермы перед одинарной. Поэтому он не заметил, как к ларьку подъехал «козелок» военной комендатуры и оттуда вышли трое солдат и офицер.

Я хотел было заорать, но было поздно — Ганс влип совершенно классически. Он обернулся на шум, увидел солдат и чисто рефлекторно бросился бежать.

Разумеется, патруль в полном составе бросился за ним.

Мы с Николь не отрываясь смотрели на завораживающее зрелище — как хорошо одетый господин с зажатой в руках тысячной купюрой удирает от молоденьких солдат, подгоняемых

зычным матом офицера.

Ганс совершил еще одну ошибку, побежав не к гостинице, где хотя бы можно было бы затеряться, а в ближайшую открытую дверь. Это оказалось помещение небольшой парикмахерской, где Ганса и взяли, скрутив руки за спиной какими-то полотенцами.

Ганса подвели к «козелку» и принялись запихивать упирающегося детину на пассажирское сиденье. Ганс ни разу не бросил взгляда на окно, хотя наверняка знал, что мы смотрим, — решил, значит, героически не выдавать друзей.

Тем временем офицер достал рацию и принялся что-то неслышно бубнить туда.

Я кое-что вспомнил, подбежал к стулу с пиджаком и вытащил из внутреннего кармана точно такую же рацию.

— …тоже включи в сводку. Докладывает майор Птицын. Патруль комендантского взвода задержал самовольно отлучившегося из военно-строительного батальона сержанта Миллера.

— Да вы что? Ганса взяли? — услышал я в ответ довольный бас Акулы. — Тащите его сюда, падлу рыжую, воспитывать будем. А где второй гнус, Прохоров? Тоже должен где-то рядом быть. Прием.

— Не знаю. Этот рыжий один тут околачивался, — отозвался майор, и я невольно отшатнулся от окна, увидев, как он внимательно смотрит по сторонам, разглядывая снующих мимо прохожих.

Николь тронула меня за плечо.

— Так даже лучше, — сказала она, осторожно подбирая слова. — Он только мешал. Твой немец не нужен.

Впрочем, было видно, что она отлично понимает мои чувства и просто пробивает меня на вшивость.

— Николь, Ганса будем вытаскивать, — сказал я совершенно спокойным, ровным голосом, чтоб она даже не думала увиливать.

— Пацанская дружба, ага, — поморщилась она.

— Почему «пацанская». Просто дружба. Я его не брошу, потому что он мой товарищ.

— А меня? — заинтересовалась Николь. — Меня бы ты тоже вытащил из такой же задницы?

Я незаметно повел носом, чтобы вдохнуть хоть немного ее аромата, и неожиданно чихнул.

— Конечно.

Она бросила на меня быстрый недоверчивый взгляд и ушла в спальню — краситься.

Я снова порылся в карманах, выложив на стол

все свое богатство — четыре купюры по тысяче рублей. Остатки роскоши.

Я смутно себе представлял, сколько стоит вызволение задержанного столичной комендатурой солдата, но понимал, что в данном случае деньги могут оказаться несостоятельным инструментом — Акула, конечно, жадная скотина, но его главной характеристикой все же была злоба и мстительность. Он не отдаст Ганса, пока вдоволь не потешится над солдатом, осмелившимся удрать от заместителя начальника комендатуры.

Николь вышла из спальни в боевой раскраске и с интересом уставилась на стол, где я считал деньги.

— Выкупать будешь, олигарх?

Я покачал головой:

— Акула, наверное, за деньги не отдаст. Он очень зол на Ганса.

Николь подошла ко мне вплотную и сердито топнула ножкой.

— Значит, опять я должна решать ваши проблемы? Как же вы задрали, гамадрилы…

Мне действительно стало неловко. И впрямь мы с Гансом слишком непринужденно сели на шею этой, в общем-то, хорошей бабы и усиленно

ломаем ей карьеру светской шлюхи. А ведь она давно заслужила место в самом лучшем, самом элитном борделе.

— Дай мне лимузин с водилой на пару часов. Больше ничего не потребуется, — сказал я, сгребая со стола деньги.

— Зачем?

— Съезжу в Балашиху, в расположение части. Возьму Суслика, нашего старшину, на понт. Дам ему эти четыре штуки, пообещаю потом еще, привезу в комендатуру. Он вытащит оттуда Ганса и отдаст мне. Потом мы удерем.

Я сам слабо верил в то, что говорил. Суслик наверняка с бодуна, злой. Ссориться с Акулой ему вообще нельзя, а узнает комбат про эту выходку, так вообще всем кранты настанут. Так что визит в часть, скорее всего, закончится моим арестом и заключением в карцер. Но ничего умнее я пока не придумал.

Николь достала из сумочки манерный телефон неизвестной мне марки и взглянула на время:

— Нет, дружок, херовый у тебя план. Во-первых, нас ждут через два часа на деловом завтраке в Федеральном союзе промышленников и аграриев — Марк устроил. Там ты обмолвишься парой фраз о расширении своего бизнеса, я сейчас набросаю

текст. Напрямую про перспективы заводов Марка ты ничего не скажешь, но кому надо, все поймут. А во-вторых, вечером показ мод в Манеже, там нас тоже ждут.

Я молча пошел к выходу, на ходу засовывая деньги в карман пиджака.

— Михаил! Стой! Стоять, я сказала!

«Она сказала». На мгновение появилось острое желание вернуться и ударить ее — за один только этот наглый, барский тон.

Но я быстро взял себя в руки, прошел коридор и спустился вниз по широкой лестнице отеля. Внизу околачивался только один охранник, который меня явно не узнал, но на всякий случай отдал честь, пристально глядя на мои карманы.

Я рефлекторно потянулся за купюрой, но вовремя остановил руку, бочком продвинувшись возле замершего в ожидании чаевых молодого человека.

Четырех штук едва хватит на такси от части до комендатуры и обратно, да еще ведь нужно пару пузырей прикупить, для смазки разных трущихся комендантских шнырей. Так что, увы, никаких чаевых я сейчас давать не могу.

Обиженное лицо охранника я увидел уже в отражении зеркальных дверей, которые он, об-

наглевший тунеядец, даже не потрудился мне открыть.

Я немного притормозил, ожидая Николь, но она так и не появилась. Я даже вернулся к дверям и посмотрел сквозь зеркальные блики в холл — там было пусто, охранник тоже ушел.

Тогда я четко, по-пацански, сплюнул в урну, сунул руки в карманы шелковых брюк и пошел по нагретому неожиданно жарким солнцем асфальту туда, где, по моим ощущениям, находилась столичная комендатура.

Комендатуру я нашел уже через двадцать минут, но даже после получаса хождений вокруг зарешеченных окон первого этажа ничего разумного мне в голову не пришло. Я еще раз прошелся по улице и увидел неподалеку, за оградой небольшого сквера разномастную, ярко одетую толпу.

Я вошел в сквер, неторопливо добрел до дверей отдельно стоящего здания и прочитал табличку на его дверях. Это был очередной выпуск курсов судебных приставов.

Сами приставы, молодые люди в парадных мундирах, сияли улыбками в окружении симпатичных девушек и ухоженных мам.

Отчаянная мысль заставила меня подойти к небольшой группе выпускников, распивающих

шампанское исключительно в мужской компании.

— Господа, — сказал я веско, обращаясь к самому высокому и говорливому из них. — Знаете ли вы, что такое дружба? Что такое бескорыстная помощь товарищу, с которым прошел огонь и воду? Мой товарищ в беде. Помогите его вытащить.

Юные приставы оторопели от такого начала, но потом долговязый спокойно спросил:

— Халтуру, что ли, предлагаешь? — и все они как-то по-особому принялись смотреть на меня, мой костюм и туфли, явно что-то оценивая и прикидывая.

— Можно назвать это халтурой, — согласился я. — Мой приятель попал в военную комендатуру. Надо бы вытащить.

Долговязый недоверчиво окинул меня взглядом.

— Ты что, солдат?

Я кивнул.

Приставы снова пустили бутылку шампанского по кругу, предложили и мне, но я отказался — там им самим было мало.

Впрочем, потом они достали еще бутылку, а потом еще. После третьей бутылки молодые люди заметно опьянели, и долговязый сказал:

— Товарища из комендатуры вытащить — святое дело.

Все вокруг согласно закивали головами, и долговязый добавил:

— По сто евро каждому, и мы готовы вписаться.

Я внимательно посмотрел на него и понял, что торговаться он не будет. Тертый калач.

— Хорошо, — кивнул я и быстро вытащил из кармана четыре заветные купюры. — Вот вам аванс, остальное — сразу после того, как вытащите парня.

Все четверо приставов рефлекторно взяли по бумажке, и теперь им просто ничего не оставалось, как идти за мной. Я показал куда и по дороге описал долговязому ситуацию.

Как это ни удивительно, но перспектива вламываться к вооруженным до зубов военным приставов нисколько не пугала.

— Слушай, командир, не зуди, мы и не к таким терпилам заявлялись, — отмахнулся долговязый и снова, в который раз, просил меня повторить имя Ганса и описать его внешность.

У самых дверей комендатуры приставы сгрудились вокруг долговязого, который быстро раздал им какие-то листочки из своего портфеля, после

чего без всякого перекура или каких-либо обсуждений все четверо быстрым шагом вошли внутрь строгого казенного здания.

Я остался ждать снаружи, стараясь не попадать в поле зрения телекамер, развешанных по фасаду, и не маячить под окнами дежурки.

Мыслей не было — я в принципе не понимал, с какой стати прапорщики дежурной части будут выполнять распоряжения юных служителей Минюста, пусть и облаченных в парадные мундиры.

Я только собрался присесть на ограждение клумбы в ожидании развязки, когда двери комендатуры распахнулись, и четверо приставов буквально вытолкали Ганса на улицу.

Долговязый встал рядом с немцем, самодовольно ухмыляясь, и закричал мне с порога:

— Командир, принимай злостного неплательщика! Мы едем в суд!

Я, сохраняя ровную, как мне казалось, улыбку, подошел к Гансу вплотную и прошептал:

— Бежать сможешь? Колено выдержит?

Только сейчас я увидел два аккуратных фингала под каждым глазом Ганса и огромный кровоподтек на шее, за правым ухом.

Ганс не понял моего вопроса, и мне пришлось

его повторить.

Немец бросил затравленный взгляд на еще распахнутые двери комендатуры и кивнул:

— Отсюда — даже на сломанных руках.

— Тогда рванули! — крикнул я и побежал впереди, показывая Гансу дорогу.

Они отстали после первого же поворота, если вообще бежали за нами. Психологически мой расчет был точным — хоть какие-то деньги они получили, так что надрываться в погоне с неведомым финалом юным приставам явно не хотелось. Тем не менее Ганс не сбавлял хода и очень скоро обогнал меня, упрямо пробираясь среди плотной толпы прохожих, некстати заполонивших тротуары. Не останавливаясь, Ганс вбежал в холл гостиницы и длинными скачками понесся по лестнице. Я из последних сил держался рядом, хотя и задыхался уже не на шутку. В номер мы ввалились плечо к плечу — у Ганса не было ключа, и ему пришлось ждать, когда я поднесу карту к замку.

Слава богу, Николь нас не бросила — она сидела за столом в гостиной, подперев руками подбородок, и смотрела в окно. С этой стороны она могла видеть многое, если не все.

Мы встали посреди гостиной, тяжело дыша, и

Николь неторопливо повернула к нам голову.

Я попытался понять ее взгляд, но в нем не было однозначной злости или раздражения. Она смотрела скорее устало, чем раздраженно.

— Ты все-таки вытащил его, — констатировала она, с вялым любопытством приглядываясь к живописным фингалам на физиономии Ганса.

Я подумал, что сейчас она начнет ругаться, но случилось невозможное — Николь вдруг обхватила свою аккуратно причесанную голову и заревела так громко и обреченно, как плачут дети в детском саду, когда уходят на работу родители.

Она еще всхлипывала и стонала, совершенно не стесняясь нас, когда Ганс неуверенными, робкими шажками подошел к ней поближе и обиженно буркнул:

— Ни хера себе встреча. Ты меня, типа, не любишь, что ли?

Николь на секунду взглянула на него из-под мокрых ладоней и заревела еще громче.

Мне показалось, что я понимаю ее.

Я робко присел рядышком и обнял ее дрожащее в истерике тело. Она неожиданно тепло откликнулась на мое прикосновение и принялась рыдать уже на моей костлявой груди. Я гладил ее голову и сам едва не плакал, сам не знаю, отчего.

— Николь, все будет хорошо. Я люблю тебя, Николь. Я всегда буду рядом, — шептал я ей в розовое ухо, радостно вдыхая ее тепло и зарываясь с головой в ее мелкие, непослушные локоны.

Она вдруг прекратила плакать и глухо заворчала что-то невнятное, щекоча ресницами мою шею.

Я прислушался, но она замолчала, и тогда я снова начал шептать что-то успокаивающее. На этот раз она, не дослушав, оттолкнула меня, рывком встала на ноги и, глядя мне в глаза, четко и внятно заявила:

— Да на хрена ты мне сдался, нищеброд, со своею любовью!

Она пошла в ванную, но перед тем, как выйти, ткнула пальцем в Ганса:

— А ты, дебил, отправляйся в свою казарму. С тобой я работать не буду. Ты идиот. Ты неисправимый идиот. Кретин!

Она с треском захлопнула дверь и сразу включила воду, видимо, чтобы не слышать наших ответных реплик.

Я посмотрел на Ганса. Похоже, на него эта истерика не произвела никакого впечатления — он не обиделся и даже не особо расстроился.

Ганс встал возле окна, и я с изумлением понял, что он по-прежнему с вожделением смотрит на ларек с шавермой. Пожрать не успел человек, загоняли, фашисты.

— Срублю деньжат и сразу в Саратов, — бодро сообщил он мне, слегка пританцовывая на здоровой ноге. — Пацаны еще зимой ресторанчик приметили, хозяин в тюряге пятый год парится.

А хозяйка погубила там все, дура шепелявая. В общем, продается ресторанчик. Куплю и сразу по уму все сделаю — никакой херни вроде творожных запеканок или заморских тварей. А будет там, — тут он сглотнул слюну и закашлялся, — шаверма да пиво, недорого. Ну, может еще чипсы. Как думаешь, чипсы — нормально?

Я подумал и сказал, что нормально, но замолвил еще пару слов за воблу.

— Не, воблу чистить запаришься, — не согласился Ганс. — Загадят помещение, местные шныри устанут чистоту наводить.

— А ты клиентам подавай уже очищенную, — предложил я.

— Точно! — загорелся идеей Ганс. — Таджиков наймем, пусть пацанам на кухне рыбу чистят. А ты — голова! — заметил он, все еще кося одним глазом на ларек и облизывая разбитые губы.

Щелкнула задвижка ванной, и оттуда вышла совершенно спокойная Николь. Она не успела сказать ни одного слова, как к ней неожиданно обратился Ганс:

— Сестренка! Не поверишь, я все понял! Не гони меня, я вам пригожусь. Здоровьем клянусь, буду тебя слушаться. Бля буду!

Николь смотрела не на него, а на меня:

— Миша, мне он не нужен. Если тебе так нужен, бери в свою долю, — сузив зеленые глаза, жестко отрезала она.

Я пожал плечами.

— Хорошо.

Ганс нахмурился, хотел было что-то сказать, но под нашими общими взглядами быстро передумал разговаривать и снова повернулся к окну.

Николь ушла в ванную, но тут же вернулась с одежной щеткой в руках.

— Приведите себя в порядок и побыстрее — мы и так уже опаздываем.

Мы с Гансом, не сговариваясь, ответили ей «есть!» и строевым шагом отправились мимо нее в ванную.

— Клоуны дешевые, — услышали мы вслед, и стало ясно, что она почти не сердится.

Впрочем, щетку в ванну она кинула прицельно — мне досталось точно по затылку. Не больно, конечно, но обидно.

Глава одиннадцатая

Деловой завтрак в Федеральном союзе промышленников и аграриев показался мне пустой тратой времени, одна радость — туда мне не понадобилось цеплять парик. Зато Гансу пришлось надеть темные очки, чтобы утаить от общественности следы воспитательной беседы с Акулой.

Федеральный союз располагался в огромном сталинском здании, похожем на тюрьму и театр одновременно. Сначала мы увидели, как несколько сотен напыщенных мужчин и женщин бесцельно толпились в холле этого странного здания, а потом эти же сотни холеных лиц бессмысленно таращились на сцену, почти полностью загороженную от зрителей несколькими рядами профессиональных телекамер на штативах.

Телевизионный люд так демонстративно игнорировал публику в зале, выставляя свои штативы, осветительные лампы и обтянутые черной кожей задницы навстречу недоуменным взглядам, что проснулся даже Ганс, поначалу уютно расположившийся подремать в кресле слева от меня.

— Ни хрена мы здесь не увидим, пидорасы без мест впереди набежали, — забеспокоился вдруг мой немец, привстав и оглядываясь по сторонам в поисках лучшей доли.

— Сиди ровно, дебил, — сквозь зубы рявкнула на него Николь.

Чтобы сказать это, она наклонилась к нему со своего места справа от меня, и снова, в который уже раз, меня ударило завораживающим, чувственным ароматом ее тела, ударило прямо по моим оголенным нервам.

Я задержал дыхание, чтобы меньше кружилась голова. Это было какое-то наваждение, совершенно не объяснимое ни с материалистических, ни с религиозных позиций. Я хотел было даже зажмуриться, но потом не стал этого делать, чтобы не злить ее понапрасну.

Впрочем, она, конечно, все заметила и небрежно, будто роняя мелкую монету, бросила мне:

— Хватит мне тут страсть изображать, кабальеро хренов. Тоже сядь ровно и не дыши.

Я послушно выпрямился в кресле, но посмотрел на нее с огорчением. Неужели она думает, что я всерьез буду строить тут влюбленного придурка ради ее призрачного одобрения?

Она как-то до обидного легко и равнодушно

отвернулась от меня, озабоченно разглядывая публику вокруг.

— Ну этот, ладно. О, этот тоже явился… Еще Виктор Васильевич с супругой пожаловали, хорошо, пусть «Росбалт» про нас потом расскажет. И даже Болотный Хмырь с секретаршей. Ну, еще Чича, пусть, этот придурок везде отметится. А вот это кто такие? — бормотала она то ли себе, то ли мне под нос, одновременно хмурясь неопознанным объектам и тут же щедро улыбаясь знакомым.

Мы сидели в первом ряду — это было удобно, потому что можно было вытянуть ноги, но зато перед нами суетились десятки людей, раздражающих самим фактом своей мелкой суеты. Особенно старались женщины — многие из них выходили на площадку перед сценой и принимали такие вычурные, такие неестественные позы, что хотелось встать и тут же отвесить им пендель в качестве приза за самую скверную роль.

Николь вдруг вскочила и утряслась куда-то за пределы видимости. Я тут же почувствовал себя несчастной сиротой в окружении враждебного мира.

Ганс, похоже, ощутил то же самое, потому что толкнул меня локтем в левый бок и сказал тревожным шепотом:

— Видал публику? Прям Новый год какой-то. Киркорова с Собчачкой, конечно, очень не хватает, зато армия на месте.

Я недоуменно посмотрел на Ганса, и он, строго подобрав губы, кивнул куда-то в сторону:

— Вон, смотри, генерал Грымов, как живой. Ты что, картинки из наглядной агитации на плацу забыл? Московский военный округ, командующий Егор Васильевич Грымов. Может, попросим у него дембеля напрямую, на хрен нам теперь комбат сдался?

Тут вдруг Ганс замер, глядя куда-то мимо меня, потом раздраженно смахнул в широкую ладонь очки и неожиданно легко поднял свою тушу с кресла навстречу невысокому полноватому мужчине в гражданском костюме, вышагивающему мимо нашего ряда вместе с такой же полноватой женщиной под ручку.

— Здравия желаю, товарищ министр обороны! — гаркнул Ганс во всю свою глотку, и министр отчетливо вздрогнул, зато его супруга, напротив, оживилась, сначала с интересом оглядывая мощную фигуру Ганса, а потом сосредоточившись на деталях вроде налитых красно-фиолетовым фингалов под белесыми глазками.

Тут же материализовались из подпространства

охранники, сомкнув кольцо вокруг замешкавшегося чиновника, а затем Ганса мягко, но уверенно, одним точным движением усадил в кресло мужик с фигурой Ван Дамма и улыбкой Чикатило.

— Дембель, дембель подпишите, товарищ министр обороны! — истошно, как-то совершенно по-бабьему взвизгнул Ганс, впрочем, уже плотно сидя в кресле и даже не пытаясь вставать со своего места.

Чикатило чуть тронул меня за плечо и, проникновенно глядя мне в глаза, сказал:

— Михаил Дмитриевич, успокойте уже своего человека. Нехорошо получается, нам же придется сейчас меры принимать, — объяснил он почти виновато.

Я кивнул, неловко отвернулся от него и ухватил Ганса левой рукой за складки его жирной шеи:

— Заткни свою пасть, дурень.

Потом я все же повернул лицо к этому наглому крепышу из министерской охраны и повторил свою фразу:

— Заткни свою пасть, дурень.

Крепыш нехорошо ухмыльнулся, расправил плечи, как аккордеон, и пошел следом за министром, едва заметно пританцовывая, как это делают боксеры на ринге.

Пижон дешевый, подумал я про него и посмотрел на Ганса.

— Пижон дешевый, — громко и отчетливо сказал мне Ганс. — Хочешь, завалю его прямо здесь одной левой?

Я промолчал, хотя, конечно, подраться вдруг захотелось необычайно сильно. Я только представил, как бью с ноги в рыхлую челюсть министра, а потом добавляю ему головой, точь-в-точь как Зидан тому мерзкому итальяшке, и у меня все заныло в груди от радостного нетерпения перед веселой заварухой.

Это была бы замечательная драка, и еще не факт, что нас бы вынесли из этого театра вперед ногами — министерские прихвостни, конечно, смотрелись убедительно, но я-то знаю, как теряются бойцы без должной практики перед настоящим напором и искренней яростью. В драке вообще побеждает тот, кто готов идти дальше, а уж мы с Гансом готовы идти хоть до Тбилиси. Да мы до Вашингтона дойдем, если настроение будет!

— Хрен с ними, пусть пока живут, — тем не менее рассудительно отозвался наконец я, провожая взглядом министерскую свиту, и Ганс шумно выпустил воздух через нос, как бы соглашаясь со

мной в главном: когда будет надо, мы отметелим кого угодно.

Просто пока нам не надо.

Вернулась Николь с пачкой глянцевых буклетов в руках и заострившимся от нервного напряжения лицом. Она села на свое место, ткнула пальцем Гансу в очки, торчавшие из нагрудного кармана, — дескать, надень, не позорься, и тут же начала читать мне лекцию, уже не отвлекаясь на окружающую публику:

— В число главных докладчиков тебя не включили — раньше надо было подсуетиться, тут мы опоздали. Но зато тебя снимут четыре телеканала, в кулуарах. Ты должен выдать несколько общих фраз о необходимости переориентации российской экономики с сырьевой иглы на машиностроительное производство и внедрение нанотехнологий, а потом обмолвиться парой фраз о расширении своего бизнеса. Скажешь, что мировой кризис уничтожил целые отрасли европейской промышленности и теперь тебе нужны металлургические заводы за Уралом, чтобы сэкономить на логистике. Запомнил, нет?

Я посмотрел ей прямо в глаза и честно сказал:

— Скажу все, как ты хочешь. Но потом, сегодня вечером, ты сделаешь то, что я хочу. Идет?

Напряжение спало с лица Николь, она весело покачала светлыми кудряшками и неожиданно, близко наклонившись, чмокнула меня в щеку, заодно щекотнув мой мгновенно вспотевший лоб ресницами:

— Идет, дурачина, идет. Вот тебе примерный текст, учи пока умные слова. — Она сунула мне в руку буклеты и снова повернулась к публике.

Ганс, скучая, тут же принялся копаться в буклетах, которые я положил себе на колени.

— О, газета. «Скандалы и убийства», — обрадованно прочитал название Ганс, выхватив из пачки красочный таблоид.

— Михась, глянь сюда, — услышал я удивленный шепот товарища.

Ганс тыкал толстым пальцем в фотографию на развороте. На фото, несмотря на размеры, довольно неважного качества, был запечатлен момент нашего ужина в «Дятле». Я сидел лицом к камере, поэтому мои эмоции были хорошо видны. Я смотрел на Николь, а она рассеянно смотрела вниз, на толпу. Напротив нас была запечатлена Мила со своим гнусным строителем. Мила была видна вполоборота, но ее взгляд, устремленный на меня, тоже был весьма красноречив.

— Тетка-то вчерашняя на тебя реально запа-

ла, — ревниво заметил Ганс. — Вот же рот у этой бабищи, прям хоть сейчас женись!

Я выхватил газету у него из рук, прочитать статью. Но там, собственно, никакой статьи и не было — к фотографии прилагался аршинный заголовок — «Михаил Прохоров с новой пассией» и подпись: « *Как сообщают наши осведомленные источники, известный олигарх Михаил Прохоров инкогнито проводит время в Москве с друзьями* ».

— У тебя родители живы? — вдруг спросил меня Ганс, разглядывая фотографию, и Николь тоже повернула заинтересованное личико ко мне, услышав этот вопрос.

Я опешил, с набирающим силу раздражением попеременно глядя на своих соседей.

— Про папашу ничего не знаю, не видал его никогда, а мать жива, — в конце концов сообщил я.

— Вот мамаша твоя обрадуется, когда эту фотку увидит, — рассудительно заметил Ганс, поглаживая газету своей широкой лапищей.

Я подумал, что моя мать, бессменная заведующая скромной районной библиотеки, никогда в жизни не взяла бы в руки этот дурацкий таблоид, но говорить ничего не стал.

Николь немного помолчала, ожидая продолже-

ния разговора, и тогда я, ловя момент, спросил ее с деланным равнодушием:

— А твои родители где?

— Не твое собачье дело, — огрызнулась она и снова отвернулась к публике. Ее светлые локоны чуть подрагивали, когда она поворачивала голову вслед за наиболее любопытными гостями, и я вспомнил, где видел эту гордую посадку головы, это напряженное внимание на фоне бессмысленной суеты второстепенных персонажей.

Канал «Дискавери», «В мире животных», пума на охоте. Хотя почему сразу пума — может быть, волчица или даже гиена.

Однако первым свою жертву нашел, как ни странно, Ганс — едва на сцене, за столом президиума, началось движение и телеоператоры заняли позиции за штативами телекамер, он вдруг вскочил с кресла и вразвалку поспешил за одинокой темноволосой девушкой в чудном, неровно обрезанном снизу и очень открытом сверху платье.

Девушка повернулась, и я узнал Милу. Она тоже узнала Ганса, несмотря на темные очки, вежливо улыбнулась ему и тут же стала искать глазами меня.

Ганс не дал ей осмотреться, решительно прихватил Милу под руку и повлек куда-то за

пределы зала.

— Жениться повел, — прыснула Николь и толкнула меня локтем в бок.

Меня удивил этот едкий смех.

— Это же вроде твоя подруга, — осторожно заметил я.

— Ага, — признала Николь и потянулась к потолку с натужным зевком.

— Не мое собачье дело? — догадался я.

— Точно! — Она повернулась ко мне вплотную и стала смахивать пушинки с костюма с такими усилиями, что это больше напоминало выбивание пыли.

— Она моя подруга, пока не увела тебя, олигарха недоделанного. (хлоп! хлоп!) Знаешь ведь, зачем она пошла с Гансом? (хлоп! хлоп!)

— Трахаться? — предположил я.

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

— Трахаться во Дворце конгрессов неудобно, возможен только минет в гардеробе, там места есть зачетные, — со знанием дела сообщила Николь. — Твой приятель за минет поможет ей познакомиться с тобой, а я останусь в жопе. Такая у нее программа-минимум на сегодня.

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Она устала выбивать пыль из меня и откину-

лась на спинку кресла, тяжело дыша. Я понял, что она рассержена донельзя. Я тоже откинулся на спинку и стал неспешно раздумывать, почему женщины так беснуются по поводу своих подруг и почему меня поведение Ганса вовсе не раздражает.

Тут на сцене наконец все расселись в соответствии с табелем о рангах, и солидный пожилой господин, пройдя к трибуне, торжественно возвестил об открытии мероприятия.

Затем он же без какого-либо вступления или перехода принялся зачитывать какой-то нудный текст, и зал, после минутного оживления, снова вернулся к привычной суете.

…Зал еще слушал нудного оратора, когда сцена вдруг разверзлась с громом и молниями. Крыша исчезла, стало видно ослепительно голубое небо, и в этом небе появилась сначала черная точка, а потом и сам вертолет. Удивительно, что шум винтов совершенно не мешал мне слышать голоса вокруг. Один из голосов, похожий на голос Гнусного Строителя, донес до меня ужасное известие:

— Кайтесь, нищеброды! Падай ниц, быдло! Олигархи летят!

Поднялся гомон, все вскочили, бешено аплодируя вертолету, а женщины даже принялись

срывать с себя то немногое из одежды, что на них сейчас было, и швырять на сцену. Лифчики, трусы и колготки толстым слоем намотались на винты вертолета, замедляя их ход. Скоро машина замерла, и тут же распахнулась дверь салона.

Первым показался полуголый Роман Абрамович в шортах, окантованных стразами, и с футбольным мячом в руках, и тут с мест повскакивали даже мужчины, пританцовывая в экстазе. Следующим по ступенькам вертолетного трапа неторопливо спустился Виктор Вексельберг, в строгом костюме, но с корзинкой, полной раскрашенных яиц, и гомон чуть поутих, но когда в дверном проеме показалось небритое лицо Михаила Ходорковского, в зале наступила полная тишина.

Ходорковский в грязном рабочем комбинезоне, устало держась за перила, сошел по трапу и подошел к самому краю сцены. Там он поднял руку, всю синюю от наколок, и, указывая на меня обкусанным ногтем, закричал что есть силы:

— А олигарх-то ненастоящий! Ненастоящий у вас тут олигарх!

Николь в испуге отшатнулась от меня, вскочила на ноги и даже не закричала, а зашипела, как змея, во все стороны:

— Я не знала! Я не виновата! Он сам ко мне пришел! Вставай, тебя ждут! Вставай же. Просыпайтесь, Михаил Дмитриевич, пресса подошла.

Я открыл глаза и вытер вспотевший от ужаса лоб.

— Михаил Дмитриевич, у вас сегодня четыре подхода к прессе, — официальным тоном сообщила мне Николь, и я догадливо поискал глазами непрошеных свидетелей.

Так и есть, рядом с нами уже переминались с ноги на ногу две ярко раскрашенные улыбчивые блондинки и один хмурый молодой человек с небольшой треногой на плече и огромной телекамерой в руках.

Я послушно встал, и вся моя свита тут же двинулась из партера в коридор, ловко раздвигая разодетую толпу и услужливо показывая мне дорогу.

Глава двенадцатая

— Вечером показ в Зверюшнике, тебе надо будет жестко оттоптаться по аборигенам, — заявила мне Николь, едва официант отошел от нашего столика.

Мы сидели в обычном уличном кафе, где не надо было держать лицо или делать вид, что ты прячешься от папарацци.

Это было простое московское уличное кафе: несколько столиков на типичной городской улочке — широкий пыльный тротуар, исцарапанные сразу во всех видных местах, зато старательно умытые с утра пластмассовые кресла, плюс книжки меню в обложках из кожзаменителя, привязанные грязно-серыми бумажными веревочками к потертым жизнью столикам.

Только невежды полагают, что подобные характеристики именуются отрицательными — на самом деле все вышеперечисленное лишь объясняет повышенную востребованность заведения, где мы втроем уселись отдохнуть после напряженного дня.

Впрочем, Ганса нельзя было назвать третьим

— он был просто соседом, подхватившим со стойки бара случайную газету и теперь уныло бубнившим в ожидании своего пива унылый и предсказуемый текст:

«По словам специалиста по календарю майя Натальи Ефремовой, кризис продлится максимум до января следующего года. Сейчас Земля переходит на новый поток вибрации: магнитно-вибрационное поле нашей планеты изменяет свою частоту. Также изменяется положение земных осей. А вот экстрасенс Антуан Капица говорит, что причиной углубления финансового кризиса стало поведение Меркурия, который отвечает за бизнес-сектор. С конца сентября эта планета развернулась и пошла в обратном направлении, сообщил Капица. По словам популярного астролога, обратное движение Меркурия продолжится до пятнадцатого октября. После этого можно будет ожидать относительной стабилизации финансового сектора, а курс доллара пойдет на спад. Прогнозируемая дата относительного спокойствия на рынке ценных бумаг — начало ноября»…

Николь внимательно выслушала сольное выступление Ганса, а потом негромко сказала, обращаясь исключительно ко мне:

— У Марка сейчас все плохо с положением земных осей относительно Меркурия. Спад в металлургической промышленности и все такое, понимаешь? Ему позарез нужно продать свои активы, тебе это ясно или нет?! Если он не продаст их в ближайшую неделю-две, потом они не будут стоить ничего.

Я с готовностью кивнул, хотя мне, разумеется, было все равно. Какое мне дело до капиталов Марка? В то, что мне действительно выплатят хотя бы десятую часть от обещанного миллиона, я не верил. Вся эта затея была лишь поводом оставаться рядом с Николь. Понятно, что как только во мне отпадет надобность, Николь забудет даже мое имя. Хотя нет, это имя она не забудет. Но я к нему никакого отношения не имею.

— Поэтому ты должен мне помочь, понимаешь? Миша, очнись! Ты понимаешь, что нам всем надо очень постараться?

Я опять непринужденно кивнул, но посмотрел на нее не сразу — только после того, как официант принес мой кофе. Все-таки пар над чашкой создает некую иллюзию отчуждения, если почаще поднимать свой кофе на уровень глаз.

— Я смотрю, ты решил, что и так слишком для меня стараешься, так?!

Было хорошо видно, как она себя заводит, разгоняется для истерики, но я не знал, как ее остановить. В брутальном Питере я бы дал ей пощечину, но в гламурной Москве этот способ не годился, поэтому я по-прежнему прятал глаза за своей чашкой и изредка поводил носом, в глупой надежде отведать ее рядом хотя бы так, на расстоянии.

— Ты почему молчишь, Мишенька? — неожиданно тепло поинтересовалась Николь, и у меня все заныло внутри от предвкушения близости.

Я отставил чашку и заглянул прямо в ее бесстыжие зеленые глаза.

Потом я оценил диспозицию, встал, взял Николь за податливую руку и потащил за рекламную стойку, удачно размещенную совсем рядышком, в поросли кустиков напротив кафе.

Из протестных звуков я услышал лишь насмешливый кашель Ганса, шелест его газеты да шипение кошки, изгнанной со своей исконной территории. Николь напротив, все, что требовалось, проделала молча, и я был ей за это благодарен.

Мы вернулись все в той же странной городской тишине, еще уцелевшей в немногих московских улочках внутри Садового кольца.

Впрочем, местная официантка не удержалась от личных оценок, неожиданно появившись у нашего столика с пачкой бумажных салфеток, но, бросив их на наш стол, удалилась, не произнеся ни слова, зато яростно виляя упругими бедрами под фирменной юбкой в обтяжку.

— Миш, нам надо спасать алюминиевые заводы Марка. Надо сделать это, понимаешь? Иначе — нищета! — снова взялась за меня Николь.

Она восстановила порушенную красоту всего за пару минут интенсивной работы с косметичкой, и я, с искренней нежностью глядя на нее, подумал, что неплохо было бы повторить все то, что мы только что делали в кустиках. Во имя российской металлургии или еще по какому-нибудь такому же важному поводу. Сейчас я готов был спасать даже отечественный автопром.

У Ганса зазвонил телефон — что-то пафосное из Чайковского, — и немец быстро прижал трубку к уху.

Я рассеянно смотрел по сторонам, размышляя над странной закономерностью: чем примитивнее у человека вкусы, тем охотнее он расставляет вокруг себя элитарные маркеры, вроде классической музыки в качестве мелодии звонка или экзотических потребностей. Такие люди могут

шумно, со скандалом, требовать в ресторане необычный сорт пива, хотя ничего, кроме «Балтики № 3», не пили сроду. Зимой я своими глазами видел, как Ганс приволок из самоволки тяжелую, килограммов в двадцать, годовую подшивку журнала «Русский философ», за которую, по его утверждению, даже заплатил деньги. Насчет денег, конечно, брехня — журналы он украл у зазевавшегося уличного букиниста, но все равно неясно было — зачем. Пачка простояла в казарме нераспечатанной до мая и использовалась в качестве подставки для стаканов. Потом журналы унес домой Суслик — тоже тот еще читатель.

— Я понял, товарищ капитан, сейчас думать будем, — услышал я голос Ганса и поразился, какой этот голос был напряженный.

Ганс выключил телефон и уныло промямлил, глядя в стол:

— В батальоне зверствует комиссия главка. Вообще-то, комиссия плановая, но Суслик говорит, что если на вечернюю поверку не явимся, комбат пишет заяву в ментовку, на розыск. И старые отмазки не катят, надо новые думать.

— Комбат пишет заяву? А кто нас комбату вломил? — удивился я.

Ганс пожал плечами:

— Суслик говорит, что какая-то вражина притаранила в батальон газету с нашими олигархическими мордами. Ребята в казарме в экстазе, штаб батальона тоже.

Я вынул свой телефон и взглянул на часы: 18.00. До развода три часа, а нам еще надо сменить костюмы на х/б.

— Поехали переодеваться, — сказал я Гансу, и тот согласно кивнул.

— Во что вы там собрались переодеваться? — раздраженно спросила Николь, на секунду оторвав взгляд от зеркальца косметички.

— Военную форму поедем надевать, глупая женщина, — торжественно сообщил ей Ганс, будто только и мечтал о таком повороте судьбы.

— Мы на одну ночь, не волнуйся. Отмажемся еще на пару-тройку суток и вернемся, — успокоил я Николь, заметив, как наливаются изумрудной яростью ее глаза.

Мы с Гансом встали, но Николь даже не подумала уходить, и мы принялись неловко топтаться у стола.

Я попытался объясниться:

— Николь, мы только явимся на вечерний развод. Комиссия из главка — это серьезно. А так она всех сосчитает, успокоится и уедет. От своего

начальства мы отмажемся и уже завтра утром будем в «Хошимине». А вот если сегодня вечером на развод не явимся, нам кранты — нас тогда официально в розыск объявят, замучаемся потом от ментов по городу бегать.

Николь достала из сумочки телефон, злобно ткнула пальцем в клавишу и, дождавшись ответа абонента, громко и внятно произнесла:

— Семен, немедленно езжай в «Хошимин» и аннулируй гостевую карту Михаила Прохорова. Потом вернешься и заберешь меня отсюда.

Сквозь кусты слышно было, как тут же глухо заворчал, прогреваясь, мотор лимузина.

Лимузин немного поерзал по парковке, а потом мы увидели его удаляющийся лакированный зад с давно засохшими розами на бампере.

— Ты чего творишь, женщина? — возмутился Ганс.

— Ланч в «Манеже» в 19.00,– отозвалась она спокойно. — Семен вернется и сразу поедем. Учи пока слова, солдат, — добавила она мне, скривив в презрительной ухмылке губы.

И эту мегеру я только что так неистово, так яростно любил?

Мне понадобилась целая минута, чтобы подавить раздражение.

— Николь, ты не понимаешь, — мягко начал я. — Мы же под статью попадем, федеральный розыск и все такое… Зачем эти проблемы? Дай нам переодеться и съездить в Балашиху на один вечер. Только один вечер, твою мать! — чуть не сорвался я на крик.

— Перебьетесь, — сказала она коротко, поднялась из-за стола, сняла со стула сумочку и ушла в туалет.

Мы простояли у столика минут пятнадцать, но Николь так и не появилась. Зато мы услышали, как подъехал лимузин, и пошли на звук: Ганс предложил набить морду шоферу Семену, отобрать у него нашу карту отеля и таким образом вернуть себе вожделенную форму. Но, выйдя на парковку, мы поняли, что этот вариант не годится — из машины вылезло четверо здоровенных мужиков в темных классических костюмах. Один из визитеров, увидев нас, коротко скомандовал:

— Эй, орлы! Хозяйка велела отвезти вас в центр. Садитесь давайте, не дурите.

Не сговариваясь, мы с Гансом развернулись и побежали сквозь кусты на другую сторону улицы, а потом и дальше, через какие-то забитые дорогими машинами дворы, пустынные детские площадки и, напротив, оживленные бульвары,

полные праздного полупьяного народа.

Пока мы бежали, я успел подумать, что никогда в своей жизни столько не бегал, сколько за последние дни. Ровно об этом же мне сообщил Ганс, когда мы встали отдышаться возле входа в какой-то огромный супермаркет.

Вечерняя духота уже обволакивала город, и мне пришлось прижаться лбом к витрине, чтобы хоть как-то остыть после пробежки.

Сквозь витринное стекло я вдруг увидел армейскую фуражку.

— У тебя деньги остались? — спросил меня Ганс, тыча своим пальцем-сарделькой в витрину. Он увидел то же, что и я, — армейскую форму в отделе Военторга.

Я порылся в карманах — нашлась одна сильно мятая купюра в тысячу рублей и рация. Рацию я убрал в карман, а купюру расправил и показал Гансу, но тот в ответ только расстроенно покачал головой:

— Этого хватит только на пару труселей и бутылку.

Но потом я вспомнил про карту, которую вручила мне Николь еще перед посещением «Дятла». Карта лежала во внутреннем кармане пиджака, и там же, рядышком, лежал мятый конверт с

пин-кодом.

Шеренга банкоматов призывно моргала экранами в первом же зале супермаркета. На карте оказалось двести с лишним тысяч рублей, и, когда я сказал об этом Гансу, он радостно выдохнул:

— Бухать будем до осени! Теперь можно и на дембель не спешить, братишка!

Я попробовал снять все деньги сразу, но первый банкомат заартачился, сообщив, что имеет лимит в тридцать тысяч. Я снял эти деньги, распихал их по карманам и принялся пытать соседний аппарат, который согласился выдать еще меньше — двадцать тысяч. В третьем банкомате денег не оказалось вовсе, а когда я направился к четвертому, в зал вошли двое короткостриженых мужчин в черной униформе и сразу направились к нам.

Ганс одними губами прошептал:

— Бежим? — но я отмахнулся от него. Еще на один забег у меня уже просто не было сил.

К счастью, бдительным охранникам для успокоения хватило моих автомобильных прав, сличенных с карточкой. После этой процедуры детективы долго и искренне извинялись за беспокойство, а затем предложили сопровождать нас по магазину. «Во избежание недоразумений, господин Прохоров», — туманно пояснили они

хором, поедая меня глазами.

Ганс легко вернулся в роль охранника олигарха, хлопнув одного из детективов по упругому плечу:

— Нам с хозяином надо бы под фигуры армейскую форму подобрать. Для прикола. Покажи, где тут у вас что имеется.

Нас проводили в отдел Военторга, где успели зачистить весь довольно большой зал от посторонних. Охранники встали на входе, а целый выводок девушек помогал нам подбирать комплекты летней формы. Я успел полностью экипироваться и даже переоделся в кабинке, под изумленными взглядами персонала, а Ганс мучительно долго подбирал себе сапоги. Когда он, под каким-то вздорным предлогом, отверг очередную пару и снова погнал восторженно улыбающуюся девушку на склад, я услышал странные множественные щелчки вокруг.

За заградительными барьерами зала оказалось не меньше десятка репортеров. Они отключили вспышки и снимали нас исподтишка, яростно толкаясь локтями за выгодные позиции, но не произносили при этом ни звука, чтобы не спугнуть добычу.

У меня что-то щелкнуло в голове, и я вышел к прессе, улыбаясь, как президент на инаугурации.

— Господа! — начал я, похлопав себя по хрустящим от новизны галифе. — Я бы хотел попросить вас об одолжении.

Репортеры вокруг на секунду замерли от осознания важности момента, а затем защелкали затворами с утроенной скоростью. Наиболее наглые типы включили фотовспышки, и на таких нахалов начали гавкать охранники.

— Господа! Это будет нашей с вами эксклюзивной тайной, хорошо?

Ответом мне была серия фотовспышек общей длиной с пару минут, не меньше.

Я прикрыл ладонью слезящиеся от яркого света глаза, но упрямо продолжил, глядя в нервно мятущиеся тени за барьерчиком зала:

— «Северсталь», ОАО «МаркСусал» и «Дженерал электрик». Вот три локомотива, вот та самая «русская тройка», которая вытащит нашу с вами экономику из временных проблем, созданных глобальным мировым кризисом. Я покупаю и то, и другое, и третье. Я так решил, господа. Это мое окончательное решение, считайте это заявление публичной офертой.

Репортеры потеряли всякий стыд. Они при-

тиснулись ко мне вплотную, жужжа фото и видеокамерами прямо у меня под носом, а наиболее оголтелые представители этой гнусной профессии выудили из потаенных закромов огромные волосатые микрофоны на штангах и начали тыкать в меня этими штуками, иногда промахиваясь в поднявшейся толчее и противно щекоча меня в районе шеи и подбородка.

— Михаил Дмитриевич, вы действительно готовы оплатить долги «Дженерал электрик»? Все девяносто миллиардов долларов?! — заполошно закричала на меня невесть откуда взявшаяся баба, которую я как-то видел на «НТВ» в порнографическом шоу про судьбы России.

— Да, я заплачу за все, — лаконично, но веско ответил я.

— Что такое ОАО «МаркСусал»? — простонал неопрятного вида мужик в розовой рубашке с грязным воротником и засаленными манжетами, с любительской камерой в руках. Но я снизошел и до него.

— ОАО «МаркСусал» — это компания, которая наиболее рентабельно производит в России алюминий, — твердо заявил я и улыбнулся всем бесноватым репортерам вокруг изо всех оставшихся у меня сил.

— А что вам сказал на это Потанин? — отчаянно вскрикнула мощная женщина с большим бюстом, одновременно проталкивая мускулистой рукой своего оператора с камерой на плече в эпицентр событий, поближе ко мне.

— Владимир Олегович Потанин плачет, — скорбно сообщил ей я, разведя руками.

— Почему?! — вскричали все вокруг.

— Потому что он уже не сможет купить «Северсталь», ОАО «МаркСусал» и «Дженерал электрик», — объяснил я и для убедительности вывернул из своих галифе карманы. Оттуда посыпались крупные купюры, которые тут же принялись подбирать улыбающиеся девушки и возвращать мне. Последующая серия фотовспышек едва не испепелила меня.

Ганс наконец выбрал себе подходящие сапоги, и мы пошли к кассе расплачиваться.

Девушка на кассе успела не только сделать вечерний макияж, но и приспустить юбку едва не до колен. Мне это зрелище показалось вульгарным, зато Ганс одобрил, перегнувшись через стойку и похлопав девушку по голой попе. Девушка радостно зарделась, но потом, как ни в чем ни бывало, спросила:

— Дорогие клиенты, расплачиваться будете по

карте или наличными?

Ганс замялся, явно думая о чем-то более важном, чем процедура расплаты, и я немедля ответил за него:

— Наличными.

Девушка назвала какую-то смехотворную сумму вроде пятнадцати тысяч рублей, я тут же отсчитал деньги, и снова серия фотовспышек ослепила меня.

Потом еще минут пятнадцать служащие магазина упаковывали в пакеты наши гражданские костюмы и туфли, а потом мы пошли к выходу, и я очень вовремя понял, что нам некуда идти — перспектива остаться на улице наедине со сворой репортеров означала похоронить всю эту аферу в зародыше. Олигархи бывают экстравагантными, но чтобы спуститься в московское метро, они должны быть ненормальными.

Охранники супермаркета держались рядом, и я, понизив голос, обратился к ближайшему:

— Приятель, как бы нам уехать без этого надсадного сопровождения? Честно говоря, щелкоперы утомили.

— Пойдемте за мной, — с готовностью пригласил он, как будто держал уже такой вариант в голове.

Мы свернули за дверь с надписью «служебное помещение», оставив там на страже второго охранника, прошли по длинному пустому коридору и вышли к грузовому сектору.

— Такси? — спросил охранник, и я согласился.

Мы постояли на улице не больше пяти минут, когда к эстакаде подрулил черный представительский «мерседес» без каких-либо опознавательных знаков вроде «шашечек» или желтого фонаря.

Я нащупал в кармане тысячную купюру и протянул ее охраннику. Мужчина слегка замялся и потом неловко попросил:

— А можно автограф, Михаил Дмитриевич?

— Легко, — откликнулся за меня Ганс.

Ганс аккуратно выудил у меня из рук купюру, потом из рук охранника забрал ручку и размашисто расписался на деньгах: «Ганс Миллер».

Охранник взял эту купюру с осторожным недоумением на лице, но я тут же подумал, что это был наилучший выход из ситуации.

Потом я сел в «мерседес», рядом со мной уселся Ганс с двумя пакетами в руках, и наша машина рванула с места — очень вовремя, как раз мимо набегающей к заднему выходу толпы репортеров.

Ганс назвал адрес, но водитель, задумчивый меднолицый кавказец, ничем не выразил своего удивления и всю дорогу ехал молча. У самого КПП он сделал широкий круг, привлекая внимание дежурного наряда и болтающихся вокруг части ребят, возвращающихся из увольнения.

Я сунул Гансу пачку пятисотенных купюр, чтобы он сам расплатился с таксистом, но водитель в протестующем жесте поднял короткопалую ладонь, не желая брать деньги.

— Услуга за услугу, господа, — неуверенно начал он. — Можно мне ваш автограф?

Таксист протянул мне заготовленную заранее ручку и мутную фотографию, где он был изображен в обнимку с Филиппом Киркоровым.

— С той стороны, пожалуйста! Марату! — прижал он вторую руку к сердцу и закатил глаза повыше.

Я вывел с обратной стороны фотографии размашистую подпись «Михаил Прохоров — Марату! Больших финансовых удач тебе, Марат!» и вернул карточку.

— Подождать здесь? — с готовностью спросил таксист, но я отмахнулся — зачем?

— Завтра приезжай, часам к двенадцати, — зачем-то сказал ему Ганс.

Мы с Гансом вышли из машины одновременно, причем разленившийся немец позабыл открыть мне дверь. Вылезая, я успел подумать, что так разлагающе на Ганса подействовала близость казармы.

Мы успели сделать по шагу, пройдя ярко освещенные полураскрытые ворота КПП, когда из полумрака строевой площадки раздался зычный окрик:

— Явились — не запылились?!

Комбат стоял в окружении незнакомых нам офицеров в звании от полковника и выше, и до меня дошло, что мы лицезреем ту самую грозную комиссию из штаба округа.

— Товарищ майор! Сержанты Прохоров и Миллер вернулись из увольнительной в расположение части! — доложил я звенящим от ужаса голосом, и вокруг настала недоуменная тишина.

— Какая еще увольнительная? Вы же в самоволку бегали, пидорасы, — неуверенно сказал комбат, оглядываясь по сторонам.

Из темноты вынырнул Суслик:

— Никак нет, товарищ майор. Мы уже разобрались, ошибочка вышла. Я посылал солдат за горбылем, для утепления столовой. Так они достали. Было сложно, но они справились, — последнюю

фразу Суслик повторил на бис, повернувшись к нам лицом, и мы с Гансом заорали, как перед расстрелом:

— Да, да! Мы достали! Целую машину горбыля!

— Десять кубов, — строгим голосом подсказал Суслик, и мы закивали головами:

— Так точно. Десять кубов!

На лицах членов комиссии проявилось понимание.

— Ну, тогда в казарму шагом марш! — приказал нам Суслик, и мы с Гансом с готовностью развернулись в нужном направлении.

— Стоять! — вдруг гаркнул комбат.

Мы замерли, а комбат продолжил:

— Вас еще посылали за комплектом зимней резины к «Ладе-универсал». Где резина?

Ганс посмотрел на меня с тревогой, но я успокоительно поднял руки: дескать, все нормально, на это денег хватит. Вслух я сказал:

— Так точно, товарищ майор. Резина будет доставлена в расположение части завтра в семнадцать ноль-ноль!

Члены комиссии оживились, один из офицеров, пожилой сухощавый старикашка с генеральскими погонами на плечах, задумчиво обронил, повернувшись к Суслику:

— А за передним бампером к «пятой бомбе» вы их, случайно, не посылали?

Суслик с нескрываемым любопытством посмотрел на меня, едва заметно усмехаясь в рыжие усы:

— Не могу вспомнить, посылал ли я вас, товарищи сержанты, за передним бампером к «бомбе»?

— К «пятой бомбе», — уточнил генерал. — Там еще не всякий подходит.

— Так точно, посылали, — сломался Ганс, не выдержав и десятисекундной паузы. — Бампер будет доставлен завтра в восемнадцать ноль-ноль.

— В восемнадцать поздно. Давайте к двенадцати, — взмахнул сухой ручкой генерал и, довольный, повернулся к майору: — Ну что, комбат, ведешь ужинать или дальше морозить на плацу будешь?

— Пойдемте, гости дорогие, — встрепенулся комбат, показывая на залитую огнями столовую.

Толпа штабных офицеров в сопровождении комбата направилась на свет, а мы с Гансом наконец смогли выдохнуть, глядя друг на друга безумными глазами.

Потом мы пошли к казарме, когда вдруг за нашими спинами раздался истеричный крик какого-то низенького, зато весьма упитанного

штатского, приотставшего от группы офицеров:

— Стойте, солдаты! Эй, вы, двое, подождите! Вас еще посылали за сварочным аппаратом «Бош»! На двести ампер! Эй, куда вы, солдаты! Не забудьте, «Бош» на двести ампер! В «Техносиле» продается, на Варшавском шоссе!

Мы с Гансом рванули, не оборачиваясь, прямо через плац, где уже стоял в парадном каре весь батальон.

Ребята на плацу заржали в голос, но командовавшие построением командиры рот любезно отвернулись, чтобы не мешать нам невидимыми наконец добежать до казармы.

Глава тринадцатая

— …В общем, бабы там на мужиков кидаются, как подорванные, да только мужики все пидоры, бабам оттого горько, и потому косячат они по-страшному. — Ганс трепался уже четвертый час, но его не отпускала благодарная публика. Напротив, из соседних казарм подходили все новые и новые слушатели, из тех, кто мог по своему статусу игнорировать приказы дневальных или сержантов.

К пяти утра в старой казарме нашей третьей роты собрался весь цвет батальона — деды, сержанты, всякая штабная накипь и по парочке представителей от национальных землячеств.

Салабонам тоже хотелось послушать про сладкую столичную жизнь, но на входе их встречал жесткий фейс-контроль, причем дневальным контроль не доверили — пара авторитетных сержантов паслась в дверях, решая вопрос доступа персонально для каждого гостя, невзирая на компанию, в которой тот пришел.

Гостей все равно набилось под завязку, и к часу ночи отказывать начали даже водилам хозяй-

ственного взвода и некоторым прапорщикам. Обиженные уходили не сразу — напротив, они грубили, угрожали разнообразными карами, быковали, понтовались или брали измором. Многие оставались стоять у входа, азартно лузгая семечки и изо всех сил делая вид, что внутрь входить вовсе и не хотели, а пришли сюда просто так, что называется «потусить».

Наиболее дерзкие из салабонов устроились на газончике под распахнутым окном и, прикидываясь ветошью, жадно ловили обрывки популярной лекции Ганса и неожиданно вспыхивающих дискуссий. Большинство зрителей щелкали семечки, но были и такие, кто уже приобщился к гламурным фисташкам и показательно лузгал ими, правда, не сильно торопясь — ведь фисташек за те же деньги можно было взять намного меньше, так что и кончались они раньше любого пацанского сборища.

— А что, брат, ты и саму Ксению Собчак живьем видел? — дрогнувшим голосом спросил Ганса ефрейтор Штырь, прославившийся в свое время умением голыми кулаками вбивать дюймовые гвозди в вагонку с одного удара. Впрочем, авторитет в батальоне он заработал не этим своим пошлым цирковым номером, а жесткой дракой

с Акулой один на один в одной популярной московской рыгаловке. Про эту драку даже в одной газете написали. Победил тогда Акула, но по неизвестной и поныне причине он отпустил Штыря. Отпустил на глазах у изумленного патруля, не испугавшись уронить свой авторитет. Надо признать, майор Карасик не без душевных порывов человек, что бы про него ни говорили.

— Так ты что, как вот меня сейчас, совсем рядом с собой Собчак видел? — уточнил Штырь, попутно как бы невзначай выставляя напоказ свои модные американские берцы.

— Видел! Но Ксюша не в моем вкусе. Я ей сразу сказал, чтоб даже не отсвечивала рядом, не люблю таких баб, и не уговаривай, — легко откликнулся Ганс и бросил предупредительный взгляд на меня. Я помалкивал, мне было все равно и зверски хотелось спать, но спать было негде — все кровати в радиусе тридцати метров вокруг нас были заняты возбужденными однополчанами.

— Слушай, Ганс! А как туда попасть, ко всем этим гламурным лахудрам и пидорасам? За сто баксов, к примеру, проведешь меня в такой клуб с братом или как? — спросил о вожделенном Магомед, с интересом разглядывая ефрейторские

берцы.

Слушатели вокруг, конечно, на всякий случай заржали, подчеркнув тем самым несерьезность вопроса, но когда Ганс раскрыл рот для ответа, притихли, ловя каждое слово.

— При всем уважении к тебе, Мага, за сто баксов в московской клоаке публика пацану даже отлить не позволит, — объяснил Ганс и уточнил на всякий случай: — И брату твоему тоже не дадут, им же по фиг все наше уважение.

Брат-близнец Маги, Вагиф, был очень уважаемым в батальоне человеком, поэтому даже не служил, как все люди — его привозили раз в месяц на сверку личного состава и увозили обратно, не всегда даже переодевая в армейское. Я лично дважды видел Вагифа в строю в джинсах и футболке, и один раз в смокинге, но вот полковник из штаба округа, ежеквартально принимавший батальон, ни разу ничего неуставного не заметил, хотя за те же неподшитые воротнички карал беспощадно.

Вы когда-нибудь видали смокинг с подшитым воротничком? Вот и я о том же.

— Москвичи — козлы беспросветные, каких людей не уважают! — подобострастно вякнул Воробей из штабной обслуги.

— А мне вот интересно стало, как вы, охальники, среди той беспросветной публики двое суток выживали? — насупился вдруг Серега Медведь, суровый потомственный лесоруб из Кандалакши.

— А мы среди тех козлов подолгу и не кантовались, — сразу отрезал Ганс, чутко уловив нехорошие подозрения. — Жили мы отдельно, в крутом отеле с видом на Мавзолей. С такими бабами, которых потом по телевизору показывают, с бухаловом реальным и прочим обогревом. Называется: «все включено». Там, в отеле, специально все сделано так: типа, если бабу пользуешь на подоконнике, то заодно в окно глядишь, приобщаешься как бы к истории своей великой Родины.

— И чего? — спросил кто-то из массовки.

— Родина у нас, пацаны, реально великая! — ответил Ганс, явно начиная уставать от глупых вопросов.

Мне стало жалко его, и я было включился в беседу, отозвавшись на реплику Штыря, которого просто распирало от желания поглубже разобраться в иерархии и нравах столичной тусовки. Но мой ответ оказался неинтересным публике — быстро выяснилось, что о таких сокровенных для

каждого пацана вещах, как гламурные понятия, я говорил совсем иначе, чем Ганс.

— Что-то ты без искры базаришь, Михась! Будто пох тебе на столичную братву, — укоризненно подытожил Серега Медведь и аккуратно, но сильно ткнул огромным кулачищем в плечо своего соседа, Магомеда:

— Дай, что ли, подкурить, талибан! А не то крылатая ракета прилетит, от имени всемирной демократии!

Мага, заметно нахмурившись, после небольшой, но внятной паузы достал пачку «Парламента» и протянул ее Медведю. Глядел он при этом в пол, и тонкие губы его шевелились, будто считая секунды. Досчитав до заветного числа, Мага убрал пачку обратно в карман, так и не взглянув в лицо Медведю.

Зажигалкой угодливо чиркнул штабной Воробей, а окончательно разрядил ситуацию ефрейтор Штырь, ловко забравший красивую зажигалку у штабной крысы в обмен на вопрос:

— А вот скажи, Андрюха, отчего штабная накипь простых солдат презирает?

Воробей ничуть не обиделся, достал свои сигареты, тоже «Парламент», призывно помахал свежей сигаретой, и Штырь, снисходительно

ухмыляясь, зажег ему огонь.

Воробей с наслаждением сделал пару затяжек, а потом ответил, нехорошо глядя на свою зажигалку, так и оставшуюся в руках ефрейтора:

— Видишь ли, Сема, в чем тут дело. Простой солдат не должен отсвечивать возле элиты, понимаешь? Пусть солдат живет в казарме, я не возражаю. Но пусть он делает это вон в том, дальнем ее конце. — Воробей показал, в каком именно конце, и все послушно посмотрели туда.

Там действительно стояли в два яруса кровати и спали, точнее, пытались спать те самые солдаты — не блатные, не кавказцы и не спортсмены. Но сейчас в казарме было очень шумно и накурено, так что спать удавалось не всем. Многие ворочались в тревожном забытье или тихонько подглядывали одним глазом на очередную тусовку крутых пацанов, как смотрят дети в случайно не выключенный родителями телевизор.

— А если их не будет, кто тебе, хохлу охреневшему, будет в штабе полы мыть, жратву приносить, на стреме стоять, когда припрет? — спросил Семен, вроде как искренне удивляясь людоедской философии собеседника.

— Солдаты, конечно, — кивнул Воробей, сладко затягиваясь сигаретой. — Но пусть будет так:

пусть эти нищеброды пришли, отработали и потом исчезли, чтоб мы с вами их не видели! Плебс должен знать свое место. Люди нашего круга должны держаться своих. А то знаем мы этих прощелыг — на тепленькое место шмыг и сидит там, как ни в чем не бывало.

— Жадный ты, Воробей, — вдруг пригвоздил его Мага, и все мы дружно рассмеялись, как будто это действительно было смешно.

— А завари-ка ты нам чайку, бесовское отродье, — отсмеявшись, приказал Воробью Медведь, и штабной человечек без возражений встал и исчез за спинами сослуживцев.

— Может, лучше водки? — задумчиво спросил Ганс у общественности, но Медведь твердо ответил:

— Нет, лучше — чай. Если есть выбор, чай или водка, нужно всегда выбирать чай.

— Да ладно! — засмеялся Мага, но Медведь даже привстал, чтобы его было лучше слышно по всей казарме: — Как вообще можно сравнивать чай и водку? Чай — это напиток правильных, продвинутых пацанов. Но и пить чай тоже надо правильно. Когда пьешь чай на пустой желудок, холодная природа чая, проникая вовнутрь, может охладить селезенку и желудок, что подобно про-

никновению волка в дом! А если поел жирное, то чай нужен погорячее. Потом, если потчевали тебя соленым, то чай нужен чуть теплым. Вообще, тут важно знать, что слишком горячий чай раздражает горло, пищевод и желудок. Длительное употребление горячего чая может привести к болезненным изменениям важных органов. Так что пацану нужно быть на стреме и следить за своими ощущениями. Тебе чего, Мага, чай не нравится, что ты тут такие гримасы корчишь?

Магомед снова ухмыльнулся, но ответил спокойно, без вызова:

— Да не, Медведь, чай я тоже пью, как и все. Но без фанатизма. Просто удивительно, как тебя прет от этого.

— Культ потребления проник в солдатские казармы! — негромко объяснил я Маге ситуацию, но оба они, и Медведь, и Мага, в ответ молча уставились на меня, пытаясь понять, обидел я кого своими туманными словами или так просто умничаю, по дурной привычке.

— Крыши бывают плоскими и покатыми, — заявил вдруг Штырь, гордо оглядываясь по сторонам. — Так и люди: рождаются, живут и умирают…

Ганс повернул ко мне свое усталое вспотевшее

лицо и негромко буркнул:

— Михась, как это называется по-научному, когда одну и ту же многозначительную херню в разных вариациях со всех сторон слышишь? Причем, все так часто повторяются, что блевать уже тянет?

Я на минуту честно задумался и ответил ему тоже внятно и громко, потому что устал от этой пустой болтовни и даже разозлился на нее:

— Ганс, по-научному это называется — тренд. Это когда очевидная для тебя мысль вдруг доходит до всех окружающих идиотов разом.

Ганс помотал головой, не соглашаясь:

— А по-моему, это называется дурдом. Чтоб все так сразу поумнели — разве это не дурдом?

Соседи вокруг, конечно, услышали наше смелое обсуждение, но среагировать должным образом не успели — в казарму, почуяв легкую наживу, вдруг ввалился батальонный фотограф Василий Захаров, с ходу включивший камеру и заполошным голосом заоравший:

— Братва, а вот и я! Кому тут почета и уважения?! Пока я трезвый, становитесь в позы!

Васю слегка одернули за дерзкий базар, но в красивых позах послушно замерли все, кто успел его заметить и услышать, даже нахохлившиеся,

как перед дракой, Мага и Медведь.

Я тоже приподнял заспанное лицо и расправил сутулые плечи. Потому что почета и уважения охота всем — люди ведь, в сущности своей, одинаковы. Они мечтают об одном и том же под плоскими или покатыми крышами, а еще люди рождаются, живут и умирают…

Глава четырнадцатая

Поспать нам так и не дали — мы с Гансом прикорнули было после шести утра, когда салабонов погнали на зарядку, но к семи в казарму явился Суслик и напомнил о вчерашних клятвах на плацу.

— Вот вам список, с примечаниями, — передал мне старшина истерзанный разноцветными маркерами тетрадный листок. — Господа офицеры его полночи в штабе обсуждали, чуть до драки дело не дошло.

В списке, напоминавшем автомобильный каталог, было двадцать позиций. Примерная стоимость каждой была любезно указана справа, итоговая сумма стояла внизу, обведенная красным кружочком: сто пятьдесят семь тысяч рублей.

— Товарищ капитан, а горбыль-то чего, уже не нужен? — удивился Ганс, глазея в список через мое плечо.

Суслик виновато развел руками:

— Мужики, я тут ни при чем. Меня вы знаете — поставите бутылку, и дело с концом.

— Одну бутылку? — тут же деловито уточнил Ганс, и Суслик испуганно поправился:

— Нет-нет, что я, в самом деле, филантроп вам, что ли? Давай шесть бутылок. Ящик, короче. У Клавки «Немировка» стоит литровая, я в подсобке видел, там как раз по шесть штук в коробке. Вам так даже дешевле выйдет, чем с горбылем связываться.

— Тем более что тебе его потом опять чуркобесам толкать, на спирт менять, а то мы не знаем твоей диспозиции, — буркнул Ганс, продолжая внимательно изучать список.

Суслик опустил усы, спрятал глаза и вообще имел такой виноватый вид, что мы не стали предъявлять претензии к феерическому содержанию штабного заказа, но вот программу на будущее я уточнил:

— Приказ нам комбат когда подпишет? Или мы при этом тоталитарном режиме до осени будем колобродить?

Старшина приложил руку к сердцу и, похлопывая себя по выцветшей гимнастерке, торжественно сказал:

— Комбат так распорядился: если сегодня вопрос по списку решаете, вам простят самоволку и приказ тоже подпишут. Так что не ссыте, дер-

жать вас тут никому резона нету. Задолбали вы давно не только меня, но и всю окружающую действительность.

Уже выходя, Суслик вдруг встал в дверном проеме и обернулся к нам:

— Только вот что учтите: насчет майора Карасика комбат ничего не обещал. Пока на дембель не вышли, это ваша проблема. Тут без шуток, все серьезно.

— Что, так сильно зол на нас демиург комендантский? — уточнил Ганс, рефлекторно потирая фингалы под глазами.

— Зол — не то слово. От Акулы не откупитесь, это точно. Прилюдно обещал вас обоих на три года в дисбат засадить, как поймает, — пояснил Суслик и быстро вышел вон, как бы не желая стоять рядом с такими прожженными негодяями, как мы.

Учитывая нездоровый интерес к нам Акулы, в город решили ехать в гражданском, хотя Суслик, ради общего дела, в кои-то веки выдал нам официальные увольнительные. Но от разъяренного Карасика никакие бумажки не защитят — сам видел, как он рвет их на кусочки и бросает в солдатскую морду, а потом начинает этой мордой асфальт натирать.

Чтобы не мозолить глаза комбату и офицерам комиссии, переоделись прямо на КПП, под восхищенными взглядами ребят из дежурного наряда.

Оказавшись за воротами части, я первым делом позвонил Николь, но она не отвечала. Впрочем, это было неудивительно — в это время суток ей как раз полагалось укладываться спать.

— Что, прогорела твоя афера, олигарх? — без особого огорчения спросил меня Ганс, пока мы ждали на остановке маршрутку до Москвы.

— Похоже, что так, — признал я, хотя в глубине души не желал в это верить.

— Ну и ладно, — на редкость рассудительно заметил Ганс, цепляя на морду солнцезащитные очки. — Зато повеселились и прибарахлились. Ну и потрахались опять же. И все такое, да?

— Да, — буркнул я, отвернувшись. Желание немедленно увидеть Николь вдруг стало таким нестерпимым, что я не успел ничего больше сказать Гансу, а сделал шаг в сторону обочины и поднял руку.

— Да ну, Михась, на хрена переплачивать этим поцикам? На маршрутке спокойно доедем, не пыли!

Я повернулся, сказать ему, что хочу ехать в «Хошимин», а туда на маршрутке являться западло,

как за спиной у Ганса показался «уазик» камуфляжной расцветки, с визгом притормозивший у полуоткрытых ворот нашей части.

Я успел крикнуть Гансу: «Не двигайся! Замри!», но любопытный немец совершенно не слушался моих приказов. Он, конечно, обернулся, увидел, как из патрульной машины комендатуры вылезают Акула и еще три здоровенных лба, и в ужасе рванул прямо через шоссе.

Разумеется, я бросился за ним — не отдавать же боевого товарища на растерзание вероятному противнику.

Нам дважды повезло. Во-первых, повезло, что нас не сбил ни один торопыга из тех, что гнал с утра по Щелковскому шоссе. Во-вторых, Акула и его прихвостни нас, похоже, и не заметили — так быстро мы исчезли из поля видимости патруля. Пробежав пару городских кварталов, мы убедились, что погони нет, и перешли на шаг, изредка нервозно оглядываясь.

— Не срисовал нас упырь? — весело подытожил коллизию Ганс.

— Угу.

— А ведь по нашу душу в батальон приперся, как думаешь?

До меня тоже дошло это очевидное обстоятель-

ство, и я стал прикидывать, что же за сука такая в батальоне постоянно стучит на нас — то газетку поганую в казарму притащит, то Акуле сообщит о нашем долгожданном прибытии в расположение части.

Пока я об этом раздумывал, на пешеходную дорожку тихого балашихинского дворика внезапно вышли три солдатские фигуры. Сначала я вздрогнул, подозревая комендантских упырей, но зоркий Ганс успокоил меня:

— Это не комендантский взвод. Танкисты какие-то пришлые. Смотри, зачуханные все, чмошники позорные.

Вид у солдат был действительно потертый, но своего позорного вида они ничуть не стыдились — напротив, смотрели на нас вызывающе. Когда я поравнялся с одним из них, он вдруг злобно прошипел мне:

— Эй, чувак! Мобила есть? Дай позвонить братану на зону. Или тебе чё, впадлу пацану помочь?

Двое других армейских гопников не сводили глаз с Ганса, пристально разглядывая его роскошный костюм, лакированные туфли и в особенности манерные очки. До меня наконец дошло, что нас приняли за местных богатеньких аборигенов.

— Ганс, да нас тут в натуре раскулачивать собрались! — весело крикнул я товарищу, но в этот момент первый танкист ударил меня с правой в ухо.

Впрочем, ударить он меня, конечно, не успел — не на таковского напал, терминатор войлочный… Уклонившись, я цепко ухватил его правую руку и начал выкручивать ее что есть силы по часовой стрелке. За свой тыл я ничуть не беспокоился — слышно было, как Ганс бодро обстукивает тела этих вздорных мазуриков, а они только скулят от бессильного возмущения.

Уложив своего танкиста на асфальт и придерживая его заломанную до вывиха руку, я наконец смог повернуться к Гансу.

Тот уже сидел верхом на поверженных противниках и лениво отвешивал им оплеухи, зычно приговаривая:

— На кого, твари коматозные, клешни подымаете?! На братву солдатскую кидаетесь, торчки самоходные?!

Мой клиент, ерзая грязным лицом по асфальту, прошипел изумленно:

— Вы что, солдаты?! — но я заткнул ему пасть ударом модной туфли.

Пока мы таким образом развлекались, во двор

незамеченной въехала милицейская «газель», с визгом притормозившая у самых моих ног.

Из машины выскочили четверо автоматчиков с такими злыми мордами, что я сразу решил, что с этими драться не буду — такие пристрелят и уедут, а ты лежи потом, истекай.

Судя по заскучавшей физиономии Ганса, он принял аналогичное решение и встал с поверженных гопников, виновато разводя руками, как заправский пацифист:

— Бля буду, они первые начали, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Менты, даже не взглянув на нас, бросились к солдатам.

— Ну что, добегались, тати бронетанковые! — весело гаркнул один из милиционеров и пнул сапогом в бок моего противника.

Из «газели» неспешно выбрался грузный мужик в штатском, с уже зажженной курительной трубкой в руках. Пинкертон или Мегрэ, уж не знаю, кого именно он из себя строил.

— Господа! — торжественно заорал он, обращаясь к небесам. — Благодарим вас за гражданский поступок! Вы задержали опаснейших преступников, целую неделю терроризировавших Москву и Подмосковье!

В голове у меня все тотчас прояснилось, и я вспомнил скандальную газетку, прочитанную в «Метелице», — танкисты из Кубинки, самоволка, грабежи и прочее.

Я встал попрямее, Ганс тоже приосанился, поправляя черные очки.

Пинкертон дошел непосредственно до места сражения и там осторожно прихватил меня за локоток:

— Господа, нам всем придется проехать в отдел, оформить задержание и последующую передачу солдат военной комендатуре.

Я похолодел от ужаса — нам еще только не хватало собственноручно передавать Акуле разных самовольщиков.

Потом я набрался наглости:

— Мне очень жаль, но у меня деловая встреча в Москве. Никак не могу опаздывать.

Оперативник с минуту раскуривал трубку, задумчиво глядя то на меня, то на Ганса.

На солдатах уже защелкнули наручники и пинками указали направление движения, в микроавтобус.

Во дворе показался джип с эмблемой одной из федеральных телекомпаний. Джип еще толком не остановился, когда оттуда вывалился оператор

с камерой на плече и сразу побежал к нам.

Следом за ним выбежала стройная круглозадая тетка с микрофоном наперевес.

— Ох, теперь еще и пресса, — капризно вздохнул я. — Командир, давай здесь данные перепишем, у меня ведь и правда дела горят! Бизнес, понимаешь? Ты мне — я тебе. Договоримся, если что.

Пинкертон еще раз присмотрелся к моему галстуку, перевел взгляд на Ганса и согласно кивнул, пыхнув трубкой:

— Ладно, показывайте, что там у вас есть из документов.

Я вытащил права вместе с кредитной картой, и оперативник с интересом посмотрел на карту:

— Надо же, точь-в-точь как у меня, классическая «Виза», — удивился он. — А чего не «золотая»?

— Не хочу выделяться, — пояснил я этот казус и из последних сил улыбнулся.

— Ага, — согласился Пинкертон и кивнул в сторону Ганса:

— А этот ваш, хм, охранник…

— У него лицензия на продлении, можно его не указывать в протоколе? — взмолился я. — Я вам, если надо, потом пришлю данные его лицензии.

— Нет. Тогда точно придется, граждане, проехать, — вроде как даже обрадовался опер и

указал своей вонючей трубкой на микроавтобус.

Пара оставшихся на дороге автоматчиков выжидательно посмотрели на нас с Гансом, и мы послушно направились в машину, на указанные нам передние сиденья в салоне.

Уже через стекло закрытой двери я увидел, как Пинкертон дает короткое интервью репортерам, небрежно размахивая моими правами. Потом он сел спереди, рядом с водителем и дал команду трогаться.

Мы проехали через двор, потом пересекли какую-то второстепенную улочку, а потом неожиданно выехали на шоссе, медленно двигаясь по правому ряду. Мы проехали как раз возле КПП батальона, где уже не было видно комендантского «уазика», зато стоял лимузин нашего вчерашнего таксиста.

Я истерично, с надрывом, закричал:

— Командир, дай мне хоть на своей машине до вас доехать! Не по понятиям нам в «газели» разъезжать, понимаешь-нет? Или мы тебе мазуриков не словили, отчетность не подправили?

Пинкертон явственно вздохнул, завистливо косясь на роскошный лимузин, потом поднял над головой мои права и велел водителю притормозить:

— Ладно, пересаживайтесь в свою тачку. Адрес отдела: Мажорная, 77. И, смотрите, без фокусов — ваши права у меня останутся, а с вами наш человек проедет.

— Договорились! — дружно отозвались мы с Гансом, неловко выбираясь из «газели». Один из автоматчиков тоже вышел вслед за нами.

За рулем лимузина сидел все тот же меднолицый кавказец, который, судя по невозмутимой физиономии, ничуть не удивился тому обстоятельству, что мы у него на глазах вышли из милицейской «газели», да еще с таким сопровождением.

Ганс громко поздоровался:

— Здорово, братуха Марат! А ты чего раньше приехал-то?

Тот ответил что-то не слышное мне, и Ганс сел рядом с водителем, начав с ним негромкий разговор. Я ограничился кивком головы и плюхнулся сзади, согласно статусу и собственному настроению — я очень устал и с трудом понимал, что нужно сейчас делать в первую очередь, а чего лучше вообще не делать. Автоматчик сел посреди салона, с любопытством оглядываясь по сторонам, но потом откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

Лимузин чуть заметно задрожал и тронулся с места, вбиваясь в пробку на шоссе.

— Куда поедем, хозяин? — громко поинтересовался у меня Ганс.

— На Мажорную, 77, — ответил я спустя несколько секунд, приняв окончательное решение.

Ганс нервно почесал бритый затылок, но комментировать ничего не стал, снова отвернувшись от меня к своему очередному братану, Марату.

Во двор милицейского управления мы приехали третьими — после «газели» и телевизионного джипа. Впрочем, там стояли еще какие-то машины с разноцветными логотипами телекомпаний и газет.

Ганс догадался выйти из лимузина первым, открыл мне дверь, и выходил я уже под прицелом нескольких телекамер и фотоаппаратов. Последним выбрался автоматчик, неловко цепляясь оружием за какие-то детали в салоне.

— Михаил Дмитриевич, как вас угораздило задержать бандитов? — донесся до меня первый вопрос какого-то нагловатого чернявого типа с огромным бейджем на груди. Впрочем, что там у него было написано, я все равно не видел.

— Как идут объявленные вчера сделки по покупке трех компаний? — закричал еще кто-то.

— Что такое ОАО «МаркСусал»? — простонал неопрятного вида мужик в розовой рубашке с грязным воротником и засаленными манжетами, с любительской камерой в руках. Я вспомнил, что вчера уже видел его и что он, ботан склерозный, тогда задавал мне тот же самый, оскорбительный вопрос.

— К таким интервью надо готовиться, молодой человек! Так что без комментариев, — строго заметил я ему, с ненавистью глядя на розовую рубашку, и зашагал прямо к парадному входу, раздвигая людей и камеры вокруг одним своим злобным взглядом.

— Без комментариев, господа! — эхом рявкнул на толпу Ганс, забегая вперед, чтобы открыть мне двери.

Сразу за парадными дверями стоял турникет, и я было остановился, понимая, что так просто дальше не пройду, но тут из-за будки охраны показались клубы дыма, а потом нарисовался и сам Пинкертон с трубкой в зубах, успевший скинуть пиджак и оставшийся в модной голубенькой рубашке с крокодильчиком на кармане и безукоризненно выглаженных брюках модной серой расцветки.

— Проходите, дорогие гости, — разрешил он, и

турникет разинул свои створки.

Мы пошли следом за оперативником по длинным пустынным коридорам и после пары поворотов дошли до кабинета, который предварялся небольшой приемной со скучающим за стойкой офицером в армейской форме.

Я, близоруко щурясь, попытался прочитать надписи на дверной табличке, но ни черта не разглядел, зато заметил, как страшно побледнел Ганс — так, что стала видна каждая веснушка на его широкой физиономии. Мне тоже стало страшно — от его испуга и я замер на пороге.

— Не ссы, олигарх. — Пинкертон цепко прихватил меня за локоть и потащил за собой, одновременно отворяя дверь с таинственной табличкой, и я даже не ответил ему на эту вопиющую фамильярность.

Ганс, все с тем же белым лицом, вошел за нами следом, видимо, не желая оставаться в приемной в одиночестве.

За дверью оказался большой кабинет, большую часть которого занимал явно старинный стол и два ряда таких же антикварных стульев вокруг него — видимо, тут проходили совещания.

Из-за стола нам навстречу вышел улыбающийся худощавый старичок в военных штанах с

лампасами, но в гражданской рубашке.

— Ох, какие гости к нам пожаловали! Сам Михаил Прохоров изволил прибыть! — откровенно дурачась, вскричал старикан и протянул мне жилистую руку.

Я растерянно пожал эту руку и посмотрел в глаза своему собеседнику, уже понимая, что тот развлекается, но не понимая причины этого веселья.

— Присаживайтесь, Михаил Дмитриевич! — все так же дружелюбно ухмыляясь, предложил мне хозяин кабинета и вернулся в свое кресло.

Я прошел пару шагов и послушно сел на один из антикварных стульев.

— А что же у нас охрана стоит? Не по-людски это! — заметил Пинкертон, усаживаясь за стол напротив меня.

Я услышал, как слева от меня под Гансом скрипнул стул.

— Ну что, как бизнес идет, Михаил Дмитриевич? — тепло спросил меня старикан, поправляя какие-то бумажки на своем столе.

Я пожал плечами и выдавил из себя одно слово:

— Нормально.

— И что же, кризис вас совсем не беспокоит?

Совсем-совсем? Представляете, Валерий Васильевич! Совершенно не беспокоит Михаила Прохорова мировой кризис, — удивился со своего места Пинкертон, выколачивая трубку в монументальную пепельницу, изображавшую крокодила с разинутой пастью. Рядом с пепельницей стоял флажок России, а воткнут он был в подставку, надпись на которой я сумел разглядеть: «Управление ФСБ по Московскому военному округу».

Внезапно я разозлился:

— Послушайте, мы ничего незаконного не сделали. Наоборот, даже помогли задержать опасных преступников. Отдавайте мои права, запишите показания, и мы поедем.

— Да мы вас и не держим, Михаил Олегович. — Валерий Васильевич даже привстал со своего места, протягивая мне права.

Я тоже встал, но пока я тянулся за кусочком пластика, до меня дошло, что впервые за последние дни я услышал свое настоящее отчество.

Права тем не менее я забрал и тут же спрятал их во внутренний карман пиджака.

Теперь все трое, включая Ганса, смотрели на меня с пристальным интересом, ожидая дальнейших действий.

— Ну так что, прощаемся? Или как? — все с той же странной ухмылкой озвучил общий вопрос старик.

— Ладно, что вам от меня нужно? — Я вернулся за стол, и Валерий Васильевич тоже сел на свое место.

— О! Совсем другой разговор, — скучным, сугубо деловым голосом сказал Пинкертон и принялся подробно, с пикантными отступлениями, излагать свои удивительные предложения.

Впрочем, ничего удивительного в этих предложениях как раз не было — удивительно было, что армейская контрразведка при таких раскладах сразу не взяла нас за хобот.

Глава пятнадцатая

Из здания Управления мы поехали закупаться согласно штабному списку, а адрес оптимального магазина в качестве финальной любезности подсказал нам Валерий Васильевич. Вообще, нормальный человек оказался. Да и Пинкертон, по зрелому размышлению, тоже, хотя его манерность и самолюбование все же здорово раздражали.

Николь позвонила мне, когда Ганс закончил запихивать в лимузин последние коробки с запчастями, и мы уже выруливали со стоянки на проспект.

Я до последнего не верил, что она позвонит, хотя после визита в Управление знал уже наверняка, что не может не позвонить. В такой игре нельзя оставлять без контроля ни один кусочек инсталляции.

И все равно, когда на экран телефона пробилось робкое сияние с ее таким желанным именем, мое сердце застучало в такт автомобильному движку. Наш лимузин рванул по пустому шоссе, и я тоже мысленно уже летел навстречу Николь, вспо-

миная волшебные изгибы ее тела, отточенные, зовущие жесты и пьянящий запах ее инопланетной красоты.

— Привет, Миш!

Я молчал, жадно вслушиваясь в каждый звук, доносящийся из телефона, — там играла музыка, значит, Николь уже вышла из отеля позавтракать. Сидит где-нибудь в кафе, глазки строит посетителям.

— Эй, Миша, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Я хотела тебе сказать, что ты молоток, Миш! Я не ожидала. Честно. Ты хоть знаешь, что сейчас творится на фондовой бирже? Началось еще вчера вечером, но сегодня — это просто фантастика! Ты ведь знаешь, да?

— Знаю.

— С тобой Марк хочет поговорить. Передаю трубку.

Я поморщился — сдался мне этот краснорожий хомяк. Но ведь видно было, как Николь от него зависит, и я не хотел его злить, лишь бы не расстраивать ее.

— Алло, Михаил Дм… хм, Олегович?

— Да, слушаю вас.

— Это Марк. Я хотел поблагодарить вас. Вы все

сделали идеально. Просто идеально! Я жду вас и вашего приятеля в «Хошимине» в пятнадцать часов дня — успеете? Нам потом надо будет улетать. Мне звонили ваши кураторы, с ними мы уже рассчитались. Осталось только с вами. Успеете до 15.00?

— Успею.

— Тогда до свидания.

И он отключил трубку, гнида. Или Николь сама не захотела продолжения разговора?

Я всерьез задумался, да так, что всю дорогу до части думал только о том, как узнать, кто из них выключил телефон, — как будто это было самым важным знанием в моей жизни.

Мы не стали больше деликатничать, а велели Марату погромче посигналить у ворот, а затем въехали в расположение части, торжественно проехав по пустому пыльному плацу, да еще поставили машину прямо под окнами штаба, заехав задом на газон. Уже давно можно было спокойно выйти из роли, но я из пустой вредности не спешил этого делать, подгоняя зычными окриками Ганса, в одиночку таскающего тяжелые коробки в кабинет командира батальона.

К комбату я зашел сразу после того, как туда в очередной раз занырнул вспотевший Ганс с

последней коробкой в руках. Комбат, слава богу, был на месте, и я отдал ему список, исчирканный галочками, обведенными в разноцветные кружочки.

Майор, не говоря ни слова, раскрыл облезлый сейф и вручил нам с Гансом по военному билету, где уже были проставлены все необходимые печати и пометки.

— Молодцы, — буркнул комбат, но нам совсем не требовалось его одобрение, и он сам это отчетливо понимал.

Мы молча, не прощаясь, вышли из кабинета и плечо к плечу пошли по ступеням штаба к лимузину, уже развернувшемуся лакированной мордой к воротам.

Из всех четырех казарм, из столовой и хозяйственного блока высыпали бойцы и, встав в огромный неровный овал по периметру учебного городка, тоже молча смотрели, как мы с Гансом стучим модными туфлями по истерзанному солдатскими подошвами плацу.

Перед тем, как сесть в лимузин, я все же помахал ребятам на прощание, а вот Ганс даже этого не сделал.

Зато, усевшись спереди, он громко сказал Марату:

— Поехали! — и лимузин, взвизгнув шинами, рванул к торопливо раздвигающимся воротам.

У «Хошимина» было негде припарковаться, и мы кружили вокруг не меньше получаса, пытаясь втиснуться по правилам, пока мне не осточертело.

— Марат!

Я достал все деньги, что остались у нас после выплаты армейской барщины, и показал ему, пока он лавировал в московской давке.

Денег оказалось чуть больше тридцати штук рублей, и я все их передал Гансу, а тот закинул в бардачок напротив себя.

— Нормально, дружище? — спросил у него Ганс. Читалось это так: рассчитывал ли ты на что-то еще, странный ты мужик?

— Нормально, пацаны! — откликнулся Марат. — Телефончик мой запишите. Будете еще какую-нибудь аферу крутить, позвоните. Может, и я на что сгожусь. И это, на будущее, учтите — когда будете олигархов изображать, деньгами не сорите. Непохоже получается. На самом деле олигархи жадные. Очень жадные. Сквалыжные они, короче, как моя теща.

Ганс записал телефон, хлопнул Марата по плечу, и тот притормозил как раз напротив «Хо-

шимина».

Мы вышли, лимузин уехал, погудев нам на прощание, а Ганс, повернув ко мне задумчивое лицо, в очередной раз попросил у меня объяснений тому, чего не понимал я сам:

— Не понимаю я этого, Михась! Как это может быть, что вся обслуга вокруг знает, кто мы такие, но никому из хозяев об этом ни гу-гу?! Все водилы, все швейцары, все охранники — все, мля! Но кому надо — ни гу-гу?! Почему они молчали, объясни?!

Я подумал, что это называется «солидарность», но не стал говорить этого вслух, потому что на самом деле не верил ни в какую солидарность, тем более среди холопов. Может, они тоже что-то крутили, ловили свою рыбку в нашей мути?

Швейцар на входе встретил знакомой ухмылкой, но когда я, похлопав себя по карманам, вдруг обнаружил, что у меня нет ни рубля, он совсем не огорчился:

— Не беда, потом меня порадуешь, солдат, — пробормотал он в свои усы едва слышно, зато потом громко, во весь голос, закричал: — Здравствуйте, дорогой Михаил Дмитриевич! Милости просим к нам!

Мы торопливо прошли вестибюль и поднялись

наверх.

Дверь нашего номера была распахнута, и у меня екнуло сердце — там, наверное, уже пусто, лишь хлопочут горничные, или того хуже, уже въехали другие постояльцы и даже следа от Николь не осталось.

Но в номере сидел Марк. Рядом с ним, на диване, лежали две сумки из мягкой дорогой кожи.

— Здравствуйте, господа! — Марк встал и, оглядев нас так внимательно, будто впервые увидел, потом еще пожал каждому руку и посмотрел в глаза.

— Вот здесь обещанное вам вознаграждение. Как видите, я своих слов на ветер не бросаю. Так и передайте своим кураторам. Михаил, еще раз хочу вам сказать, что вы все сделали идеально! Сегодня утром я продал все свои проблемные активы на фантастических условиях, просто на фантастических условиях! Поздравляю всех нас с удачной сделкой!

Я не удержался и все-таки задал свой вопрос, хотя видно было, как его коробит от моей настойчивости:

— А где Николь?

— Она не стала вас дожидаться и уехала, получив свою долю.

Марк так морщился и краснел, что до меня дошло — я не один сейчас страдаю по этой шлюхе. Нас, страстотерпцев, похоже, скоро целый взвод наберется, а то и батальон.

— Ну, я пошел. Удачи! — Он не стал пожимать нам руки второй раз, а мы тоже не рвались с ним еще раз ручкаться.

Как только за Марком захлопнулась дверь, Ганс рванул к сумкам, расстегнул на каждой по молнии и оторопело уставился на пачки евро, упакованные в прозрачные пакеты по десять пачек в каждом.

— Михась, гляди! Мля! Сколько тут?

Я подошел поближе, поковырялся в сумках и признал очевидное:

— В каждой — ровно по миллиону евро.

— Охренеть! — счастливо пропел Ганс. — Охренеть! Охренеть! Охренеть!

Потом он торопливо застегнул молнию на обеих сумках:

— Смотри, Михась, теперь главное — не пропалиться. В фильмах, я видел, всегда в этом месте у пацанов конкретные проблемы начинаются.

— У нас не начнутся, — пояснил я. — Это же легальные деньги. Я не удивлюсь, если красноярожий с них даже налоги заплатил, на радостях. Так

что не шугайся — теперь ты легальный миллионер, а не какой-нибудь мелкий фармазонщик.

— А сколько же этот сыч себе отхватил, если нам таких денег не пожалел? — вдруг озаботился Ганс, возбужденно вымеривая шагами гостиную, но не выпуская из виду сумки с деньгами.

— Николь говорила, что до зимнего кризиса его компания стоила сто пятьдесят миллионов. Раз он так радуется, значит, получил еще больше, чем полагалось. Наверное, миллионов двести. А тебе не все равно?

— Да, в общем, мне по барабану, — признал Ганс, остановившись на минуту у распахнутого окна.

— А контрразведка сколько отхватила?

— А вот этого я не знаю, даже примерно, — честно признался я. — Они могли и больше Марка заработать, у них масштабы, сам понимаешь, космические.

— Эх, — потянулся Ганс, мечтательно глядя в голубое небо. — Приеду в Саратов, кабак открою на центральной улице — там после того, большого кризиса, вообще ничего толкового не осталось. Нормальным пацанам, понимаешь, и побазарить негде… А то поехали со мной в Саратов, Михась! — вдруг начал уговаривать он меня. — Я в таких

делах херово соображаю, а ты ведь головастый пацан. Мы вместе нормально замутим, Михась, точно тебе говорю!

Я помотал головой, даже не пытаясь объяснять Гансу, почему я не желаю жить в Саратове и управлять пивным рестораном, ублажая нормальных пацанов.

— Мне в Питер срочно надо, братва ждет меня там, — нашел я подходящее объяснение, и Ганс не стал больше донимать меня.

Впрочем, он еще с час топтался в номере, мешая мне проводить грамотный обыск, но когда Ганс наконец собрался уходить, а я твердо заявил, что остаюсь, немец все-таки обиделся.

— Значит, расходимся, как в море корабли? — с нескрываемой обидой сказал он. — Даже на пару дней со мной в Саратов не скатаешься? Сейчас вот не поедешь со мной, так что ли?!

— Ганс, мне очень жаль. Нет.

— Ну, бывай, братан! — Он вышел с плотно застегнутой сумкой в руках, яростно хлопнув дверью на прощание.

Я тут же рванул в спальню, потом в ванную, потом снова в спальню, в бешеной истерике переворачивая постельное белье, пледы, пуфики, пока не нашел то, что искал, — один из ее много-

численных носовых платков. Я, разумеется, узнал бы его даже с закрытыми глазами, даже вернее бы узнал, закрыв глаза, но у нее платки еще были помечены фирменной вышивкой на уголках — «Н. Н.». Бережно расправив платок, я поднес его к лицу, вдыхая ее одуряющий запах, и меня захлестнула волна блаженства, а подкосившиеся ноги уронили мое тело на диван.

Я лежал, не двигаясь, закрыв лицо драгоценным платком, и мучительно думал, что мне теперь делать, чтобы не только найти ее, но и вернуть. Найти человека несложно, особенно если у тебя есть деньги, но что потом делать, если она рассмеется мне в лицо, презрительно скривив тонкие бледные губы?

Потом я звонил ей по телефону — звонил каждый час, проживая в мучительном нетерпении каждый этот час, как целый день.

Она ответила в полночь, будто сама для себя выбрала это символическое время.

— Привет, Миш! Чего хотел? Марк с вами расплатился, я надеюсь? Ему ведь пришлось еще с кое-кем поделиться, тут ты просто стратег оказался. Как ты только додумался до этого, я тобой горжусь! Уже получили свои доли, так?

— Да, все в порядке. Но я хотел увидеть тебя.

— Миш, дорогой мой! Успокойся, пожалуйста. Ну, зачем я тебе? Ты так молод, у тебя впереди еще будет не одна и не две любви. У тебя теперь вообще все будет хорошо!

— Николь, мне очень важно тебя увидеть. Я обещаю, что не буду делать глупостей. Мне просто надо предложить тебе одну сделку. Тебе понравится, обещаю.

— Сделку? Ты?! Ну, ладно, предлагай. Мне даже интересно.

— Нет, Николь, не сейчас. Я хочу сделать предложение лично. Это займет пять минут, не больше.

Она упиралась недолго — мы договорились, что встретимся утром. Она терпеливо объясняла, где находится кафе, куда она явится завтракать, а я нарочно прикидывался идиотом, будто не понимая, где находится это кафе, только для того, чтобы подольше слышать ее хрипловатый, но такой желанный голос.

В конце концов она меня раскусила, но не обиделась, а так тепло рассмеялась, что я вдруг поверил — все будет хорошо.

Она согласится — не может такого быть, чтобы она отказалась. Это было бы слишком несправедливо ко мне.

Глава шестнадцатая

— Кстати, Миш, давно собиралась тебе сказать. Я замуж выхожу. За Николая Беридзе, владельца «Консалтинг корпорейшн», — сказала она вдруг и отшатнулась, увидев мое лицо.

Я прочувствовал каждое сказанное ею слово, будто меня тыкали палкой в свежеобожженную кожу, и тут же задергался от настоящей, невыдуманной боли.

— Ты чего ерзаешь, Миш? — спросила Николь осторожно, и я, мельком взглянув на нее, сразу отвернулся, чтобы ее слова больше не рвали мою кожу так остервенело.

Она поставила на стол свой стакан, поправила салфетки, и я совершенно неосознанным движением тут же вцепился в этот стакан, а потом еще коснулся по очереди всех этих дурацких салфеток. Мне просто хотелось трогать все, что она трогала, пока тепло ее рук еще не ушло из всех этих вздорных, но теперь таких дорогих мне вещей.

— Беридзе сейчас стоит почти четыреста миллионов евро. Он играл на бирже под алюми-

ниевые комбинаты Марка и Прохорова, а потом, по моему совету, зарегистрировал сделки и слил активы на максимуме, зафиксировав наивысшую прибыль, — подробно рассказала она мне, так, словно это все объясняло.

Я понял, что если прямо сейчас не сделаю что-нибудь настоящее, что хотя бы озадачит ее, если не остановит, то она просто встанет и навсегда уйдет в те места, где зафиксирована наивысшая прибыль.

Я нагнулся под стол и поднял наверх сумку. Сумка из мягкой дорогой кожи распласталась под тяжестью денег, заполнив почти все пространство между нами. Между мной и Николь.

— Здесь девятьсот девяносто тысяч евро, — криво улыбаясь, показал я. — Я тоже зафиксировал прибыль, прости, что по-пацански, наличными. Еще десять тысяч евро я поменял на рубли — они мне понадобятся на дорогу домой и на все прочее.

Николь потянулась через салфетки, разбросанные по столу, и уверенным хозяйским движением, придержав край сумки, расстегнула молнию.

— Ого! Неплохо выглядит, — дружелюбно улыбнулась она, наклонившись ко мне поближе, и я невольно дрогнул, почувствовав рядом знако-

мый, тревожно-сладкий запах. — А я свою долю на счетах в банке оставила. Ну, дефолтов ведь впереди больше не ожидается. Партия обещает впереди лишь стабильность и процветание, понимаешь?

Ее глаза горели предупредительным желто-зеленым огнем, и просто для того, чтобы они не зажглись красным, я рефлекторно кивнул:

— Понимаю.

Я поспешно пододвинул сумку к ней, когда увидел, что она собирается встать.

— Это твое, Николь. Бери. Это твое. Бери.

И без того острые черты лица Николь ожесточились. Она недоверчиво качнула белыми кудряшками, но быстро положила правую руку на мою сумку:

— Ну, предположим, я возьму. И что ты за это хочешь?

У меня отлегло от сердца — она не ушла сразу к своему Беридзе, просто хлопнув меня по плечу. Она согласилась поторговаться.

Я внутренне подобрался, формулируя деловое предложение и одновременно следя за ее лицом, чтобы подкорректировать какие-нибудь детали, если она вдруг возразит.

— Я отдаю тебе девятьсот девяносто тысяч евро.

Это будут твои деньги. Делай с ними, что хочешь. Но один раз в год, до самой смерти, ты проводишь со мной ночь в постели. Без презерватива. И когда я этого захочу. Ты согласна?

Николь так округлила глаза, что я понял — я идиот. Ведь можно было требовать и две, и три, и даже четыре ночи в год!

Она быстро, пока я не передумал, схватила сумку обеими руками, с натугой подняла ее и встала со стула.

— Я согласна. Звони только заранее, кобелино. Ну, хотя бы за сутки. Целую!

Но на самом деле она не стала меня целовать, а просто повернулась и пошла на выход, с видимым трудом удерживая тяжелую сумку в тонких девичьих руках.

Напряжение, державшее меня все эти дни, вдруг отпустило, и я счастливо засмеялся.

Я подумал, что мне еще только двадцать три года. А впереди будет Николь. Причем столько раз, что даже дух захватывает.

Я опять засмеялся, и на мой смех из подсобки вынырнул официант с тревожным выражением на бледном унылом лице.

Я заплатил ему по счету и дал еще столько же на чай, но он выказал довольную физиономию,

только когда я сказал ему:

— Представляешь, я сейчас купил себе любовь. Почти за миллион евро. Наличными. Вон видишь, с сумкой пошла? А говорят, любовь не продается. Смешно, да?

Вот тогда он и улыбнулся, проводив Николь цепким оценивающим взглядом, и потом уверенно заявил мне:

— Простите, что вмешиваюсь не в свое дело, но вы явно переплатили, сударь. В Москве это стоит намного дешевле.

Бывают же на свете идиоты!..